

ЛИЛІЯ
ВЪ ДОЛИНѢ.

М. БАЛЬЗАКА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.
1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по оппечаташи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число
экземпляровъ. Спб. 23 Марта 1837 года.

Ценсоръ *П. Гаевскій.*

ЛИЛІЯ ВЪ ДОЛИНѢ.

ГРАФИНѢ НАТАЛЬѢ ДЕ МАНЕРВИЛЬ.

Исполняю швое желаніе. Женщина, которую мы любимъ болѣе, нежели она насъ, обладаетъ жестокимъ правомъ заставлятъ насъ часто поступать вопреки разсудку. Да, чптобы разсѣять неудовольствіе, которое, въ едва примѣнныхъ складкахъ, собирается на челѣ вашемъ, чптобы изгладить на вашихъ губкахъ выраженіе досады при малѣйшемъ отказѣ и снова вызвать

*

улыбку, которая дѣлаешь васъ столь прелестными, для этого — мы безразсудно распочаемъ жизнь нашу, для этого мы проливаемъ кровь свою, приносимъ величайшія жертвы и со стыдливостію великодушія спараемся скрыть оупъ васъ, чего онѣ намъ спонили. Но какая награда за это самоопверженіе? Для кого эти тайныя пожертвованія? Увы! на другой день вы насъ же считаете своими должниками. Пусть пакъ! Зачѣмъ измѣрять глубину бездны, которая поглощаетъ страсти. Но, по крайней мѣрѣ, знай, Наталія, что, желая тебѣ повиноваться, я превозмогъ до сихъ поръ непреодолимое отвращеніе. Зачѣмъ тебѣ вздумалось разгадывать продолжительную задумчивость, которая иногда внезапно овладѣвала мною въ самомъ пылу счастья? Зачѣмъ, съ любопытствомъ избалованнаго ребенка, спрашиваешь меня о прошедшемъ? Оно достояніе

умершихъ. Зачѣмъ эпопѣ милый гнѣвъ при моемъ молчаніи? Не могла ли ты забавляться спранными моего характера, не доходя до причины ихъ? Что нужно, что я могу чинать на лицахъ сокровеннѣйшія чувства? Или ты хочешь выслушать мою исповѣдь для того, чтобы найти въ ней оправданіе для собственныхъ тайнъ? Неужели ты, которая въ бракѣ не знала любви, неужели ты спрашишься моего искусства разлагать общество по часпямъ, указывать на его заблужденія, и въ васъ самихъ съ перваго взгляда угадывать зародышъ сердечныхъ болѣзней, пѣлесныхъ или душевныхъ? Но, ты хотѣла эпого—и я повинуюсь. Я раскрываю передъ побою сердце, которое уже двѣнадцать лѣтъ никому не открывалось; въ твою душу я хочу перелить прелестныя, какъ запахъ розъ, впечатлѣнія первой любви. Это такъ и должно быть. Размѣнъ сердець нашихъ долженъ совер-

шитсья вполнѣ. Да, ты угадала, Напалія: естѣ призракъ, который носишь надъ моею жизнію; малѣйшій звукъ, малѣйшій намекъ вызываетъ его — и часпо я нахожусь подъ его таинственнымъ вліяніемъ. Спрашныя воспоминанія таятся во глубинѣ души моеѣ, какъ водяныя распенія, которыя видны на днѣ моря въ ясную погоду и которыя буря, разрывая, выбрасываетъ на берегъ. Мнѣ паяжко было бы, живя съ тобой и для себя, не говорить о ней; ея имя всегда въ моихъ мысляхъ и часпо, часпо на устахъ. Я предпочелъ написать то, что мнѣ было бы такъ прудно рассказывать. Спараніе наблюдать нѣкоторый порядокъ при изложеніи мыслей письменно удерживаетъ порывы прежнихъ волненій, которыя такъ сильно потрясаютъ меня въ разговорѣ. Но, послушай, Напалія, будь великодушна, какъ благородные сыны Каспиміи, отъ которыхъ ты проц-

сходишь; вспомни твои угрозы, если я не исполню твоего приказанія. Не накажи же меня за послушаніе. Если, въ замѣнъ моей довѣрчивости, твоя привязанность уменьшилась — мнѣ также не возможно будетъ перенести потерю моего послѣдняго счастія, какъ прудно юношѣ разстаться съ его первыми мечтами. Но я самъ не знаю, что говорю! Что любви до прошедшихъ преступленій! Пусть моя исповѣдь увеличитъ твою нѣжность.

Знаешь ли, отъ чего эта неизвѣстность такъ для меня мучительна? Отъ того, что мужчина за тридцать лѣтъ уже слабѣетъ духомъ. Онъ не предписываетъ болѣе условій, а принимаетъ ихъ. Ахъ! только только узналъ любовь, кѣмъ испыталъ всю силу послѣдней любви. Пора спрассей начинается въ сорокъ лѣтъ; тогда взоръ нашъ можетъ исчислить всѣ несбывшіяся мечты, всѣ утраты въ

жизни; въ молодости мы не дорожимъ
ея дарами, попому что пламенная фан-
тазія сулитъ намъ еще лучшіе въ бу-
дущемъ. Проспи мнѣ, милая, эпопѣю
ропомъ; это послѣдніе раскаты упи-
хающей грозы. До свиданія.

Феликсъ.

Парижъ.

8-го Августа 1828 года.

Г.

ДВА ДЪТСТВА.

I.

Чье перо, омоченное слезами, начертаешь намъ прогашельную элегію, вѣрную картицу спраданій юныхъ душъ, копорыя на первомъ шагу въ жизни, въ семейномъ кругу своемъ, нашли одни пернія, копорыхъ первые вздохи были встрѣчены ядовитымъ дыханіемъ ненависти? Бѣдные цвѣтшы, еще въ почкахъ пораженные зимнимъ холодомъ! Какой поэтъ расскажетъ намъ шяжелую участь ребенка, для копораго самое молоко кормилицы было смѣшано съ горечью, копораго невинная улыбка замирала подъ убійственнымъ огнемъ спрогихъ взглядовъ? Эпа повѣсть о бѣдныхъ созданіяхъ, угнепешныхъ пѣми, копорые должны бы спараться развивать ихъ чувспвительность, —эпа повѣсть была бы вѣрнѣйшимъ изображеніемъ моей юности. За какое преспуление, я, ребенокъ, осужденъ былъ

на такое спраданіе? Что произвело ко мнѣ отвращеніе моей матери? Былъ ли я дитя обязанности, или заблужденія? Кто разгадаетъ это? Первые три года моей жизни я провелъ въ деревнѣ, гдѣ жила моя кормилица. Потомъ, въ домѣ родителей, на меня такъ мало обращали вниманія, что я возбуждалъ певольное состраданіе въ домашнихъ. Мои двѣ сестры и братъ не только не спарались облегчать мою участь, но еще находили жестокое удовольствіе мучить меня. Союзъ, которымъ дѣти скрываютъ свои шалости, не существовалъ для меня. Напротивъ мнѣ часто доставалось за ихъ проступки, и я никогда не смѣлъ жаловаться на несправедливость. Природа дала мнѣ сердце, для котораго любить было необходимою потребностію жизни, и мнѣ [некого было любить! Не ангелы ли принимаютъ вздохи нѣжныхъ душъ, которыхъ такъ сурово отпалкиваютъ люди? У многихъ эта отверженная чувствительность обратилась въ ненависть; у меня всѣ чувства сердца сосредоточились во глубинѣ души, откуда въ послѣдствіи онѣ бурнымъ потокомъ пролились на жизнь

мою. Привычка пренебрегать ослабляетъ фибры и порождаетъ робость, которая измѣняетъ природу челоука и придаетъ ему что-то рабское; но во мнѣ эти безпрестанныя потрясенія пробудили силу души, которая возраспала съ каждымъ днемъ и приготовила ее къ нравственнымъ оппорамъ. Въ безпрестанномъ ожиданіи новыхъ огорченій, все мое существо выражало какое-то страдальческое терпѣніе, которое подавило живость и прелесть дѣйствія; другіе сочли это признакомъ глупости и подтвержденіемъ злоуѣщихъ предвѣщаній моей мапери. Увѣренность въ ихъ несправедливости пробудила во мнѣ прежде времени гордость, плодъ опынности, и спасла меня отъ дурныхъ наклонностей, которыя бывають послѣдствіемъ подобнаго воспитанія. Я росъ совершенно заброшенный. Несчастіе рано расположило душу мою къ мечтательности, а небольшое происшествіе, которое вамъ дастъ понятіе о моемъ угнетеніи, возбудило спросъ къ созерцанію. Мною занимались такъ мало, что часто гувернантка забывала уложить меня спать.

Однажды вечеромъ я лежалъ подъ шѣнію смоковницы и съ снраспнымъ любопытствомъ, свойственнымъ дѣтямъ, безмолвно смотрѣлъ на одну изъ звѣздъ, копорыми усянь былъ сводъ неба. Преждевременное спраданіе набрасывало на мою задумчивоспъ какую-то особенную тѣнь груспи. На другомъ краю сада играли мои сеспры, и отдаленный шумъ ихъ голосовъ сливался порой съ моими мечтами. Скоро все замолкло. Наступила ночь. Не знаю, какъ случилось, что мапъ моя хвапилась меня. Чтобы избѣжать ея упрековъ за худой присмотръ, гувернаншка M-elle Каролина сочла нужнымъ усилить ея неосновательныя подозрѣнія о моемъ характерѣ. Изъ всѣхъ дѣшей, ввѣренныхъ ея попеченіямъ, я былъ самый дурной ребенокъ, и совсѣмъ не шакъ глупъ, какъ воображали; я не могъ терпѣть никого въ домѣ и безъ ея зоркаго присмотра давно бы убѣжалъ. Она сдѣлала видъ, что ищетъ меня, хопя очень хорошо знала, гдѣ меня найпи. «Что ты пущъ дѣлаешь?» спросила она, подойдя ко мнѣ.

— Я смотрю на звѣзду, отвѣчалъ я.

«Неправда,» подхватила моя мать, которая подслушивала насъ съ балкона: «въ твои лѣта еще рано заниматься Астрономіей.»

— Ахъ, сударыня! вскричала М-ше Каролина, онъ отвернулъ кранъ фонпана: весь садъ затопленъ.

Поднялась спрашная суматоха. Сестры мои забавлялись фонпаномъ; окропленные сильнымъ брызгомъ воды, онѣ убѣжали и въ испугѣ забыли завернуть кранъ. Обличенный въ шалости и во лжи, я вышерпѣлъ строгое наказаніе. Но мнѣ было гораздо больше слушать насмѣшки надъ моей спрасію къ Астрономіи, и къ довершенію несчастія мнѣ было запрещено осваваться въ саду вечеромъ. Съ тѣхъ поръ мнѣ часпо доставалось за мою звѣзду. Не имѣя ни одного существа, которое принимало бы во мнѣ участіе, я высказывалъ свою грусть моей свѣтлой любимицѣ прелестнымъ языкомъ невишности, которымъ дитя выражаетъ свои первыя понятія, на которомъ оно лепечетъ первыя слова. Въ училищѣ я съ неописаннымъ наслажденіемъ долго не сводилъ съ нее глазъ;

впечатлѣнія дѣтства оставляють глубокіе слѣды въ сердцѣ.

Карль былъ пятью годами старше меня, прекрасный мальчикъ и въ послѣдствіи прекрасный мужчина, любимецъ родителей, надежда семейства и слѣдовательно самовластный господинъ въ домѣ. Онъ былъ крѣпкаго и здороваго сложенія, и воспитывался дома; а я, худой и слабый ребенокъ, пяти лѣтъ былъ отданъ въ пансіонъ, куда отводилъ меня поупру камердинеръ моего отца; онъ же приходилъ за мной вечеромъ. Весь мой запасъ помѣщался въ маленькой корзинкѣ, между тѣмъ какъ поварищи мои приносили всякаго рода лакомства и закуски. Эта противоположность между ихъ богатствомъ и моей бѣдностію была для меня источникомъ неизъяснимыхъ страданій; она помрачила всѣ радости дѣтства и рано изсушила мои свѣтлыя кудри. Дѣти также скоро замѣчаютъ зависть въ поварищахъ, какъ женщины любовь: я сдѣлался предметомъ ихъ насмѣшекъ. Они окружали меня, подносили мнѣ къ носу свои лакомства, спрашивали: знаю ли я какъ это дѣлается, гдѣ про-

дается и по чему у меня ихъ не было? По-
помъ осматривали мою корзинку, и найдя
въ ней кусокъ сыру или сушеные плоды,
оканчивали убійственнѣмъ для моего самолю-
бія вопросомъ: такъ тебѣ не на что? Въ
первый разъ, когда я въ простопѣ сердца
пропянулъ руку, чшобы взять предлагаемый
кусокъ, злой шалунъ оддернулъ руку при
громкомъ смѣхѣ предупрежденныхъ повари-
щей. Самые высокіе умы доступны щесла-
вію; какъ же не извинишь ребенка, который
плачетъ, попому что падъ нимъ смѣются,
попому что его презирають. Сколько дѣ-
шей сдѣлались бы жадными, низкими, льспе-
цами въ подобной школѣ! Чшобы опучить
моихъ поварищей опъ такихъ шупокъ, я
подрался; сила опчаянїя сдѣлала меня спраш-
нымъ, но вмѣстѣ и ненависнымъ, и не
могла защитишь меня опъ измѣническихъ
нападеній. Однажды, выходя изъ пансіона,
я получилъ жестокій ударъ плашкомъ, въ
которомъ были накладены камни. Когда ка-
мердинеръ, опмсивъ за меня, увѣдомилъ
объ эпомъ мою мапъ, она вскричала: не-
ужели онъ никогда не перестанетъ огор-

чашь насъ! Тогда, вспрѣчая вездѣ ту же холодность, ту же спрөгость, я почувство-
 валь ужасную недовѣрчивость къ себѣ; во
 второй разъ пышный цвѣтъ души моей
 былъ пораженъ губительнымъ холодомъ
 несправедливости людей; я болѣе и болѣе
 всѣхъ удалялся. Сердце мое было полно, но
 мнѣ некому было передать моихъ чувствъ.
 Какъ скоро я выучился чипать и писаць,
 мать моя перевела меня въ другое училище,
 въ Понъ-де-Вей. Тамъ провелъ я восемь лѣтъ,
 не видя никого изъ родныхъ, и жизнь моя
 могла сравниться только съ жалкимъ су-
 ществованіемъ Паріи. Я получаль только
 три франка въ мѣсяць; этой суммы едва
 доспавало на перья, карандаши, бумагу и пр.
 Объ мячикахъ, веревочкѣ, кегляхъ и ду-
 мать было нечего. Опъ того я не смѣль
 участвовать въ обыкновенныхъ играхъ дѣ-
 шей. Лъстипь богатымъ или сильнымъ въ
 классѣ мнѣ было не возможно: малѣйшая ни-
 зость, которую такъ легко позволяють
 себѣ дѣпи, приводила меня въ шрепеть.

Въ то время, когда другіе играли, я про-
 водиль день подъ деревомъ, углубленный въ

грустную думу, или читая книгу. Какая бездна спраданій заключалась въ этомъ непривычномъ для моего возраста одиночествѣ! Соберите всѣ эти обстоятельства и представьте, что должно было происходить въ этой нѣжной больной душѣ въ первую раздачу наградъ. Я получилъ двѣ главныя. Горько мнѣ было, когда я всходилъ принявъ ихъ при звукахъ музыки и громкихъ восклицаніяхъ публики: мнѣ не съ кѣмъ было раздѣлить радость; у меня не было ни отца, ни матери, между тѣмъ какъ зала была полна родственниками другихъ учениковъ. вмѣсто того, чтобы по обыкновенію поцѣловать раздающаго награды, я бросился къ нему на шею, заливаясь слезами. Зимой я сжегъ мои вѣнки.

Родные мои жили только въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, и когда всѣхъ брали домой, я долженъ былъ оставаться въ училищѣ съ Заморскими. (Такъ называли учениковъ, кошорыхъ родственники жили въ колоніяхъ, или въ чужихъ краяхъ.) Вечеромъ мы слушали, какъ злые поварищи расхваливали намъ лакомые обѣды, кошорыми ихъ

угощали дома. И сколько усилій я упошребилъ, чтобы избавишься опъ гнетущаго меня одиночества! Сколько надеждъ порождалъ каждый день и уносилъ каждый вечеръ! Не разъ я умолялъ родителей въ пламенныхъ письмахъ пріѣхать ко мнѣ. При наступленіи раздачи я удвоилъ мои просьбы, упоминая о надеждѣ получить награду. Обманушый ихъ молчаніемъ, я ждалъ эпого дня съ волненіемъ и радостью; говорилъ поварщамъ о моемъ счастьи, и каждый шагъ дворника, которому поручено было извѣщать о пріѣздѣ посѣщителей, приводилъ меня въ трепеть. Напрасно! никогда опъ не произносилъ моего имени. Когда я сознался передъ духовнымъ опцемъ въ опчаяніи, которое заставило меня проклинать жизнь, опъ указалъ мнѣ на небо, напоминая о наградѣ, обѣщанной божественнымъ изрѣченіемъ Спасителя: Блаженни плачущіи!

Очарованный крошкимъ духомъ религіи, которой тайнственный и полный любви голосъ особенно плѣняетъ юное воображеніе, я всѣмъ сердцемъ предался глубокой, умиленной молитвѣ. Въ пламенномъ изступ-

леніи я молилъ Бога возобновишь для меня чудеса, описанія копорыхъ я чипаль въ Жишии Святыхъ. Пяши лѣшь я улешаль мыслію къ звѣздамъ, двѣнадцати я искалъ ушѣшенія у подножія Креста! Пламенная вѣра обогатила мое воображеніе неописанными видѣніями, развила чувствительность, укрѣпила нравственныя способности. Я часто приписывалъ эти дѣйствія Ангеламъ, копорымъ поручено было свыше образовашь душу мою для высокаго назначенія; они сообщили разсудку моему даръ видѣшь сокровенную спорону вещей; они приготоновили мое сердце къ волшебнымъ ощущеніямъ, копорыя дѣлають поэта несчастнымъ, когда онъ обладаетъ роковымъ даромъ сравнивашь великолѣпный міръ его фантазій съ положительною жизнію, силу его воли съ его безсиліемъ, неограниченность его желаній съ бѣднымъ его удѣломъ!

Когда мнѣ исполнилось пятнадцатъ лѣшь, меня помѣспили въ училище въ Парижѣ. Тамъ въ новомъ видѣ возобновились всѣ огорченія, копорыя я шерпѣлъ дома, въ пансіонѣ. Мнѣ не дали денегъ. Родители мои знали, что я буду одѣшь, накормленъ, напишанъ Грече-

скимъ и Лапинскимъ языками: чего болѣе? Товарищи мои имѣли обычай завтракать у швейцара нашего заведенія. При погдашней дороговизнѣ колониальныхъ поваровъ, чашка кофе считалась самымъ аристократическимъ завтракомъ. Дуази, (такъ звали швейцара,) вѣрилъ намъ въ долгъ, полагаясь на щедрость пепушекъ и сесприць. Г-нъ Ленопръ, содержатель пенсіона, не зналъ эпого, а можетъ бытъ смотрѣлъ на эпо сквозь пальцы. Долго я пропивился эпому новому искушенію; но ребенку ли имѣтъ силу души, копорая спавитъ насъ выше незаслуженнаго презрѣнія? Въ концѣ впораго года родипели мои пріѣхали въ Парижъ. Объ эпомъ извѣспилъ меня брашъ, копорый, живя со мной въ одномъ городѣ, ни разу не вздумалъ навѣспипъ меня. Положено было, что мы въ первый же день поѣдемъ всѣмъ семействомъ обѣдать въ Пале-Рояль, а опшуда въ спекшакль. Душа моя колебалась между радостью опъ споль неожиданнаго праздника и предчувспвіемъ ужасной бури. Я былъ долженъ 100 франковъ Дуази. Послѣ усиленныхъ моихъ просьбъ, брашъ согласился бытъ моимъ посредникомъ и хода-

шаемъ; отецъ мой былъ расположенъ поступить со мной снисходительно, но мать моя осталась неумолима. И теперь еще я помню убійственное выраженіе ея темноглубыхъ глазъ и роковыя предсказанія: «Чего же ожидаешь отъ меня, когда я въ семнадцать лѣтъ способенъ къ такимъ поступкамъ? Я не одинъ у нихъ, чтобы разорять семейство. Что же останется Карлу, который столько дѣлаетъ имъ чести своимъ поведеніемъ, сколько я дѣлалъ стыда. Развѣ, по моей милости, сестры мои должны осваиваться безъ приданого?» Мой братъ отвелъ меня въ пенсіонъ, и тѣмъ кончилось мое свиданіе съ матерью послѣ двѣнадцатилѣтней разлуки. Окончивъ курсъ я оспался подъ руководствомъ Г. Лепира, чтобы заняться ученіемъ Правъ. Я думалъ увидѣть конецъ горю, потому что былъ уволенъ отъ классовъ и получилъ особенную комнату; но, не смотря на то, что мнѣ уже было девятнадцать лѣтъ, отецъ мой не перемѣнилъ своей системы экономіи. А что дѣлать въ Парижѣ безъ денегъ и безъ свободы, потому что комната была приспавлена дядька, который отводилъ меня поутру въ училище Законовѣдѣнія, а

вечеромъ сдавалъ на руки Г. Лепишру. Однимъ словомъ, за дѣвушкой не могло бы бытъ спрожайшаго присмотра. Впрочемъ мои родители имѣли довольно причинъ бояться моего пребыванія въ Парижѣ, который въ то время, какъ и теперь, былъ сколько же заманчивъ, сколько опасенъ для молодыхъ людей. Безпрестанные разговоры моихъ поварихъ представляли мнѣ Пале-Рояль міромъ удовольствій и чудесъ, и мое воображеніе постоянно спремилось къ нему, какъ стрѣлка къ полюсу; но судьбѣ угодно было уничтожить всѣ мои замыслы. Вотъ какимъ образомъ.

По воскресеньямъ и четвергамъ я обѣдалъ у дальней родственницы, которой представилъ меня отецъ передъ отъѣздомъ. Странный выборъ удовольствій для молодого человѣка! Маркиза де Лиспомеръ по своимъ лѣтамъ могла попасъ въ число аншиковъ; она всегда была размалевана какъ вывѣска, разряжена какъ кукла и строго соблюдала всѣ обычаи двора Лудовика XV. Общество ея состояло обыкновенно изъ такихъ же древнихъ посѣпителей, среди которыхъ я былъ какъ между выходцами съ того свѣща.

Со мной никто не говорилъ, и я не смѣлъ ни съ кѣмъ заговаривать. Холодные или суровые взгляды заставляли меня стыдиться моей молодости; казалось, я былъ всею въ пятно. Но эта самая холодность и подавала мнѣ надежду ускользнуть когда-нибудь изъ общества и улѣпѣть въ Палероаль. Усѣвшись за виспъ, петушка не удостоивала меня взглядомъ; другіе заботились обо мнѣ еще менѣе. Однажды, по окончаніи предлиннаго и прескучнаго обѣда, мнѣ удалось пробраться до лѣстницы. Я шепталъ, какъ Біанка Капелло въ день своего побѣга, но на крыльцѣ я услышалъ пискливый голосъ Г. Лепитра, который пріѣхалъ за мной. Три раза покушенія мои оставались безъ успѣха. Въ послѣдній я вооружился всею своимъ мужествомъ, и, усадивъ полспаго Г. Лепитра въ фіакръ, собрался пуститься по дорогѣ въ Палероаль. Въ ту минуту въѣхала на дворъ почтовая карета моей матери.

Это было въ последнее время Наполеонова владычества. Отецъ мой, предугадывая возвращеніе Бурбоновъ, пріѣхалъ дасть нѣкоторыя наставленія брату, который пог-

да считался уже въ дипломатической службѣ Императора. Мать моя взяла на себя шрудъ опвезти меня въ Турь и избавить опъ опасностей, кошорымъ приближеніе иностранныхъ войскъ угрожало сполицѣ. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько минутъ, я былъ уже за заспавой опаснаго для меня города. Въ это время безпокойное воображеніе, волнуемое безпрестанно подавляемыми желаніями; скука жизни, исполненной однѣхъ лишеній, побудили меня предаться всей душою наукамъ. Скоро эпа спраспъ спала гибельною для моего здоровья, осудивъ меня на жизнь заповорника въ тѣ дѣпа, когда юность въ полномъ развитіи требовала пищи для дѣяшельности и удовольствій для ума.

Этотъ легкій очеркъ моей жалкой молодости былъ необходимъ, потому что она имѣла сильное вліяніе на всю жизнь мою. Подавленный груспью, изнуренный безпрестанною борьбою съ судьбою, я въ двадцать лѣтъ былъ еще малъ ростомъ, худъ и блѣденъ. Душа моя, сильная волею, боролась

съ слабымъ пѣломъ. Дипя лѣтами и опытный мыслію, я сполько чипаль, сполько размышляль, чпо поняль жизнь съ самой высокой почки, въ по время, какъ мнѣ надлежало вспупипь на узкіе и извилистые пупи ея, и когда я въ первый разъ увидѣль ея несчаныя равнины. Я былъ способень чувспвовать сильно и глубоко; я пламенно желаль любить; умъ мой былъ еще свободень опъ свѣшскихъ предразсудковъ; сердце исполнено побуждений высокихъ, чистыхъ и безкорыспныхъ; взоръ и голосъ еще не привыкли служить орудіемъ обмана.

Не споишь труда описывать мое пупешеспвіе съ машерью. По пріѣздѣ моемъ, сестры вспрѣпили меня съ холоднымъ удивленіемъ; но, въ сравненіи съ прежнимъ ихъ обхожденіемъ, онѣ показались мнѣ почти ласковы. Мнѣ дали особенную комнапу въ прешьемъ эпажѣ. Я началъ вести жизнь самую уединенную. Большую часпъ времени проводиль въ библіотекѣ моего опца и съ жадностію чипаль незнакомыя мнѣ книги.

Эти продолжительные часы занятій освободили меня отъ частыхъ сношеній съ матерью, но привели въ ужасное расстройство мое нравственное здоровье. Иногда старшая сестра приходила меня утѣшать; но ея старанія не могли успокоить мучительной раздражительности, овладѣвшей мною. Я желалъ умереть. Это была эпоха важныхъ происшествій. Герцогъ Ангулемскій отправился изъ Бордо, чтобы въ Парижѣ встрѣтить Людовика XVIII, и въ каждомъ городѣ встрѣчалъ доказательство пламеннаго восторга жителей, при возвращеніи законныхъ наследниковъ престола.

Общее движеніе въ Турени, необыкновенное волненіе въ самомъ городѣ, нарядныя платья зрителей, окна, увѣшанныя разноцвѣтными тканями, приготовленія къ празднику и что-то упоительное въ самомъ воздухѣ оживили и меня новою, непривычною дѣятельностію и возбудили во мнѣ сильное желаніе быть на балу, который давали Принцу. Когда я, собравшись съ духомъ, объявилъ о помѣ матери, она пришла въ спрашанный

гнѣвъ. «Изъ какой степи ты прїѣхалъ? Можно ли быть такимъ невѣжей?» Неужели я въ самомъ дѣлѣ вообразилъ, что наша фамилія не будетъ имѣть представителя на такомъ балу? Не я ли, въ описаніе отца и брата, заступилъ ихъ мѣсто? Не имѣлъ ли я заботливой, нѣжной матери? Однимъ словомъ, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что отверженный сынъ сталъ значительнымъ лицомъ. Оглушенный, изумленный моей неожиданной важностью и обильнымъ потокомъ насмѣшекъ, я сталъ спрашивать сестеръ, и узналъ, что мать моя занялась уже втайнѣ моимъ туалетомъ. Всѣ поршныя въ городѣ были завалены работою; не знаю, гдѣ ошныскали мнѣ швею, которая худо ли, хорошо ли, смасперила мнѣ синее суконное платье. Пару шелковыхъ чулокъ и бальные башмаки доспать было не трудно. Тогда носили очень короткіе жилеты, и одинъ изъ жилетовъ моего отца пришелся мнѣ почти впору. Въ первый разъ въ жизни я съ неопи- саннымъ наслажденіемъ увидѣлъ на своей шеѣ галсдукъ, а на груди пышныя складки жабо. Принарядившись такимъ образомъ, я

шакъ мало походилъ на себя, что лестное, единодушное одобреніе сесперъ вдохнуло въ меня мужество предстать предъ лице цѣлой Турени. Впрочемъ въ бѣльшой смѣлоспи не было и надобноспи. Тамъ, какъ и на всѣхъ праздникахъ, было много званыхъ, но мало избранныхъ. Благодаря моему малому росту, я пробрался къ самой палаткѣ Принца и спалъ за его креслами. Въ одну минупу я чупъ не задохся опъ жару, чупъ не ослѣпъ опъ блеска люстръ и пурпуровыхъ шканей съ золопомъ, опъ мельканія воздушныхъ одеждъ женщинъ, съ бриліанпами, въ блестящихъ локонахъ. Это былъ первый балъ въ моей жизни. Со всѣхъ споронъ меня шолкали; любопытные шѣснились другъ передъ другомъ. Громкіе звуки музыки были покрыпы восклицаніями: Да здравствуетъ Герцогъ Ангулемскій! Да здравствуетъ Король! Такъ привѣшшвовали восходящее солнце Бурбоновъ.

Увлеченный, какъ былинка, порывами вихря, я почувшволь дѣпское желаніе быпъ на мѣсцѣ Герцога Ангулемскаго, копорый

принималъ поклоненіе публики. Глупая зависль ребенка была первымъ началомъ честолюбія, которое послѣ было развито и облагорожено обспояпельспвами. Въ слѣдующій годъ я увидѣлъ повпореніе того же шолько въ несравненно большемъ, величеспвенномъ объемѣ, когда весь Парижъ бросился на встрѣчу Императору, по возвращеніи его съ Эльбы. Эпа власпнь надъ милліонами, это преклоненіе воли цѣлыхъ народовъ передъ одною власпію — посвятило въ эту минуспу всю жизнь мою славѣ, идолу, кошорому Французы споль же охотно жершву юшпъ жизнью, какъ нѣкогда предки ихъ жрицѣ Друидовъ. Тутъ же я встрѣшилъ женщину, кошорой суждено было дать направленіе моему честолюбію и сдѣлать изъ меня приверженца Королевской фамилии.

Я былъ шакъ робокъ, чпо не смѣлъ пригласить даму на танецъ; къ тому же я боялся смѣшать фигуры; шакимъ образомъ я не зналъ, чпѣ съ собой дѣлать. Къ доверщенію моего замѣшательспва, мнѣ насипунили на ногу, кошорал и бсѣз шого распухла

опь жара и пѣсныхъ башмаковъ. Это усилило мое отвращеніе къ балу до высочайшей степени. Выйти было не возможно. Я прижался въ уголь на уединенную скамейку и съ досады рѣшился не вставать до конца бала, зѣвая опь скуки на всѣ спороны.

Обманутая моимъ роспомъ и слабымъ сложеніемъ, одна изъ дамъ приняла меня конечно за ребенка, копорый дремалъ въ ожиданіи, когда угодно будешь машушкѣ увезти его. Съ легкостью пщицы, копорая вспархиваетъ на гнѣздо, она сѣла возлѣ меня. Въ одно мгновеніе разнеслось вокругъ меня благовоніе мирры и алое, смѣшанное съ бальзамическимъ дыханіемъ женщины. Это благовоніе производило въ послѣдспвіи въ душѣ моей одинаковое впечатлѣніе съ Восточной поэзіей. Я взглянулъ на мою сосѣдку, и все шоржество бала исчезло для меня передъ ея ослѣпительною наружноспію; съ эшой минушы она одна спала моимъ праздникомъ. Если вы со вниманіемъ прочли прошедшія обспоятельства моей жизни, то безъ труда поймете ощущенія, копорыя возспали въ моемъ сердцѣ.

Взоръ мой встрѣшилъ плечики бѣлыя, подернушыя легкимъ розовымъ оппѣнкомъ, какъ горный снѣгъ при закатѣ солнца; какъ будто-бы онѣ спыдились своей нагопы — плечики, копорыя дышали жизнію, коихъ апласисная кожа блестяла при свѣтѣ люспръ, какъ шелковая шкань. Смѣлый глазъ мой пробѣгалъ по спану красавицы, по нѣжной шейкѣ, обвишой газомъ, и роскошной груди, копорая упопала въ пышнѣхъ складкахъ шюля. Малѣйшія подробности ея красопы не ускользнули опъ моей наблюдательности и пробудили въ существѣ моемъ чувство неописаннаго наслажденія; я не могъ свесши глазъ съ блестящихъ волосъ, лежащихъ гладкой повязкой на возвышенномъ чель, съ бѣлыхъ линій, копорыя провелъ въ нихъ гребень; я чущь не сошелъ съ ума.

Осмотрѣвшись кругомъ и увѣрившись, что за мной никпо не примѣчаетъ, я бросился на бѣлыя плечики, какъ бросаешь дитя на грудь матери, и нѣсколько разъ сряду съ горячностію цѣловалъ ихъ, съ наслажденіемъ прижимался къ нимъ щеками.

Испуганная дама пронзительно вскрикнула; къ счастью, музыка помѣшала ее слышать. Она обернулась, увидѣла меня: «Государь мой!» Ахъ, если бы она сказала: «малютка! что съ тобой сдѣлалось?» я не знаю, но мнѣ кажепся, я убилъ бы ее. Но при этомъ словѣ: «Государь мой!» — горячая струя слезъ брызнула изъ моихъ глазъ. Я былъ пораженъ ея взоромъ, оживленнымъ негодованіемъ и благороднымъ челомъ, увѣнчаннымъ короной свѣплыхъ волосъ, которые такъ хорошо шли къ ея нѣжному шѣлу. Краска оскорбленной спыдливости разлилась по лицу небесной женщины, обезоруженной слезами раскаянія, извиняющей безумство, возбужденное ея красою. Она удалилась величественной поступью Королевы. Тупъ-то я почувствовалъ, какъ былъ смѣшенъ и жалокъ; шупъ только я понялъ, что былъ запушанъ какъ обезьяна, которую водяшъ на показъ; мнѣ спало стыдно.... Я сидѣлъ, какъ дуракъ, чувствуя еще на губахъ жаръ ея крови; безъ раскаянія въ своемъ поступкѣ, я слѣдовалъ взорами за удаляющеюся. Какъ въ лихорадкѣ бродилъ я по залѣ, которая спановилась уже пуста, но не

встрѣчалъ болѣе прелестной незнакомки. Я ушелъ домой, чувствуя въ себѣ неизъяснимую перемену; новая душа пробудилась во мнѣ, сбросивъ покрывавшую ее оболочку, и воспарила на лазурныхъ крыльяхъ. Моя любимица звѣзда спала съ эфирнаго пространства, на кошоромъ я обожалъ ее, и обратилась въ женщину, не утративъ своего блеска, своихъ привѣпныхъ лучей, своей вѣчной красоты. Я любилъ, не понимая еще любви. Спранное дѣло она первая вспышка сильнѣйшей спраспи человека! Я встрѣчалъ у тешушки хорошенькихъ женщинъ, и ни одна изъ нихъ не произвела на меня ни малѣйшаго впечатлѣнiя. Неужели въ самомъ дѣлѣ есть для человека роковой часъ, сочетанiе свѣпилъ, спеченiе особенныхъ обстоятельствовъ, избранная женщина изъ всего пола, чтобы пробудить въ немъ исключительную спраспъ?

При одной мысли, что моя незнакомка жила въ Турени, я съ упоенiемъ вдыхалъ въ себя воздухъ. Голубой цвѣпгъ неба имѣлъ для меня новую, невиданную прелестъ. Погруженный въ безмолвный воспоргъ, я казался съ виду довольно нездоровымъ, чтобы пробу-

дись опасеніе и позднее раскаяніе въ моей мапери. Подобно живопнымъ, копорыя чують приближеніе смерпи, я забираяся въ самый опдаленный уголь сада и мечпаль о похищенномъ поцѣлуѣ. Такъ прошло нѣсколь-ко дней. Мапъ моя приписывала перелому, свойственному этому возрасту, мой мрач-ный видъ, брошенные заняшя, мое равноду-шіе къ ея угнетающимъ взорамъ и холод-ность къ насмѣшкамъ. Деревня, вѣчное лѣкар-ство пропивъ болѣзней, непопашныхъ меди-цицъ, было мнѣ предписано. Мапъ моя рѣшила, что я проведу нѣсколько дней въ Фрапелѣ. Этопъ зѣмокъ, лежащій на Индрѣ, принадле-жалъ одному изъ ея пріяшелей.

Ишакъ однажды поупру я вышелъ изъ Тура, перешелъ Лоару черезъ мостъ Сень-Соверъ и пустился по дорогѣ въ Шинонъ, поднимая голову при каждомъ домѣ. Въ пер-вый разъ въ жизни я могъ останошиться подъ деревомъ, ипши медленно или скоро, не подвер-гаясь ни чьимъ распросамъ. Такая свобода оживила душу бѣднаго созданія, съ малолѣп-ства подавленнаго различнаго рода прину-женіемъ, копорое болѣе или менѣе пягошѣ-

епгь надъ каждымъ юнымъ сущесивомъ. Къ этому присоединялось много другихъ причинъ, и все вмѣстѣ сдѣлало для меня эпомъ день какимъ-то очаровашельнымъ праздникомъ. Для сокращенія пупи въ замокъ Фрапель, дорога идетъ черезъ Карломановы степи, копорыя опдѣляютъ Шерь опъ Индра. Однообразный видъ плоской и песчаной равнины продолжается до роци, къ копорой примыкаетъ дорога въ Саше, приходъ зámка Фрапеля. Она выходитъ на большую дорогу въ Шинонъ и до самага Арпана не предспавляетъ никакихъ примѣчашельныхъ видовъ. Тупъ открываешся долина, орошаемая Индромъ; она опъ Монбазона до Лоара извиваешся у подошвы замковъ, копорые вѣнчаютъ ея холмы, словно изумрудная чаша, опоясанная змѣемъ. При эпомъ видѣ я почувствовалъ сладостное удивленіе, къ копорому пригопвили меня трудность пупи и однообразный видъ степи.

— Если моя незнакомка, звѣзда всѣхъ женщинъ, живешъ въ нашихъ окреспностяхъ, это должно бытъ здѣсь!

При эпомъ восклицаніи я прислонился къ орѣховому дереву, подъ копорымъ я опды-

хаю всякій разъ, какъ посѣщаю мою любимую долину. Мое сердце не обмануло меня: здѣсь жила она. Первый замокъ на скамѣ горы былъ ея жилищемъ. Полуденные лучи солнца горѣли на блестящей черепицѣ ея кровли и играли въ спеклахъ ея окошекъ. Ея кисейное плашье была бѣлая почка, копорая мелькала въ виноградникѣ. Она была, сама того не зная, *лилією этой долины*. Здѣсь цвѣла она для вѣчной жизни, наполняла землю благоуханіемъ своихъ добродѣтелей. Безпредѣльная спрасть моя къ предмету, копорый я едва видѣлъ, опразилась на всю природу. Она журчала въ серебристой лентѣ ручья, копорый блестялъ опъ солнца въ зеленыхъ берегахъ; она вѣяла въ группахъ пополей, копорые вѣнчали долину своими нѣжными вѣшвями, и въ дубовыхъ рощахъ, копорыя выходили между виноградниками на самый берегъ рѣки; она неслась на отдаленныхъ облакахъ, копорыя въ разныхъ направлѣнїяхъ разлетались по горизонту. Хотите ли видѣть природу въ дѣвственной красотѣ невѣспы? Подите въ эту долину въ вешній день. Хотите ли вы успокоить

тревожныя думы сердца, убишаго шоскою? Приходите пуда въ послѣднихъ дняхъ осени. Весною памъ геній любви вѣспѣ на васъ своими крыльями; осенью памъ невольню вздохнешь о почившихъ друзьяхъ; больная грудь вдыхаетъ памъ цѣлебную свѣжестъ; видъ покоится на пурпуровыхъ и коричневыхъ опшѣнкахъ неподвижныхъ деревьевъ, копорья сообщаютъ душѣ спокойшвіе и шомную гармонію.

Въ шо время, когда я сидѣлъ подъ деревомъ, крылашыя мельницы на Индрѣ придавали жизнь эпош цвѣшущей природѣ, пополи съ улыбкою кивали ей своими вершинами; на небѣ ни облачка, ппицыпѣли, спрекозы жужжали; все дышало любовью, все сливалось въ одну невыразимую гармонію. Но какому-шо неизъяснимому влеченію, глаза мои были прикованы къ бѣлой почкѣ, копорая блиспала посреди зелени кустарниковъ, какъ бѣлый колокольчикъ, копорый свершывается опъ прикословенія вѣперка. Съ шрепешомъ и волненіемъ сошелъ я въ долину и увидѣлъ селеніе, копорое моимъ воспорженнымъ взодамъ показалось прелеспнымъ. Три мельни-

цы возвышались посреди живописно разбросанных острововъ, надъ *водянымъ лугомъ*: какъ назвашь иначе эпошь коверъ, сошканный изъ водяныхъ растений, одѣвающій рѣку и плѣняющій взоръ свѣжестью зелени и разнообразіемъ красокъ? Онѣ носятся на поверхности воды, плывущь съ нею, предаются ея своенравному печенію и исчезающь въ пѣнѣ волнъ, взбитыхъ колесомъ мельницъ. Тамъ и сямъ проглядываютъ песчаные холмы, около которыхъ разбиваются волны, обвивая ихъ золопою бахрамою; а водяныя лиліи и просіпникъ украшаютъ берега пышными букетами. На другую сторону переброшенъ дрожащій мостикъ изъ полусогнутыхъ перекладинъ; между ними пробиваются цвѣшты; полуобрушенныя перила поросли бархатнымъ мохомъ; гибкіе корни растений обвиваютъ ихъ и предохраняютъ отъ паденія; старыя лодки, рыбачьи сѣши, однообразное пѣніе пасуха, ушки, которыя ныряютъ между островами, или на песокъ общипываютъ себя носиками; мельники съ шапкой на бекрень, гонящіе передъ собою лѣнвивыхъ муловъ, навьюченныхъ хлѣбомъ; всѣ эши по-

дробности придавали карпинѣ какую-то неизъяснимо-прелестную простоту. Далѣе замостпомъ двѣ или три фермы, голубяшні, башни, нѣсколько хижинъ, отдѣленныхъ садами и заборами изъ душистой жимолости, шиповника и ясмина; тучная земля, поросшая цвѣтами передъ каждымъ домикомъ; куры и ушки на улицахъ! Вотъ хорошенькое село Понъ-де-Руанъ съ высокой колокольной готической церкви; ея построение относится ко временамъ Крестовыхъ походовъ. Живописецъ непременно помѣстилъ бы ее въ своемъ ландшафтѣ. Обнесите эту картину рамой изъ старыхъ орѣшниковъ, молодыхъ пополей съ серебристыми листьями, а въ срединѣ помѣстите живописныя строенія на обширныхъ свѣжихъ лугахъ; прибавьте къ этому теплый воздухъ и прозрачное лазурное небо, и вы будете имѣть понятіе объ одномъ изъ тысячи восхищительныхъ видовъ этой прекрасной страны.

Наконецъ я увидѣлъ паркъ изъ сползшихъ деревьевъ, который привелъ меня до замка Фрапель въ самый часъ завтрака.

Послѣ его, хозяинъ, не подозрѣвая, что я пришелъ пѣшкомъ, пригласилъ меня осмолрѣть его владѣнія и показатъ мнѣ долину съ разныхъ споронъ. Тупъ она едва выказывалась между горъ; далѣе развершывалась вся; шамъ взоръ оспанавливался на золотыхъ спруяхъ Лоары, гдѣ бѣлѣлись едва замѣпно крылья парусовъ; шамъ онъ бродилъ, очарованный живописнымъ положеніемъ окрестныхъ замковъ; но долѣе всѣхъ медлил на маленькомъ замкѣ, который первый попался мнѣ на глаза.

«Эге!» сказалъ мой хозяинъ, чипая на моемъ лицѣ пламенное желаніе, «да вы издалека чуеше хорошенькую женщину, какъ собака слѣдъ дичи.»

Мнѣ ужасно не понравилось эпо выраженіе; я спросилъ имя замка и владѣшеля.

«Эпопъ красивый домикъ Клошгурдъ принадлежитъ Г. де Морсофъ, предшавипелю древней Турской фамиліи; эпо имѣніе его жены, изъ фамиліи Ленонкуровъ, которая пелерь кончипся за неимѣніемъ наслѣдника. Бѣднѣшь ихъ предшавляетъ такую рази-

тельную прошивуположность съ знапностію рода, что изъ гордоспи, или по необходимости, они живущь всегда въ Клошгурдѣ и пикого не принимающь. Г-жа де Морсофъ такая женщина, которая вездѣ могла бы занимать первое мѣсто.»

— Бываетъ ли она когда въ Турѣ?

«Никогда. Нѣтъ, я ошибся. Она недавно была тамъ при проѣздѣ Герцога Ангулемскаго, копорый очень благосклонно принялъ Г. де Морсофъ.»

— Это она! вскричалъ я въ себя.

«Она? Кто она?»

— Женщина съ прелестными плечиками.

«Вы найдете въ Турепи много такихъ женщинъ,» отвѣчалъ онъ, улыбаясь. «Впрочемъ, если вы не успали, перейдемъ черезъ мостъ, и тамъ, можете, вы узнаете ваши плечики.»

Я принялъ предложеніе, краснѣя опъ удовольствія и спыда. Скоро мы пришли къ замку, копорый я такъ давно ласкалъ взорами. Это строеніе было по наружности очень скромно: пять окошекъ на фасадѣ; два крайнія, выдаваясь нѣсколько впередъ и образуя какъ будто два отдѣльные павиль-

на, придавали прелесть зданію. Среднее окошко служило дверью, изъ копорой сходили въ садъ; онъ сходилъ по скамю до самаго берега Индры.

Восходя по пропинкѣ, ведущей къ замку, я удивлялся его положенію и вдыхалъ въ воздухъ счастье. Сердце мое билось предчувствіемъ тайныхъ событій, копорыя должны были навсегда рѣшить мою участь: такъ животныя разыгрываются предъ хорошей погодою. И все соединилось, чптобы украсилъ важнѣйшій день въ моей жизни: природа сіяла всеми прелестями, какъ женщина при встрѣчѣ возлюбленнаго. Душа моя въ первый разъ услышала ея голосъ, въ первый разъ взоръ мой узрѣлъ ее споль разнообразною, споль очаровашельною, какъ она представлялась мнѣ въ моихъ юношескихъ мечтахъ.

На лай дворной собаки вышелъ слуга и объявилъ, чпто Графъ уѣхалъ съ упра въ городъ, а Графиня дома. Мой спутникъ посмотрѣлъ на меня. Я дрожалъ опть спраха, чпто онъ не захочетъ беспокоить Г-жу де Морсофъ въ отсутствіи мужа. Но онъ сказалъ слугѣ

доложить объ насъ. Съ неперпѣніемъ ребенка я бросился въ переднюю.

— Войдите же, государи мои! прозвучаль нѣжный, пріятный голосъ.

Г-жа де Морсофъ сказала на балу полько одно слово, но я попчасть узналъ ея голосъ. Онъ проникъ въ душу мою, какъ лучъ солнца прокрадывается въ пемницу узника и золопипъ ея сырыя спѣны. Я подумаль, что она можеть припомнишь мое лице, и хошѣль убѣжашъ, но уже было поздно: она стояла на порогѣ. Наши глаза встрѣпились. Я не знаю, кто изъ насъ болѣе покраснѣль. Въ замѣшательствѣ она не могла выговорить ни слова, и молча воропилась на свое мѣсто къ пальцамъ. Слуга подалъ кресла. Чшобы найти предлогъ для молчанія, она продернула иголку, сочла нѣсколько спѣжекъ, и, обративъ къ Г. де Шессель чело, вмѣспѣ кропкое и гордое, спросила: какому счастливому случаю она обязана его посѣщеніемъ? Безъ сомнѣнія, ей было любопытно знашь причину моего появленія; но она не посмопрѣла ни на одного изъ насъ, ни разу не подняла глазъ опъ работы; но

слушала съ такимъ вниманіемъ, какъ будто она обладала даромъ слѣпыхъ, угадывая душевное волненіе по едва примѣпнымъ удареніямъ голоса. Это было справедливо.

Г-нъ де Шессель представилъ меня.

Я былъ сынъ его друга; здоровье мое разстроилось опъ чрезмѣрныхъ занятій.

Я пріѣхалъ къ нему погостить и отдохнушь. Опасаясь за меня излишней усталости, онъ осмѣлился зайши въ Клошгурдъ и просить у ней позволенія отдохнуть.

Все это была сущая правда; но счастливый случай самъ собой пакъ рѣдко приходитъ, что Г-жа де Морсофъ не повѣрила этому объясненію; она бросила на меня холодный и строгій взглядъ, копорый заставилъ меня попушишь глаза опъ какого-то чувства униженія, и для того, чпобы скрышь слезы, копорыя дрожали на моихъ рѣсницахъ.

Гордая владѣтельница увидѣла холодный пошь на лбу моемъ; можешъ, угадала и слезы мои; шолько она предложила мнѣ все нужное, съ утѣшительною крошостию, ко-

шорая возврапила мнѣ голосъ. Покраснѣвъ, какъ дѣвушка, дрожащимъ голосомъ сшарика я почпипельно опказался.

» Я желаю только,» говорилъ я, поднявъ глаза и вспрѣпивъ во вшорой разъ ея взоръ; «я желаю только провеси здѣсь нѣсколько минушь. Я такъ успалъ, что едва могу держашься на ногахъ.

— Зачѣмъ вы такъ дурно думаете о госпепрїимспвѣ нашей прекрасной спороны? Не правда ли, вы сдѣлаете мнѣ удовольствїе, оставшись у насъ обѣдать? прибавила она, обращаясь къ моему сосѣду.

Я бросилъ столь прогашельно-умоляющїй взглядъ на моего покровителя, что онъ не имѣлъ духа опказашься опъ приглашенїя, кошорое было сдѣлано изъ одной учпивоспи. Привычка жипь въ свѣтѣ научила Г-на де Шесселя схватывашь эши опшѣнки; но молодой, неопышный юноша такъ свяшо вѣришь согласїю словъ и мыслей у прекрасной женщины, что я не могъ прїйпи въ себя опъ удивленїя, когда, ворошась ввечеру домой,

Г-нъ де Шессель сказалъ мнѣ: «Я оспался, пошому чшо вамъ эпого смерпельно хопѣлось; но я, можешь, навсегда разсорился съ моими сосѣдями, если вамъ не удастся поправитъ дѣло.» Эпи слова заспавили меня долго думать; въ душѣ моей снова блеснула надежда, кошорая уже гошова была ее оспавитишь.

«Кажешся, сегодня намъ не возможно воспользоваться вашимъ приглашеніемъ: Г-жа де Шессель ждесть насъ къ обѣду.»

— Чшо жъ? Мы можемъ ее увѣдомитишь. Одна ли она?

«У нее Аббапъ де Келюсъ.»

— Въ такомъ случаѣ вы обѣдаете у насъ, сказала она, вспавая, чшобы позвоитишь.

На эпошь разъ Г. де Шессель не могъ сомнѣваться въ ея искренности, и бросилъ на меня поздравляющій взглядъ. Увѣренный въ счастіи провеспи нѣсколько часовъ подъ одной съ ней кровлею, я считалъ эпошь вечеръ цѣлой вѣчностью блаженства.

Г-жа де Морсофъ начала съ своимъ сосѣдомъ предлинный разговоръ объ урожаѣ винограда, объ уборкѣ хлѣба, разговоръ, въ которомъ я не могъ участвовать. Она поступила такимъ образомъ не отъ незнанія приличія, не изъ презрѣнія ко мнѣ, но для того, чтобы скрыть свое замѣшательство. Если въ ту минуту я считалъ себя жестоко обиженнымъ, что она поступала со мной, какъ съ ребенкомъ; если я завидовалъ Г. де Шесселю, которому лѣта давали право вести съ своей сосѣдкой разговоръ о такихъ важныхъ предметахъ; если я огорчился этимъ исключительнымъ вниманіемъ: то черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я узналъ, какъ многозначуще молчаніе женщины и сколько мыслей, сколько чувствъ скрываетъ иногда шумный, мелочный разговоръ.

Первымъ моимъ стараніемъ было успѣться какъ можно покойнѣе въ креслахъ; потомъ я воспользовался выгодами моего положенія и спалъ прислушиваясь съ сладостнымъ волненіемъ къ звуку ея голоса. Вся душа ея отражалась въ каждомъ изъ

эпихъ звуковъ. Ея произношеніе словъ, кончащихся на і, походило на пѣніе пщицы; ш въ успахъ ея отзывалось, какъ поцѣлуй; такимъ образомъ, сама того не зная, она давала словамъ новый, плѣнительный смыслъ и уносила душу въ безпредѣльный міръ мечпаній.

Сколько разъ я нарочно спарался продлить споръ, копорый могъ бы окончить въ минушу; сколько разъ я подвергался незаслуженнымъ упрекамъ, заслушиваясь эпой небесной гармоніи, вдыхая воздухъ, копорый вылепалъ изъ ея успъ, проникнувший ея душою, обнимая эпотъ словесный пламень съ той же горячоспїю, съ какою я заключилъ бы ее самоё въ мои объпїя. Рѣдкій смѣхъ ея звучалъ какъ щекотанье ласпочки; но какое прогашельное пѣніе лебедя, поскующего по подругъ, когда она говорила о своихъ спраданіяхъ!

Невнимательность Графини позволила мнѣ свободно разсмопрѣшь ее. Взоръ мой жадно ловилъ всѣ ея движенія, пробѣгалъ по стану, лобызалъ ея ножки, игралъ въ ея душистѣхъ локонахъ. Но въ то же время я чувствовалъ

смертельный страхъ, легко понятный тѣмъ, копорые разъ въ жизни испытали безпредѣльныя радости истинной счасливи. Я боялся, чшобы она не примѣшила, какъ глаза мои были прикованы къ тому мѣсту, копорое я осмѣлился поцѣловать.

Разумѣется, чшо этошъ страхъ придавалъ новую заманчивость искушенію, и я не устоялъ — я взглянулъ на прелестныя плечики, копорыя со дня бала пагъ живо рисовались моему воображенію въ шиши ночей, проведенныхъ безъ сна!

Я могу означить вамъ главныя черты, по копорымъ вы узнали бы Графиню изъ тысячи; но чшо значить самый вѣрный очеркъ, самыя живыя краски предъ невыразимой прелестью ея лица! Рѣдкій живописецъ могъ бы написать его сходно: ему должно было бы уловить неуловимое отраженіе внутренняго пламени, копорое озаряло его какъ вѣнецъ изъ лучей. Мягкіе волосы пепельнаго цвѣта лежали на высокомъ челѣ, полномъ невыраженныхъ мыслей, заглушенныхъ чувствъ сердечной скорби. Глаза ея

были сѣрозеленоватаго цвѣта со множествомъ черныхъ почекъ. Когда говорили о ея дѣтияхъ, или когда у ней вырывалось внезапное изліяніе радости или горести, по изъ глазъ ея исходилъ пронзительный лучъ, который казался возженнымъ огнемъ ея жизни и долженъ былъ изсушить его испочникъ. Онъ-то извлекъ у меня слезы при изъявленіи ея спрашнаго пренебреженія, онъ-то заставлялъ пошуплять взоры самыхъ смѣлыхъ. Греческій носъ, соединяясь круглой линією съ выгнутыми, необыкновенно пріятными губами, придавалъ что-то идеальное ея продолговатому лицу; цвѣтъ его бѣлизной уподоблялся бѣлой камелии и на щекахъ оппѣнялся легкимъ, прелеспнымъ румянцемъ. Она была довольно полна, но это ни сколько не нарушало стройности ея стана, а придавало только пріятную округлоспъ ея формамъ. Легкій пухъ показывался на щекахъ ея и въ изгибахъ шеи, и удерживалъ лучи свѣта, который казался въ нихъ шелковистымъ. Маленькія, красивыя ушки были, по ея выраженію, ушами мапери и невольницы. Когда я въ послѣдствіи съ нею сблизился,

она часто говорила мнѣ: «вопть идепть Г. де Морсофъ,» и черезъ нѣсколько минупть онъ въ самомъ дѣлѣ являлся, между тѣмъ какъ я еще не слыхаль шума его шаговъ. Она имѣла прекрасныя руки съ длинными пальцами, образованныя на подобіе рукъ у Греческихъ спашуй, и аристокрапическую ножку, ножку, копорая мало ходипть, скоро усшаепть, и, выказываясь изъ-подъ плапья, привлекаепть взоры спройностию. Хопя она была уже маперью двухъ дѣпей, но я еще не встрѣчалъ женщины, споль юной. Лице ея выражало какую-то неизьяснимо шрогапельную простоту и вмѣстѣ чпо-то изумительное и мечшательное и влекло взоры непреодолимою силою, какъ тѣ карпины, въ копорыхъ живописецъ выразилъ цѣлый мѣръ идей и чувствъ. Впрочемъ ея видимыя качеспва могупть быпть полько опчаспи выражены посредствомъ сравненій. Помните ли вы очаровательный запахъ, розовые и черные лепестки полевого цвѣпка, копорый мы сорвали, возвращаясь изъ Вилла-Діодапи, и копорый такъ плѣнилъ васъ своей чудной красою? Вопть эмблема женщины, копо-

рая была пакъ любезна, пакъ образована для свѣта въ уединеніи, пакъ проста въ своихъ выраженіяхъ, пакъ изысканна во всемъ, что ее окружало — цвѣтокъ въ одно время розовый и черный. Тѣло ея имѣло свѣжесть распустившихся лиспьевъ, умъ — зрѣлость, превышавшую лѣта; она была дѣшя чувствомъ и опытна опъ долговременнаго несчастія, вмѣспѣ знашная дама и поселанка.

Вошъ почему она правилась безъ намѣренія своими движеніями, походкой, молчаніемъ, словомъ, брошеннымъ въ разговоръ. Обыкновенно она была углублена въ самое себя, внимательна какъ спражъ, на копоромъ лежишъ общее спасеніе и копорый чуѣсть опасность; иногда же у ней выривалась улыбка, копорая обличала веселый нравъ, подавленный обстоятельствомъ. Она заставляла мечтать, а не вызывала ласкательства, копорья любяшъ женщины. Рѣдко выказывалась ея природная пылкость, ея юношескія мечты, какъ иногда промежду облаковъ проглядываетъ голубое небо. Эпи

невольные порывы возбуждали задумчивость въ шѣхъ, кто наблюдалъ за ней. Движенія и особенно взгляды ея (кромѣ дѣшей, она ни на кого не смопрѣла) были также рѣдки, и пошому все, что она говорила и дѣлала, принимало какую-то особенную торжественность. Въ шопъ день на Г-жѣ де Морсофъ было розовое платье съ мелкими полосками, манишка съ широкимъ рубцомъ; черные кушакъ и бопинки; волосы просто подобраны подъ черепаховый гребень.

Вопъ вамъ легкой очеркъ эпои женщины.

Но всегдашнее влїяніе ея души, эпошъ пламень, разливаемый ею, какъ солнечный свѣтъ на все, что ее, окружало; но ея тайныя чувства, ея ясность въ спокойныя минушы и покорность въ бурныя, всѣ эти обшоятельства, въ которыхъ развивается характеръ, войдушъ въ составъ моей повѣсти. Это семейная эпопея, столь же важная въ глазахъ мудреца, какъ и та, въ которой дѣйствуютъ цари и герои, и особенно занимательная пошому, что участь всѣхъ женщинъ болѣе или менѣе сходна съ ней.

Въ Клошгурдѣ все носило оппечашокъ совершенно Англійской чистоты. Зала, въ которой сидѣла Графиня, была выкрашена сѣрой краской двухъ пѣней. На каминѣ стояли часы въ фуплярѣ изъ краснаго дерева, двѣ фарфоровыя вазы съ цвѣтами. На комодѣ лампа, передъ каминомъ споль для прикпрака. Окна были завѣшаны простыми коленкоровыми гардинами безъ бахрамы. Сѣрые чехлы съ зеленой песьмою покрывали мебель. Пяльцы Графини доказывали, что это была ея работа. Эша простота имѣла въ себѣ что-то благородное. Ни одна комната въ мірѣ не производила на меня тако-го впечатлѣнія, какъ эша зала въ Клошгурдѣ, по которой можно было угадать простую, однообразную жизнь Графини. Тамъ родилась большая часть моихъ полипическихъ и ученыхъ мнѣній; тамъ цвѣлъ безъизвѣстный цвѣшокъ, котораго благоуханіе оживило мою душу; тамъ сіяло солнце, которое своимъ благодѣтельнымъ жаромъ развило мои хорошія качества и засушило дурныя.

Изъ оконъ взоръ обнималъ долину, замокъ Фрапель, церковь, село и древній замокъ

Саше. Всѣ эти мѣста совершенно согласовались съ жизнью, изъясною отъ мірскихъ волненій, и сообщали душѣ свое спокойствіе. Если бы я встрѣтилъ въ первый разъ Г-жу де Морсофъ въ кругу ея семейства, а не въ роскошномъ нарядѣ бала, конечно я не осмѣлился бы похипить у ней пламенный поцѣлуй, въ копоромъ теперь горько раскаявался. Нѣтъ, я бы преклонилъ передъ ней колѣна, поцѣловалъ бы прахъ ея ногъ, облилъ ихъ слезами и бросился бы въ Индру. Но теперь я уже прикоснулся губами къ полной чашѣ любви, и душа моя жаждала ея наслажденій. Я хотѣлъ жить для того, чтобы дожидаться часа удовольствій, какъ дикій выжидаетъ минушу мщенія. Когда я вышелъ изъ забытія, она произносила имя своего мужа.

— Вотъ идетъ Г. де Морсофъ, сказала она.

Я вспрыгнулъ на ноги, какъ испуганная лошадь, и хопя это движеніе не могло укрыться отъ моихъ собесѣдниковъ, они не сдѣлали мнѣ никакого замѣчанія, попому что въ самую эту минушу вбѣжала въ комнату маленькая дѣвочка, говоря: вотъ папенька!

— Ну что же ты, Магдалина? спросила ее мать. Дѣвочка пропянула руку Г. де Шесселю, посмотрѣла на меня со вниманіемъ и съ изумленіемъ сдѣлала мнѣ маленькій поклонъ.

— Довольны ли вы теперь ея здоровьемъ? спросилъ Г. де Шессель.

— Теперь ей лучше, отвѣчала она, глядя малюшку по головѣ, копорую она прижимала къ ея груди.

Тутъ я узналъ, что ей было уже девять лѣтъ, а на взглядъ ей никакъ не лзя было дать болѣе пещи. Я не могъ скрыть моего удивленія; это движеніе навело облако грусти на чело матери. Г. де Шессель бросилъ на меня значительный взглядъ, которымъ свѣтскіе люди даюшъ намъ второе воспитаніе. Невольно я пронулъ живую рану материнскаго сердца. Магдалина, худощавый ребенокъ съ блѣдными глазами, съ лицомъ прозрачнымъ какъ фарфоръ, сквозь котораго просвѣчиваетъ огонь, конечно не могла бы жить въ душной, городской атмосферѣ. Чистый воздухъ, неусыпныя попеченія матери,

которая дышала на нее, поддерживали это существо чужое и слабое, какъ цвѣтокъ, выращенный въ пеплицѣ чужаго климата. Она не имѣла ни малѣйшаго сходства съ матерью, но получила ея душу, и эта душа подкрѣпляла ее. Рѣдкіе, черные волосы, впалые глаза и щеки, худыя руки, узкая грудь, все показывало борьбу смерти съ жизнью, борьбу, въ которой до сихъ поръ Графиня удерживала побѣду на споронѣ послѣдней. Чтобы пощадить сердце матери, она спаралась казаться живою; но когда она себя не принуждала, то клонилась къ землѣ, какъ вѣпвь вешлы. Смотри на нее, вы бы сказали, что это маленькая цыганка, полумертвая отъ голода и холода, которая пришла съ своей родины прося милосшыни, истощенная, но полная мужества, и наряженная для зрителей.

— Гдѣ же ты оставила Жака? спросила у ней мать, цѣлуя ее въ бѣлую линію, которая раздѣляла ея волосы на двѣ полосы, черныя какъ вороновы крылья.

— Опъ идетъ съ папенькой.

Въ эту минуту вошелъ Г. де Морсофъ, держа за руку сына. Жакъ былъ копія сестры, съ тѣми же признаками болѣзни. Эти два ребенка, слабые и худые, возлѣ ихъ прекрасной и полной жизнію мапери, заспавляли угадывать на лицѣ Графини горькую думу, копорая повѣряется только одному Богу.

Предспавивъ меня мужу, она уступила ему свое мѣсто и вышла. Дѣти, копорыхъ глаза были обращены къ ней, какъ къ свѣшду, копорое ихъ оживляло и согрѣвало, хошѣли за ней слѣдовать.

— Оспанышесь, милые! сказала она, приложивъ палець къ губамъ.

Они повиновались, но взоръ ихъ омрачился. Ахъ! чего бы я не сдѣлалъ за одно это слово *милый*! Когда она ушла, и мнѣ, и дѣшямъ спало не такъ душно.

Сначала Г. де Морсофъ вспрѣшилъ меня пасмурнымъ, безпокойнымъ взглядомъ; но имя мое перемѣнило его расположеніе и прояснило чело. Онъ сдѣлался вѣжливымъ, осыпалъ меня знаками опличнаго уваженія и, казалось, считалъ за счастье принималъ меня въ

своемъ домѣ. Древность нашей фамиліи, первое достоинство человека въ его глазахъ, оправдывала эпоху пріема, который сначала удивилъ меня и привелъ въ замѣшательство. Когда разговоръ снова между нами завязался, Магдалина освободила голову изъ-подъ руки отца и ускользнула въ дверь; за ней послѣдовалъ и Жакъ. Они спѣшили къ матери; черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ ихъ голоса, какъ жужжаніе пчелъ вокругъ роднаго улья.

Я разсматривалъ внимательно Графа, спараясь угадать его характеръ. Ему было около сорока пяти лѣтъ, но по виду казалось дошестидесяти. Такъ постарѣлъ онъ во время переворошовъ, которые ознаменовали конецъ XVIII столѣтія. Верхняя часть его головы была обнажена отъ волосъ, и только малый ихъ остатокъ окружалъ запылокъ на подобіе вѣнца и оканчивался на вискахъ черными съ просѣдью пучками. Лице его походило на рыло бѣлаго волка, который только что окончилъ кровавый пиръ; носъ его рдѣлся, какъ у всѣхъ людей, которые имѣютъ сла-

бый желудокъ и кровь, испорченную продолжительными болѣзнями. Плоскій лобъ, слишкомъ широкій для оспроконечнаго лица, былъ покрытъ морщинами, слѣдствіе военной жизни, а не умственныхъ трудовъ, тяжесть пошояннаго несчастья, а не благородныхъ усилій побѣдить судьбу. Смуглая, выдавшіяся скулы на блѣдносинихъ щекахъ означали крѣпкое сложеніе и долгую жизнь. Глаза его желтые, свѣтлые и суровые бросали на васъ взоръ блестящій, но холодный, какъ лучъ солнца зимою, безпокойный безъ выраженія, недоувѣрчивый безъ причины. Ротъ его показывалъ вспыльчивый, повелишельный характеръ. Непринужденность сельской жизни выказывалась въ его одеждѣ; а смотря на жесткія и загорѣлыя руки, можно было угадать, что онъ надѣвалъ перчатки только тогда, когда садился на лошадь, или шелъ къ обѣднѣ. Впрочемъ въ немъ были еще замѣтны слѣды благороднаго происхожденія. Самый заклятый либераль не отказался бы отдать справедливость его рыцарской честности, набожности, преданности къ Королевской фамилии.

Во время обѣда я замѣпилъ въ движеніи его поблекшихъ щекъ и въ нѣкопорыхъ взглядахъ, украдкой брошенныхъ на дѣшай, слѣдъ глубоко запавшихъ мыслей, копорыя его терзали. И кто бы, глядя на него, не понялъ этого? Кто бы не обвинилъ его, видя эти шѣла, копорымъ не доспавало жизни? Но, осуждая себя, онъ опнималъ у другихъ право судить его.

Когда вошла его жена между двумя дѣшями, во мнѣ родилось предчувствіе несчастія. Смотри на нихъ попеременно, изучая ихъ опносительныя физіогноміи, мысли, полныя грусти, пали на мое сердце; такъ падаетъ тонкій осенній дождь на спрану, освѣщенную солнцемъ. Когда предметъ разговора испощился, Г. де Морсофъ опять вывелъ меня на сцену, рассказывая женѣ своей различныя подробности о нашей фамиліи, копорыя были мнѣ вовсе неизвѣспны. Онъ спросилъ меня: копорый мнѣ годъ? При моемъ опвѣспѣ Графиня изьявила такое же удивленіе, какъ я, когда узналъ возрастъ ея дочери. Она полагала мнѣ не болѣе чешырнадцати лѣшъ. Это былъ, какъ я

узналъ послѣ, впорый узелъ, привязавшій ее ко мнѣ такъ сильно. Материнское сердце озарилось въ одно мгновеніе лучемъ поздней надежды. Видя меня въ двадцать лѣтъ такимъ худымъ, нѣжнымъ и вмѣстѣ споль сильнымъ, внутренній голосъ шепнулъ ей: *они будутъ жить!* Она смотрѣла на меня съ любопытствомъ; эта минута разрушила множество препятствій, копорыя насъ еще раздѣляли. Казалось, она желала сдѣлать мнѣ тысячу вопросовъ и не сдѣлала ни одного.

— Если чрезмѣрные труды распростроили ваше здоровье, сказала она, то воздухъ нашей долины поправитъ его.

— Нынѣшнее воспитаніе губитъ дѣтей, подхватилъ Г. де Морсофъ. Мы обременяемъ ихъ головы Машемашикою, убиваемъ излишнею ученостію и истощаемъ ихъ силы прежде времени. Отдохните здѣсь; эта громада мыслей, копорая вдругъ на васъ обрушилась, совсѣмъ васъ подавила. Какое поколѣніе гошовитъ намъ это просвѣщеніе, доступное всѣмъ и каждому! Для отвращенія зла, непременно давно бы пора поручить общественное образованіе духовнымъ.

Онъ вспаль и предложиль намъ обойпи его сады.

— Господинъ Графъ....

— Ну что же, моя милая? прерваль онъ оборачиваясь къ ней съ надменной грубостію, копорая полько доказывала, какъ сильно онъ желалъ казашься самовласпнымъ господиномъ въ домѣ и какъ мало былъ имъ на дѣлѣ.

— Г. де Шессель, не зная, что его госпъ пришелъ пѣшкомъ изъ Тура, заставиль его уже прогуляться въ Фрапелѣ.

— Вы безразсудно послунили; впрочемъ въ ваши лѣша.... Тупъ онъ съ сожалѣніемъ покачалъ головою.

Вошедшій слуга доложилъ, что подано кушанье. Г. де Шессель повель Графиню, а Графъ взялъ, улыбаясь, меня подъ руку и повель въ споловую. Она была обипа зелеными обоями съ изображеніемъ цвѣповъ и плодовъ; у оконъ бѣлые занавѣсы съ красными бахрамами; дубовые рѣзные спуля были покрыпы подушками хозяйкиной рабопы. Обѣдъ былъ сыпень, но не причудливъ. На столѣ распановлено фамильное серебро раз-

ной формы, Саксонскій фарфоръ, копорый еще не успѣлъ опяшь войти въ моду, осьмиугольные графины, ножи съ агаповыми ручками, лакированные кружечки подъ бушылками, цвѣты въ крашеныхъ подъ лакъ и вызолоченныхъ по краямъ кадочкахъ. Мнѣ ужасно нравилась вся эша старина. Да и могло ли бытъ иначе? Я сидѣлъ возлѣ нее, подавалъ ей пипъ, прикасался къ ея платью, ѣлъ ея хлѣбъ — невыразимое счастье! Не прошло прехъ часовъ и жизнь наша слилась въ одну; любовь сдѣлала меня льспецомъ. Я всячески спарался поправиться Г. де Морсофу, копорый съ примѣпнымъ удовольствіемъ принималъ мои угожденія. Я спалъ бы ласкаться къ собакѣ дома, спалъ бы исполнять всѣ прихоти дѣшей; мнѣ было досадно, что до сихъ поръ они не завладѣли мною, какъ своею собственностію. Любовь, подобно гению, имѣетъ свои вдохновенія; я чувствовалъ, что опроменчивость, вспыльчивость, угрюмость разрушили бы мои надежды въ самомъ ихъ началѣ.

Для меня обѣдъ прошелъ въ шайномъ, неизъяснимомъ воспоргѣ; сидя возлѣ нее, я не ду-

малъ ни объ ея холодности, ни о равнодушіи Графа, прикрыпомъ маской учивости. Въ упоеніи я нѣсколько разъ отвѣчалъ не въ попадѣ на предлагаемые вопросы; ошпатокъ дня прошелъ, какъ прекрасный сонъ. Я опомнился уже тогда, какъ плыль по Индрѣ при лунномъ свѣтѣ, копорый серебриль холмы, луга и деревья. Вечерь былъ пепель. Тихій вѣперокъ доносиль къ намъ благовопня испаренія цвѣповъ; вдали раздавалось однообразное, грустное пѣніе иволги. Съ эшого дня я не могу слышашъ ее безъ сладостнаго умиленія. Подходя къ Фрапелю, я оглянулся на Клошгурдъ; мнѣ попалась на глаза лодка, привязанная возлѣ сипѣны къ ясеню; въ ней Г. де Морсофъ ѣздиль ловишь рыбу.

— Ну, сказалъ мнѣ Г. де Шессель, когда насъ никто не могъ слышашъ, кажется не нужно спрашивашъ, обрѣли ли вы свои прелестныя плечики? Право, вы можете гордиться приемомъ Г. де Морсофъ. Bravo! вы съ перваго разу попали въ самую средину цѣли. Эпи слова оживили мое мужество,

которое было подавлено пягоспными мыслями. Я не сказалъ еще ни слова съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Клошгурдь, и Г. де Шессель приписывалъ мое молчаніе счастью.

— Какъ такъ? отвѣчалъ я съ насмѣшливымъ видомъ, чпобы скрыть порывы волнующей меня страсши.

— Онъ никогда и никого такъ хорошо не принималъ.

— Право, мнѣ самому это странно, сказалъ я, чувствуя, чпо слова моего спунника обличали внушреннюю досаду.

Мой хозяинъ имѣлъ довольно мелочное щеславіе и стыдился имени своего опца, который назывался просто Дюраномъ; онъ былъ извѣстный фабрикантъ и во время революціи нажилъ огромное состояніе. Исполненный честлюбивыхъ замысловъ, Г. де Шессель рѣшился, во чпо бы то ни спало, схоронить свое прежнее названіе. Сперва онъ подписывался Дюранъ де Шессель, принявъ фамилію своей жены, потомъ Д. де Шессель и наконецъ просто Г. де Шессель.

По возвращеніи Лудовика XVIII, онъ получилъ опть него дипломъ на шишуль Графа съ правомъ маіорашства. Ипакъ дѣши пожнушь плоды его неушомимыхъ шрудовъ, и вѣрно никогда не будущъ знашь, какъ дорого они ему споили.

Г. де Шессель пользовался своимъ состояніемъ съ блескомъ, унизипельнымъ для нѣкошорыхъ изъ его сосѣдей, и жилъ совершенно по-княжески, между пѣмъ какъ Г. де Морсофъ долженъ былъ самъ надзиранъ за хозяйствомъ въ Клошгурдѣ и часно опказывать себѣ въ вещахъ, кошорья онъ привыкъ считатьъ необходимыми. Мудрено ли, что онъ не могъ удержаться опть свойспвенной Турскимъ уроженцамъ зависти, и ласковымъ, почшипельнымъ пріемомъ младшему сыну древней фамиліи хотѣлъ унизишь своего незнапнаго сосѣда, владѣтеля обширныхъ лѣсовъ, луговъ и полей? Г. де Шессель очень хорошо понялъ Графа; пошому - шо они вспрѣчали другъ друга съ взаимными изъявленіями вѣжливоспи; но не было между ними эпой короткоспи, эшихъ пріятельскихъ сношеній, кошорья должны

бы существовать между столь близкими сосѣдами. Впрочемъ не одна завись была причиною уединенной жизни Г. де Морсофа. Подобно всѣмъ знатнымъ того времени, воспитаніе его ограничилось самымъ поверхностнымъ образованіемъ; въ послѣдствіи оно довершалось свѣтскою жизнію, обычаями двора, опправленіемъ важныхъ государственныхъ должностей; но Г. де Морсофу не суждено было воспользоваться этимъ вполнѣ воспитаніемъ. Онъ оставилъ Францію во время эмиграціи, и, въ надеждѣ на скорое восстановленіе прежняго порядка, жилъ въ своемъ изгнаніи въ самомъ жалкомъ бездѣйствіи. Можетъ быть, онъ не имѣлъ духа побѣдить свою гордость и зарабатывать хлѣбъ иудами, на которые привыкъ смотрѣть съ презрѣніемъ. Продолжительныя путешествія пѣшкомъ и недостапокъ въ пищу расстроили его здоровье. Скоро нищета его дошла до послѣдней крайности. Для многихъ бѣдность служилъ средствомъ, подстрекающимъ ихъ душевныя способности; другихъ она совсѣмъ убиваетъ; послѣднее случилось и съ Г. де Морсофомъ. Его сѣдые

волосы рассказывали эти ужасныя спраданія, и я никогда, безъ живѣйшаго соспраданія, не могъ думать о Турскомъ дворянинѣ, который спранспивоваль пѣшкомъ по Венгріи, раздѣляя скудный обѣдъ съ паспухами Князя Эспергази. Пупешественникъ просиль у нихъ хлѣба, котораго дворянинъ никогда бы не принялъ опъ ихъ господина, и который онъ сполько разъ опвергалъ опъ рукъ непріятелей Франціи.

Тогда исчезла у него веселость, сродная Французу, и еще болѣе уроженцу Турени; онъ сдѣлался угрюмъ, занемогъ, былъ принятъ изъ соспраданія въ какую-то Нѣмецкую больницу. У него было воспаленіе во внутренностяхъ, болѣзнь, часто смертельная, и которая по изцѣленіи дѣйствуешъ обыкновенно жестокимъ образомъ на характеръ и часто доводитъ до ипохондріи.

Послѣ двѣнадцатилѣтнихъ спраданій, переходя черезъ Рейнь, бѣдный пѣшеходъ увидѣлъ въ одинъ прекрасный вечеръ Спразбургскую колокольню. Онъ чуть не упалъ въ обмормъ. «О Франція! Вопъ Франція!» вскричалъ

онъ, какъ дымя, въ болѣзни кричитъ имя матери. Полумертвый дошелъ онъ до Месса. Здѣсь честность опкупщика сохранила ему одно изъ помѣспьевъ; Герцогъ Ленонкуръ, жившій тогда съ семействомъ въ сосѣдствѣ, оказалъ ему самое великодушное гостепрїимство. Ленонкуры также лишились своего огромнаго состоянїя, а по происхожденїю Графъ де Морсофъ былъ приличнымъ женихомъ для ихъ единственнѣйшей дочери. Молодая дѣвушка ни сколько не пропивилась своему замужеству съ тридцатипятилѣтнимъ больнымъ мужчиной; оно давало ей право жить съ тещкой Маркизой де Юксель, которая любила ее со всей нѣжностію матери. Г-жа де Юксель, короткая прїятельница Герцогини Бурбонской, принадлежала къ обществу, котораго душой былъ Сень-Мартенъ, Гурскій уроженецъ, прозванный *неизвѣстнымъ философомъ*. Перенеся жестокія испытанїя во время революціи, Маркиза де Юксель опдалась въ послѣдніе дни своей жизни пламенной вѣрѣ, которая пролила въ душу ея любимицы *свѣтъ небесной любви и елей внутренней радости*. Сама она въ послѣдствїи

нѣсколько разъ принимала въ Клошгурдѣ этого Сен-Мартена. Гепка ея, уступивъ ей все свое имѣніе, оставила для себя одну маленькую комнапу, гдѣ скоро и скончалась. Это несчастіе набросило мрачную тѣнь на Клошгурдъ и душу новообрачной. Со всѣмъ тѣмъ, первое время ея замужства было для нея единспвенными днями, если не счаснія, то по крайней мѣрѣ спокойствія. Послѣ пруднаго спрапствованія на чужбинѣ, Г. де Морсофъ какъ-будпо опдохнулъ душой, радуясь нѣсколько свѣплой будущности. Вынужденный заботиться объ устройствѣ своего имѣнія, онъ занялся планами агропическихъ предпріятій, и нашель въ этомъ занятіи пріятное развлеченіе; но рожденіе Жака было для него громовымъ ударомъ. Доктора осудили его. Графъ скрыль ихъ приговоръ опъ мапери, совѣпвался съ ними еще разъ, и еще разъ получилъ жестокіе опвѣпны, копорые вскорѣ подпвердило рожденіе Магдалины. Ипакъ имя его угаснетъ безъ наслѣдника; молодая, невинная женщина, несчастная черезъ него, осуждена испытать спраданія мапери и не имѣетъ ея радостей.

Эти мысли упали на его душу и довершили его разрушеніе.

Г-жа де Морсофъ угадала прошедшее по наспопящему и прочла въ будущемъ. Трудно соспавипь счаспіе чловѣка, угнетеннаго спяжкимъ сознаниемъ своей вины; но Графиня взяла на себя эпопъ подвигъ, доспойный Ангела. Для этого она пріучила душу свою къ спойческой твердоспи. Сойдя въ глубины бездны, изъ которой могла еще видѣшь голубое небо, она посвпяшила себя на служеніе одному чловѣку, какъ сеспра милосердія посвпящаетъ себя на служеніе всѣмъ спраждуцимъ. Желая примирипь его съ собой, она проспила ему то, чего онъ самъ не могъ проспипь себѣ. Онъ сдѣлался скупъ, она покориласъ всѣмъ лишеніямъ; онъ боялся бышь обманушимъ, подобно всѣмъ шѣмъ, которые вспрѣшили въ жизни шолько гореспи, она осудила себя на уединеніе и безъ ропота щадила его недовѣрчивоспъ; употребляла всю хипроспъ женщины, чптобы внушипь ему полезное. Такимъ образомъ онъ принималъ ея идеи за собспвенныя и наслаждался у себя превосходспвомъ, котораго нигдѣ не

могъ бы имѣти. Опыривъ въ немъ страннѣйшій, раздражительный до безумія характеръ, который въ странѣ слепней и насмѣшекъ могъ повредить ея дѣтямъ, она рѣшилась никогда не выѣзжать изъ Клошгурда. Этого мало: она одѣла эти развалины гуспымъ покровомъ плюща; никто даже не подозрѣвалъ наспоящей ничпожности ея мужа. Воптъ что передалъ мнѣ, въ припадкѣ раздраженнаго самолюбія, Г. де Шессель. Знаніе свѣта посвятило его нѣсколько въ тайны Клошгурда. Но если высокая добродѣтель Г-жи де Морсофъ могла обмануть свѣтъ, ей не возможно было укрыться отъ пронцашельнаго взора любви. Предчувствіе взаимности заспавило меня нѣсколько разъ вспрепенуться въ постели; наконецъ я не вынесъ долѣе оставаться въ комнапѣ, когда могъ видѣть ея окна. Я одѣлся, прокрался въ садъ и черезъ нѣсколько мицупъ расположился въ лодкѣ, которая была привязана у Клошгурда. Ошпуда я могъ видѣть свѣтъ въ одномъ изъ ея окошекъ. Туптъ возобновились всѣ мои прежнія мечты, но прелесныѣ, спокойныѣ, прерываемыя звуками пѣвца любви. Множеспво

мыслей являлись въ душѣ моей, исчезали, подобно привидѣнїямъ, и уносили съ собой печальный покровъ, который до сихъ поръ лежалъ на моей жизни. Душа и чувствва участвовали въ восторгѣ; въ продолженіе нѣсколькихъ дней міръ для меня распроспранился; въ одну минушу онъ получилъ центръ. Съ ней слились мои желанія и честлюбивые замыслы; для нее желалъ я быть всѣмъ, чтобы обновить, наполнить ея исперзанное сердце. Прекрасны были эти часы, проведенные подъ ея окнами, при журчаньи водъ подъ колесомъ мельницы, при однообразномъ боѣ часовъ на колокольнѣ Саше. Въ эту свѣтлую ночь я посвятилъ ей мою душу съ пою вѣрою, осмѣянною Серваншесомъ въ бѣдномъ Каснильскомъ рыцарѣ, надъ копорой мы сами такъ много смѣемся, и копорой мы всѣ начинаемъ жизнь. При первомъ лучѣ солнца, при первомъ пѣнїи пиццъ я убѣжалъ въ Франель; никто меня не видалъ, никто не подозрѣвалъ моей оплочки, и я спокойно проспалъ до самаго завтрака. Тотчасъ послѣ него, не смотря на жаръ, я сошелъ въ долину, чтобы увидѣть Индру съ ея островами,

холмами, лугами, къ копорымъ я изъяслялъ самое страстное удивленіе. Съ быспропой молодой лошади, я доспигъ лодки, вѣплъ и Клошгурда. Все было тихо и упомлено, какъ обыкновенно въ часъ полудня. Неподвижные лисья ясно опрѣзывались на голубомъ небѣ; насѣкомья, копорья живупъ свѣпомъ, спрекозы, зеленая мухи, лепали между ольхой и простникомъ; спада лежали въ тѣни; красная земля виноградниковъ, казалось, горѣла при лучахъ солнца; по спѣнамъ пробирались жабы. Какая перемѣна въ ландшафтѣ, копорый поушру былъ такъ свѣжъ, такъ заманчивъ! Вдругъ мнѣ показалось, что изъ Клошгурда вышелъ Г. де Морсофъ; я выскочилъ изъ лодки и пуспился къ нему на встрѣчу.

— Какъ ваше здоровье, Г. Графъ?

Лице его просіяло радоспію: ему рѣдко удавалось слышанъ эпюпъ пишупъ.

— Хорошо; но вы вѣрно очень любите деревню, что вышли гулять по такому жару?

— Какъ же, Графъ; вѣдь меня для того сюда и прислали, чтобы жить на чистомъ воздухѣ.

— Ну такъ пойдете со мной посмотрѣть, какъ жнутъ ямень.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Признаться вамъ, я совершенный невежда во всемъ, что касается до хозяйства. Я не въ состояніи различить ржи отъ яменю, или осину отъ шополя, и вовсе не имѣю понятія о земледѣліи и о различныхъ способахъ удобрять землю.

— Въ такомъ случаѣ идите за мной, говорилъ онъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ. Вы никогда не научились бы этому, живя съ Г. де Шессель: онъ слишкомъ большой баринъ для того, чтобы заниматься хозяйствомъ, и знаетъ только принимать счета отъ управителя.

Тутъ онъ показалъ мнѣ свои дворы и строенія, сады и огороды. Потомъ повелъ меня по длинной аллеѣ изъ акацій и шопелей, которая росла по берегу рѣки. На другомъ ея концѣ сидѣла Г-жа де Морсофъ и занималась съ дѣтьми. Какъ она была хороша подъ этими вѣтвями, рѣзны-

ми листьями! Можешъ бышь, она и удивилась моей поспѣшности, но не показала этого и спокойно ожидала насъ.

Г. де Морсофъ обратилъ мое вниманіе на долину, копорая здѣсь представляла со-всѣмъ новый видъ; орошаемая множествомъ ручьевъ, копорые текли въ Индру, она расплалась передъ глазами во всю длину и перялась въ туманъ опдаленнаго горизонта между двумя рамами холмовъ, роць и утесовъ. Въ эту минушу Жакъ сильно закашлялся. Г-жа де Морсофъ бросила книгу, по копорой читала Магдалина, и схватила его на руки.

— Ну, что такое сдѣлалось? вскричалъ Г. де Морсофъ, и лице его посинѣло.

— У него болитъ горло, отвѣчала мать, не обращая на меня никакого вниманія; это пройдетъ. Она поддерживала голову и спину сына; изъ глазъ ея падали на бѣдное созданіе два луча и, казалось, вливали въ него жизнь.

— Я не понимаю, какъ вы можете поспупать такъ безразсудно, подхватилъ съ досадою Г. де Морсофъ; вы подвергаете его

холоду ошь воды и сажаете на каменную скамью.

— Но, папенька; она разогрѣлась ошь солнца! вскричала Маргарита.

— Имъ было душно въ комнатѣ, сказала Графиня.

— Женщины вѣчно правы, проворчалъ Графъ, смотря на меня.

Не желая оправдать или осудить его взорами, я глядѣлъ на Жака, который жаловался на сильную боль въ горлѣ.

Мать должна была унести его въ комнату.

— Когда производятъ на свѣтъ такихъ больныхъ дѣтей, то надобно, по крайней мѣрѣ, умѣть ходить за ними! кричалъ онъ ей въ слѣдъ.

Несправедливья, глубоко несправедливья слова! Только грубый эгоизмъ могъ побудить его оправдываться на счетъ жены. Г. де Морсофъ сидѣлъ въ задумчивости съ поникшею головою. Онъ не смотрѣлъ на меня и не говорилъ со мной. Мое положеніе было чрезвычайно затруднительно. Крупная

кап и попа капились съ моего лба. Утиши мнѣ, или оспашься, думаль я. Какъ тяжело ему на душѣ, когда онъ не вспомнишь провѣдать о Жакѣ! Вдругъ онъ вспаль и подошелъ ко мнѣ.

— Мы опложимъ до другаго времени нашу прогулку, Г. Графъ, сказалъ я съ кростію.

— Пройдемте, отвѣчалъ онъ. Къ несчастію, подобныя сцены слишкомъ обыкновенны, хопъ Богъ видить, что я съ радостію опдалъ бы послѣднюю каплю крови за жизнь этого бѣднаго ребенка!

— Жаку лучше, другъ мой; онъ спить, прозвучалъ небесный голось.

Г-жа де Морсофъ показала въ концѣ аллеи. Она возвращалась безъ досады, безъ воспоминанія недостойныхъ поступковъ и отвѣчала на мой поклонъ.

— Мнѣ пріятно видѣшь, что Клошгурдъ вамъ полюбился.

— Не хочешь ли, моя милая, чтообы я съѣздить верхомъ за Докпоромъ? сказалъ ей мужъ, желая получить прощеніе въ своей несправедливости.

— Не безпокойсь, мой другъ; Жакъ не хорошо спалъ, и вопъ все шупъ. Это дия имѣеть необыкновенно раздражительные нервы; ему что-то приснилось, и я всю ночь должна была рассказывать ему сказки, чтобы опять его усыпить. Кашель чисто нервическій; я дала ему кусочекъ леденца, и онъ шопчасъ заснулъ.

— Бѣдняжка! говорилъ онъ, сжимая ея руку въ своихъ и смотря на нее полными слезъ глазами. А я и не зналъ этого.

— Къ чему же мнѣ безпокоить васъ бездѣлицами? Подите же на поле. Вы знаете, безъ васъ спароспа пущипъ чужихъ нищихъ подбирашь колосья, прежде чѣмъ свезупъ съ поля снопы.

— Я начинаю мой курсъ Агрономіи, сударыня!

— О, вы въ хорошихъ рукахъ! Онъ знатокъ своего дѣла, отвѣчала она, указывая на своего мужа, на лицѣ котораго появилась сладкая гримаса, похожая на улыбку.

Два мѣсяца спустя, узналъ я, что она провела эту ночь въ смертельной шоскѣ.

Она думала, что у ее сына крупъ, копорый въ то время свирѣпствовали въ окрестностяхъ.

Когда мы подходили къ калишкѣ, Графъ сказалъ мнѣ: «Жена моя сущій Ангель!» Это слово поразило меня. Раскаяніе, столь сродное юному сердцу, шептало мнѣ: «По какому праву хочешь ты нарушить согласіе этого семейства?»

Г. де Морсофъ былъ совершенно счастливъ, найдя внимательнаго слушателя въ молодомъ человѣкѣ, надъ копорымъ онъ легко бралъ поверхность. Въ продолженіе разговора я услышалъ отъ него много несообразностей, копорыя меня удивили. Самыя важныя обстоятельства были ему неизвѣстны; онъ боялся образованныхъ людей, отвергалъ всякое превосходство, смѣялся надъ успѣхами. Тутъ-то я увидѣлъ въ душѣ его столько больныхъ мѣстъ, что надобно было прибѣгать къ величайшимъ усиліямъ, чтобы не задѣть его за живое. Я не могъ надивиться чудесамъ, копорыя надѣлалъ въ Клошгурдѣ эпипъ неупомимый Агрономъ; слушалъ съ удивленіемъ его планы, и неволь-

но льстя ему, завидовалъ ему въ обладаніи споль прекраснымъ помѣстьемъ, сущимъ земнымъ раемъ, и спавиль его несравненно выше Фрапеля.

Въ самый эпопъ день Графъ, возвращаясь, сказалъ женѣ своей: «Г. Феликсъ прекрасный молодой человекъ.»

Тѣмъ же вечеромъ я писалъ къ матери, увѣдомляя ее о моемъ намѣреніи оспаться въ Фрапелѣ.

Первое время моего знакомства съ Г. де Морсофъ было для меня временемъ тяжкаго испытанія. Съ перваго раза я увидѣлъ въ немъ раздражительность безъ причины, въ важныхъ случаяхъ опрометчивость, которая меня устрашала. Частю я боялся, что онъ, замѣпя выраженіе моихъ глазъ, шупъ же убьетъ меня. Смерть не устрашала меня, но мнѣ не хотѣлось умереть, не вкусивъ напередъ наслажденій взаимной любви. Желанія мои возрастали съ препятствіями. Я спалъ добычей томительной грусти, выжидалъ случая, наблюдалъ, знакомился съ дѣтьми и пріобрѣлъ ихъ лю-

бовь. Нечувствительна Г. де Морсофъ спалъ менѣе принуждашь себя со мной.

Я спалъ свидѣтелемъ его ипохондріи, вспльчивости, горькихъ и несправедливыхъ жалобъ, порывовъ безумія, едва удерживаемыхъ воплей челоуѣка въ опчаяніи, дѣтскихъ слезъ, внезапнаго гнѣва. Я не умѣю описатьъ, съ какимъ помпезнымъ безпокойствомъ, говорилъ я, приходя къ нему: Какъ-то онъ меня приметъ? Какая тоска давила меня, когда гроза собиралась на его лицѣ. Я совершенно подпалъ его деспотизму. Мои сраданія заставили меня угадать то, что чувствовала Г-жа де Морсофъ. Скоро мы стали размѣниваться значительными взглядами, и часто слезы мои текли, когда она удерживала свои. Однажды вечеромъ я нашелъ ее въ тихой задумчивости передъ заходящимъ солнцемъ, которое съ любовію золотило верхи горъ, оставляя въ тѣни долину. Природа была такъ прекрасна! Не возможно было не внять въчпой Пѣсни Пѣсней, кою она приглашаетъ насъ любить. Возвращалось ли юное созданіе къ своимъ первымъ мечтамъ,

или женщина спрадала въ душѣ опъ какого-нибудь пайнаго сравненія? ... Положеніе ея казалось мнѣ благопріятнымъ первому объясненію. Я сказалъ ей: Бываютъ тяжелые дни!

— Какимъ образомъ прочли вы въ душѣ моей? отвѣчала она.

— Наша участь такъ сходна. Не принадлежимъ ли мы оба къ малому числу существъ избранныхъ, болѣе прочихъ доступныхъ радости и горю? Ихъ внѣшнія свойства всѣ настроены на одинъ ладъ и производятъ частыя внутреннія потрясенія; все существо ихъ находится въ постоянномъ отношеніи съ тѣмъ, что ихъ окружаетъ. Поставьте ихъ въ такое положеніе, чтобы все вокругъ ихъ было въ распроествѣ: онѣ будутъ спрадать до безконечности. За то и удовольствіе ихъ доходитъ до восторга, когда онѣ вспрѣчаютъ мысли, чувства, сходныя съ своими, людей, которые имъ сочувствуютъ. Но есть еще среднее состояніе, котораго непріятность постигнутъ только души, спраждающія одинакою болѣзнию, и которыя по этому угадываютъ другъ друга

съ братскимъ участіемъ. Случается, что мы не испытываемъ никакихъ впечатлѣній: ни горестныхъ, ни радостныхъ. Тогда въ глубинѣ души нашей, полный жизни инструментъ испощается въ напрасныхъ акордахъ безъ гармоніи, воспламеняется страстію безъ предмета, бросаетъ на вѣтеръ звуки, которые теряются въ воздухѣ. Ужасное содроганіе души, которая ропщетъ и возстааетъ противъ поминельнаго бездѣйствія! Въ этихъ порывахъ жизнь наша выливается вся безъ цѣли, какъ кровь изъ скрытой раны. Чувствительность вырывается стремительнымъ пошохомъ; за симъ слѣдуетъ страшная слабость, невыразимая поскока, для которой нѣтъ повѣреннаго, нѣтъ утѣшенія! Не выразилъ ли я наше общее страданіе?

Она вздрогнула и, не сводя глазъ съ заката, отвѣчала: Какимъ образомъ въ ваши лѣта вы узнали это?

— Ахъ! отвѣчалъ я, глубоко пронутый: мое дѣйствіе было продолжительное помненіе!

Ахъ, это Магдалина кашляетъ! сказала она, уходя поспѣшно.

Графиня смотрѣла на мои частыя посѣщенія безъ неудовольствія. Впервыхъ она была чиста какъ дитя, мысль ея никогда не принимала порочнаго направленія; а ввспорыхъ я забавлялъ Г. де Морсофъ и служилъ пищею этому льву безъ когшей и гривы. Припомъ же я придумалъ предлогъ, кошорый всѣмъ показался доспащочнымъ. Графъ взялся выучить меня играмъ въ прикиракъ. Въ минуту нашего договора, Графиня не могла удержаться, чшобы не посмотрѣть на меня съ соспраданіемъ. Взоръ ея говорилъ мнѣ: «Бѣдняжка! ты кладешь голову въ волчью пасть!» Въ самомъ дѣлѣ, я могъ сравнить себя съ Эпиктетомъ, подпавшимъ подъ власть злаго ребенка. Когда мы спали играмъ въ деньги, поспоянный выигрышъ приносилъ ему жалкое, безчесное удовольствіе. Одно слово жены сто утѣшало меня и возвращало его къ чувству приличій. Но кошелекъ мой скоро истощился, а надежды не выполнялись. Сколько разъ мы сидѣли въ молчаніи одинъ возлѣ другаго, смотря на дѣйствіе свѣсна въ долину, на облака, лешяція по сѣрому небу, на холмы, одѣтые шуманомъ, или игру лун-

ныхъ лучей въ зеркаль рѣки, говоря опъ времени до времени:

— Очаровашельная ночь!

— Ночь женщина, сударыня!

— Какое спокойствіе!

— Да, здѣсь не лъзя быть совершенно несчастнымъ!

Безъ денегъ, прости мои вечера! Я писалъ къ мапери; она сдѣлала мнѣ спрогій выговоръ и ничего не прислала. Тупъ я узналъ побужденіе къ воровству — эписпрашные порывы ярости, копорые бороздятъ душу и копорые мы должны заглушать подъ опасеніемъ лишиться собственнаго уваженія. Воспоминаніе эпискихъ роковыхъ минутъ внушило мнѣ къ молодымъ людямъ свяшое снисхожденіе, свойственное тѣмъ, копорые, не увавъ въ бездну, дошли до самаго ея края, какъ будто для того, чшобы измѣрять ея глубину.

Въ эпой крайности я нашель въ библиотекѣ Г. де Шесселя *Разсужденіе о триктракъ* и принялся изучать его. Хозяинъ мой далъ мнѣ съ перыніемъ нѣсколько уроковъ

и въ короткое время я могъ побѣдить Г. де Морсофъ. Когда я выигралъ у него первую партію, глаза его засверкали, какъ у иигра, все лице сжалось въ судорожномъ движеніи, брови спрранно запрыгали. Онъ кричалъ, какъ избалованный ребенокъ, бросалъ кости, приходилъ въ ярость, спучалъ ногами, кусалъ губы и говорилъ мнѣ грубоспи. Эпо неисповспво однако скоро кончилось. Играя превосходно, я располагалъ игру такъ, чтобы онъ выигрывалъ первую половину партіи, а я впорую. Я думаю, конецъ міра не сполько бы изумилъ его, какъ мои быстрые успѣхи. Но въ эпомъ никогда онъ не хопѣлъ сознашья.

— Рѣшипельно, моя бѣдная голова начинаепъ пупапьяся, говаривалъ онъ; вы всегда выигрываете къ концу, пошому что шогда я начинаю уже упомляпьяся.

Г-жа де Морсофъ знала игру. Съ перваго раза она замѣшила комедію и угадывала въ эпомъ несомнѣнное доказапельспво безредѣльной любви. Графиня бросила на меня взоръ, кошорымъ она смотрѣла на дѣшей. Я

не умѣю объяснить, что я чувствовалъ, уходя въ эпопѣй вечеръ. Душа поглотила мое тѣло; я не шелъ, а летѣлъ. Эпопѣй взглядъ проникнулъ меня пламенемъ. Я возрождался для новой жизни. Въ мечтахъ моихъ голосъ ея сдѣлался живымъ существомъ, атмосферой, которая согрѣла меня и облила ароматами!

На другой день пріемъ ея выражалъ всю полноту оказанныхъ мнѣ чувствъ. Съ тѣхъ поръ я былъ посвященъ въ тайны ея голоса. Послѣ обѣда мы пошли прогуливаться въ близъ лежащій бесплодный участокъ. Почва была суха и камениста, ничто на ней не росло; только кой-гдѣ виднѣлись дубы и кустарники. На мѣсто травы земля поросла густымъ, рыжеватымъ мохомъ, который краснѣлъ при солнечномъ закатѣ и на которомъ скользила нога. Я держалъ за руку Магдалину. Г-жа де Морсофъ вела Жака. Графъ, шедшій впереди, вдругъ обернулся, ударилъ землю просью. «Вопль моя жизнь», сказалъ онъ съ ужаснымъ выраженіемъ, «когда еще не зналъ тебя!» подхватилъ онъ, взглянувъ на жену.

Поздняя поправка! Она поблѣднѣла. И какая женщина не поколебалась бы опть такого удара?

— Какое восхищительное благоуханіе! вскричалъ я. Какая игра свѣта! Желалъ бы я, чтобы эша степь принадлежала мнѣ. Кто знаетъ, можетъ, я нашель бы въ ней кладъ! Но самымъ лучшимъ сокровищемъ было бы для меня ваше сосѣдство. И кто бы дорогою цѣною не купилъ этого прекраснаго ландшафта и змѣообразной рѣки, гдѣ купаешся взоръ съ вязами и ольхами! Какъ различны вкусы! Для васъ эша степь, а для меня рай!

Она поблагодарила меня взоромъ.

— Идилія! проворчалъ опть съ горькой усмѣшкой. Не здѣсь мѣсто для человека вашего имени!... Но вы ничего не слышите? Мнѣ чудится колокольный звонъ.

Г-жа де Морсофъ посмотрѣла на меня съ испуганнымъ видомъ; Магдалина сжала мою руку.

— Пойдемте домой. Паршія въ прикипракъ заставитъ васъ забыть звонъ.

Когда мы пришли въ залу, между нами поселилось какое-то безпокойное молчаніе.

Г. де Морсофъ лежалъ въ креслахъ, погруженный въ задумчивость, изъ которой Графиня боялась его вывести. Желая разсѣять ее, я предложилъ ему сыграть партію. По обыкновенію, мигъ должно было долго его упрасивать. Онъ жаловался на головную боль; у него звенѣло въ ушахъ, онъ задышался и шпжело вздыхалъ. Наконецъ рѣшился. Г-жа де Морсофъ ушла уложить дѣтей и прочесть домашнимъ вечернія молитвы. Въ ея отсутствіе все шло хорошо. Я распорядился такъ, чпобы онъ непременно выигралъ. Счаствіе совершенно его развеселило. Эпоть внезапный переходъ отъ мрачной горести къ дѣпской радости, къ глупому смѣху, почти безъ причины, изумилъ, поразилъ меня. Никогда еще я не видалъ его въ подобномъ припадкѣ сумасшества. Графиня сошла и сѣла возлѣ насъ. Тупъ шагъ, которому я не могъ помѣшать, измѣнилъ все лице Графа: изъ веселаго оно спало мрачнымъ, изъ краснаго желтымъ. Въ досадѣ онъ сдѣлалъ еще ошибку, отъ которой проигралъ. Въ мигъ онъ вскочилъ, бросилъ на меня спель, лампу на полъ, ударилъ кулакомъ о каминъ и прыгалъ по

залъ, какъ бѣснуемый, изрыгая тысячу проклятій и невнятныхъ словъ. Судите о моемъ положеніи! «Пройдите въ садъ,» сказала она, сжавъ мнѣ руку. Я ускользнулъ незамѣтно; съ террасы я слышалъ его крикъ и спонъ, и посреди этой бури, голосъ ангела, копорый можно было уподобить пѣнію соловья послѣ грозы. Въ ожиданіи Графини, я прогуливался подъ навѣсомъ акацій, въ прекраснѣйшую лѣтнюю ночь. Наконецъ раздался шумъ ея шаговъ и шелестъ плащя. Къю опишете, что я чувствовалъ? Сердце тѣсно для подобныхъ ощущеній!

— Г. де Морсофъ заснулъ, сказала она. Когда это съ нимъ бываетъ, я даю ему чашку наспойки изъ маковыхъ головокъ и, слава Богу, припадки такъ рѣдки, что это простое средство всегда помогаетъ. Послушайте, продолжала она, измѣнивъ голосъ и придавъ ему самое прогашельное выраженіе, несчастный случай сдѣлалъ васъ повѣреннѣйшимъ шайны, до сихъ поръ никому неизвѣстной; обѣщайте хранить въ сердцѣ воспоминаніе этого вечера. Сдѣлайте это для меня, прошу васъ. Я не пребую отъ васъ

кляшвы, скажите простое да честнаго человека, и для меня будетъ довольно.

— Неужели нужно говорить это да? Неужели вы еще не поняли меня?

— Не судите строго Г. де Морсофа. Это слѣдствіе долговременныхъ спраданій въ чужихъ краяхъ. Завтра онъ все забудетъ, и вы снова найдете его добрымъ и ласковымъ.

— Переспаньте оправдывать его. Я сдѣлаю все, что вамъ угодно. Я сей часъ бросился бы въ Индру, если бы это могло возвратитъ ему здоровье и сдѣлать васъ счастливою. Но я не могу переменитъ своего мнѣнія. Я опдалъ бы вамъ жизнь, но не могу опдать совѣсти, а по мнѣ, Графъ. . . .

— Я понимаю васъ, прервала она съ не свойственною ей живоспію. Г. де Морсофъ имѣетъ нервы слабые, раздражительные, какъ у женщины; но это съ нимъ случается весьма рѣдко, разъ или два въ годъ, во время лѣпныхъ жаровъ. Сколько зла причинила эмиграція! Сколько прекрасныхъ надеждъ разрушила! Я увѣрена, что Г. де Мор-

софѣ былъ бы опличнымъ человекомъ, гражданиномъ, полезнымъ отечеству!

— Я знаю все, подхватилъ я, желая дать ей почувствовать, что бесполезно меня обманывать.

Она остановилась, приложила руку ко лбу.

Кто же раскрылъ внутренность нашего семейства? Не хочетъ ли Богъ послать мнѣ въ помощь друга, который бы меня поддерживалъ? сказала она, сжимая крѣпко мою руку. Вы добры, великодушны!

Она подняла глаза къ небу, какъ-будто призывая его въ свидѣтельство своихъ надеждъ, и снова обратила ихъ на меня. Проникушый эпимъ взоромъ, который вливалъ въ меня новую душу, я сильно желалъ смыть съ нее старое пятно.

— Прежде всего, сказалъ я, позвольте очистишь одно воспоминаніе прошедшаго.

Въ глубокой тишинѣ ночи было слышно каждое измѣненіе моего голоса.

— Молчите! подхватила она съ живостію, положивъ мнѣ на губы палець, который тотчасъ ошнѣла; посмотрѣла на меня съ

гордостію, какъ женщина, копорая превыше обиды, и сказала дрожащимъ голосомъ: «Я знаю, о чемъ вы хопите говорить: о перомъ, послѣднемъ, единсшвенномъ оскорбленіи, копорое я получила. Не говорите объ эпомъ никогда. Если Христіанка проспала вамъ, женщина не можетъ забыть.

— Нышь, позразиль я съ упрямсшвомъ ребенка, выслушайте меня, хопя бы эпо было въ первый, послѣдній и единсшвенный разъ въ вашей жизни.

— Ну, говорите: иначе вы подумаепе, что я боюсь васъ слушапъ.

Тогда я сказала ей съ выраженіемъ, копорое возбуждаепъ невольное вниманіе, что всѣ женщины на балу быми для меня совершенно чужды; но видя ее, я почувсшвовалъ испуупленіе, копорое сдѣлало меня способнымъ все перенести, даже самую смерть.

— А презрѣніе? прервала она.

— И такъ вы презирали меня.

— Переспанемъ говорить объ эпомъ.

— Нышь, будемъ говорить! ошвѣчалъ я съ жаромъ, возбужденнымъ неизьяснимымъ сшраданіемъ. Дѣло идепъ о

моей жизни, о пайцѣ, копорую вы должны знашь, или я умру съ опчаянїя.

Тупь я описаль ей мое дѣтспво и мою молодость жгучими словами юноши, копорого раны еще обливались кровїю. Голосъ мой раздавался, какъ спукъ сѣкиры въ лѣсу. Прошедшіе годы моей жизни, означенные однѣми горестями, падали передъ ней съ шумомъ, какъ деревья, обнаженныя опъ листьевъ. Я развернулъ передъ ней сокровище моихъ блестящихъ надеждъ, чистое золото моихъ желаній, пламенное сердце подъ ледяною корою, копорой одѣли его обспояшельспва. Согбенный птяжеспью воспоминаній, я ждалъ слова опъ эпой женщины, копорая слушала меня съ поникшею головою—и однимъ взглядомъ она освѣпила мракъ души моей.

— Мы имѣли одинакое дѣтспво, сказала она, поднявъ ко мнѣ лице, на копоромъ блиспали лучи, окружающіе главу праведниковъ. И такъ мы не одни спрадали, продолжала она послѣ минутнаго молчанія, въ копоромъ души наши слились въ одной утѣшительной мысли.

Графиня описала муку, въ сравненіи съ копо-
рой мое уединеніе можно было назваць раемъ,
и копорая терзала ежедневно ея душу до шѣхъ
поръ, пока шепка вырвала ея изъ этого ада.
Эшо были безпрестанныя непріятности, несно-
сныя для людей съ раздражительными нер-
вами, копорые не боялся кинжала и уми-
рають опъ одного страха Дамоклсова
меча; шо великодушный порывъ, удержанный
спрогимъ приказаніемъ, шо поцѣлуй, съ хо-
лодностію принятый. Рѣдкія удовольствія
и праздники были ей проданы дорогою цѣ-
ною; ея бранили за шо, что она была сча-
слива, какъ за преступленіе. Всѣ внушенія
воснипанія дѣлались ей съ оскорбительною
насмѣшкой и никогда съ любовью. Она не
осуждала мапери; она порицала себя за шо,
что чувспвовала къ ней болѣе страха, не-
жели любви. «Можетъ бышь,» говорилъ эшошъ
ангель, «эша спрогость была необходима.
Не приготовила ли она меня къ моей на-
споющей жизни?»

— Мы жили въ одной сферѣ, сказала я:
вы на воспокѣ, я на западѣ.

Она покачала головою съ выраженіемъ опчаянія.

— Вамъ воспокъ, мнѣ западъ. Вы будете счастливы, я умру съ горя. Мущины располагаютьъ своею судьбою, моя же неизмѣнна. Никакая власть не въ состояніи разорватьъ моей тяжелой цѣпи.

Считая насъ близнецами одной матери, она думала, что довѣренность должна быть неограниченна между братьями. Послѣ вздоха, свойственнаго чистымъ душамъ въ минуточку признанія, она пересказала мнѣ первые дни своего замужства, обманутую надежду, все возобновившееся несчастіе. Подобно мнѣ, она испытала всѣ эти мелочи, важныя для души, копорыхъ все существо попрясается при малѣйшемъ ударѣ. Каждый день она переходила отъ горести къ горести. Г. де Морсофъ, присвоивъ сбереженныя ею деньги, забывалъ ей давать ихъ на самый нужный расходъ. Онъ казался удивленнымъ, когда она, преодолевъ женскую робость, обращалась къ нему съ просьбою. Какой ужасъ овладѣлъ ею, когда передъ ней раскрылось болѣзненное состояніе этого чловѣка! Оно

обнаружилось первымъ порывомъ его безумнаго гнѣва. Какъ тяжело ей было сознаваться въ его ничтожествъ! Какія спраданія произвели ея двукрашныя роды! Какой ужасъ, при видѣ двухъ младенцевъ, почти мершвыхъ! Какое мужество было ей нужно, чшобы сказать себѣ: «Я вдохну въ нихъ новую жизнь; я каждый день буду снова раждашь ихъ!» — Ея несчастіе развивало новыя шипы при каждой побѣжденной трудности. Взобравшись на утесъ, она открывала передъ собою новыя шпепи, копорыя ей должно было проходить до того дня, когда она совершенно постигла мужа, сложеніе дѣшей, совершенно узнала спрану, въ копорой ей должно было проводить всю жизнь.

Наконецъ, прибавила она, должно прожить съ нами нѣсколько мѣсяцевъ, чшобы узнать, сколько трудовъ мнѣ сподитъ улучшение Клошгурда. Я должна прибѣгать къ самымъ льсшивымъ убѣжденіямъ, чшобы склопитъ его на самое выгодное дѣло. Какая дѣтская злосшь, когда копорый-нибудь изъ моихъ совѣшовъ не вдругъ удаешся! Съ какою радостію приписываетъ онъ себѣ

всякое добро! Какое терпѣніе необходимо мнѣ слышать однѣ жалобы, когда мое единственнае занятіе состоить въ томъ, чтобы распорядить его временемъ, согрѣвать воздухъ, которымъ онъ дышитъ, одѣвать цвѣтами пупъ жизни, который онъ усыпалъ камнями. И вся моя награда—это ужасный припѣвъ: «Я умру: жизнь мнѣ въ тягость!» Если у него гости, все исчезаетъ: онъ становится ласковъ и привѣпливъ. Зачѣмъ же онъ не хочетъ быть павимъ для своего семейства? Скупой на домашніе расходы, онъ былъ бы распочителенъ для меня, если бы я этого захотѣла. Но мнѣ ничего не нужно, а домъ его такъ прудно содержать. Не думая о томъ, что я буду матерью, заботясь единственно о его счастіи, я приучила его видѣть во мнѣ свою жертву; между тѣмъ мнѣ стоило бы только нѣсколькихъ ласкъ, чтобы управлять имъ, какъ ребенкомъ. Но я не могу унизиться до такой степени: выгоды дома требуютъ, чтобы я казалась спокойною и холодною, какъ мраморъ, не взирая на то, что я одарена отъ природы душею нѣжною

и довърчивою. И должно сказать, что эти безпрестанныя потрясенія, это напряженіе душевныхъ силъ въ печеніе десяти лѣтъ убили меня. Чувствительность моя теперь совершенно безъ энергіи. Часто мнѣ недоспаетъ уже мужества, съ которымъ я прежде переносила грозы. Да, часто я сознаю себя побѣжденною. Безъ морскихъ ваннъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ спокойствія, я погибну. Г-нъ де Морсофъ убьетъ меня и себя.

— Въ такомъ случаѣ почему не поѣхать вамъ на нѣсколько времени въ приморскій городъ?

— Впервыхъ потому, что Г. де Морсофъ очень хорошо чувствуетъ свое положеніе, хотя и не хочетъ въ этомъ сознаться. Удались я, и онъ будетъ считать себя погибшимъ; все бы пошло иначе. Вы видѣли во мнѣ мать, которая защищаетъ своихъ щенцовъ отъ кохлей ястреба. Но вы еще не знаете, какихъ полеченій пребуешь самъ Г. де Морсофъ. Въ теченіе дня онъ разъ

двадцать меня спросить. Это еще ничего. Я учитель Жака и гувернантка Магдалины. Это все ничего. Я прикащикъ и управитель. Вы поймете со временемъ, какого неусыпнаго, упоминительнаго надзора требуетъ наше имѣніе. Доходы наши состоятъ большею частію изъ натуральныхъ произведеній. Должно самимъ заботиться о продажѣ хлѣба, скопа и плодовъ. Если бы я уѣхала, мы совершенно бы разорились. Никто не смѣлъ бы его слушать. Его приказанія чаще всего противорѣчаютъ одно другому. Ни одинъ слуга не оспался бы у него; онъ ворчливъ, вспыльчивъ и не внушаетъ никакого почтенія. Вы видите, что я привязана къ Клосгурду, какъ эти свинцовыя фигуры къ нашимъ кровлямъ. Я ничего опть васъ не скрыла, государь мой! Ни одинъ человекъ во всей странѣ не подозреваетъ нашихъ семейныхъ отношеній, а шеперь онѣ вамъ извѣстны. Говорите объ этомъ только хорошее, и вы будете имѣть полное право на мое уваженіе... на мою признательность, прибавила она, смягчивъ еще голосъ. На такомъ условіи вы всегда

можете посѣщать Клошгурдь, всегда найдете въ немъ друзей.

— Ахъ, сказала я, что мои спраданія передъ вашими! Вы, вы однѣ. . . .

— Нѣтъ, подхватила она съ кропкой улыбкой, копорая пронула бы мраморъ. Мой рассказъ показалъ вамъ только жизнь съ ея настоящей точки, а не шакъ, какъ рисовало вамъ ея воображеніе: каждый человекъ имѣетъ дурную и хорошую сторону. Если бы я вышла за распочителя, онъ разорилъ бы меня. Молодой, пылкій человекъ спалъ бы искапъ успѣховъ въ свѣпъ; я не долго бы сохранила его сердце. Я умерла бы опъ ревности. Я ревнива! вскричала она съ заглушаемымъ жаромъ. А Г. де Морсофъ любитъ меня, сколько можете; онъ кладетъ къ ногамъ моимъ всю любовь, къ копорой только способно его сердце. Вѣрите мнѣ: жизнь, озаренная любовью, есть исключеніе въ земномъ удѣлѣ. Смотрите, всѣ цвѣты увядаютъ. За радостью всегда слѣдуетъ горе. Дѣйствительная жизнь сошкана изъ испытаній. Эмблема ея—эша крапива, копорая рослетъ шамъ, внизу пер-

расы, и безъ солища зеленѣеть на своемъ спсблѣ. Здѣсь, какъ въ спранахъ сѣвера, небо рѣдко улыбається; за то улыбка его восхипшительна и вознаграждаетъ за многія спраданія. Къ тому же женщины, копорья живущь исключительно чувспвомъ мапери, привязываются по мѣрѣ ихъ пожертвованій. Когда я опвожу на себя грозу, копорая готова разразиться надъ дѣтьми или домашними, я чувспвую удовольспвіе, копорое одушевляеть меня новою силою. Припомъ Богъ не оспавляетъ меня безъ надежды. Здоровье дѣшей моихъ спановится все лучше и лучше; жилище наше украсилось; состояніе поправляется. Кто знаетъ, не будетъ ли спаросъ Г. де Морсофъ счастлива и спокойна моими спараніями! Вѣрьте, существо, копорое надеется предспать предъ Вышняго Судію съ зеленой пальмой въ рукѣ, ведя за собою пѣхъ, копорые проклинали жизнь и нашли въ немъ ушѣшеніе, это существо превршило свои горести въ наслажденіе! Если мои спраданія послужатъ ко благу моего семейсшва, можно ли будетъ назватъ ихъ спраданіями?

— Да, сказалъ я; но, какъ и мои, онѣ были необходимы, чптобы шѣмъ живѣе дашь намъ почувствовать сладость плода, созрѣвшаго на утесѣ. Теперь мы насладимся пошочками любви, освѣжающими душу; жизненный сокъ оживитъ снова поблекшія вѣшви. Посмотрите, какіе пупи привели насъ другъ ко другу. Какой магнитъ указывалъ намъ путь на суровомъ, безбрежномъ океанѣ къ источнику сладкихъ водъ, копорый журчитъ у подошвы горы, на золотомъ пескѣ, между цвѣшущими берегами? Кшо каждый годъ связывалъ новой питью наши узы? Не различайте тѣхъ, кого соединило само небо! Спраданія, о копорыхъ вы говорите, были сѣмяна, полною горстью разбросанныя сѣяшелемъ; изъ нихъ произошла жапва, позлащенная прекраснѣйшимъ солнцемъ. Смотрите, вошь наступилъ часъ рвать ее по класу! Какую силу долженъ я чувствовать, чптобы шакъ говорить съ вами! Ошвѣчайте же мнѣ, или я болѣе не перейду Индру!

— Вы не произнесли слова *любовь*, преврала она строго, но говорили о чувствѣ, копорого я не должна, не могу понимать. Вы

еще дымя. Я вамъ прощаю въ послѣдній разъ. Знайте, государь мой, что сердце мое упоено материнскою любовію! Я люблю Г. де Морсофъ не по долгу, не по расчету, въ надеждѣ вѣчной награды, но по непреодолимому чувству, которое привязываетъ меня къ нему всеми нитями моего сердца. Меня не принуждали идти за него. Я рѣшилась на эпопій бракъ по сочувствію къ несчастнымъ. Не женщины вамъ ли исцѣляютъ раны судьбы, бывъ Ангеломъ утѣшителемъ несчастныхъ? Моя исповѣдь не показала ли вамъ *трехъ* дѣшей, на которыхъ любовь должна изливаться цѣлебную росу, которымъ посвящена душа моя со всеми ея чувствами? Не возмущайте сердца матери. Моя супружеская вѣрность неприкосновенна; но не говорите мнѣ болѣе такимъ языкомъ. Если вы не уважите эпого просаго запрещенія, я предупреждаю васъ, двери нашего дома навсегда для васъ зашворятся. Я вѣрила дружбѣ чистой, брашству по выбору, которое вѣрнѣе, нежели брашство по крови. Я искала друга, который выслушалъ бы меня въ минуты слабости, когда ничѣмъ пезаглушаемый, убійственный

голосъ говоритъ въ душѣ друга истиннаго, съ копорымъ мнѣ бы нечего бояться! Юность благородна, прямодушна, способна къ безкорыстнымъ пожертвованіямъ. Видя вашу настойчивость, признаюсь, я начинала вѣрить особенному предназначенію Провидѣнія. Я думала, что Оно послало мнѣ сердце, въ которое я могла бы излить свою горечь, когда она переполнитъ душу; съ копорымъ я могла бы плакать, когда слезы необходимы, и задушили бы меня, если бы я ихъ удерживала. Такимъ образомъ жизнь моя, драгоцѣнная для дѣшей, могла бы продолжиться до пѣхъ поръ, пока Жакъ придетъ въ совершенный возрастъ. Но не значитъ ли это быть слишкомъ самолюбивой? Можетъ ли существовать Петраркова Лаура? Я ошиблась. Богу не угодно этого. Должно умереть безъ друзей, одинокой, какъ солдатъ на своемъ постѣ. Духовникъ мой спорогъ, неумолимъ; а пепушка не существуетъ!

Двѣ крупныя слезы выкапилась изъ ея глазъ и заблестѣли на щекахъ при лунномъ сіяніи. Я подхватилъ ихъ и выпилъ съ благо-

говѣйнымъ жаромъ. Она посмотрѣла на меня съ крошкимъ недоумѣніемъ.

Эпими драгоцѣнными слезами, сказала я, хочу я запечатлѣть нашъ священный союзъ. Любить безъ надежды есть еще счастье. Ахъ, какая женщина могла бы доставить мнѣ живѣйшую радость! Я принимаю условіе, хотя для меня оно вмѣщаетъ однѣ спраданія. Я отдаюся вамъ всею душою. Я буду для васъ тѣмъ, чѣмъ вы желаете.

Она оspanовила меня движеніемъ руки и сказала съ глубокимъ выраженіемъ: Я согласна заключить союзъ, если вы обѣщаете мнѣ никогда не спягивать узъ, которыя насъ будутъ соединять.

— Да... но послушайте: я желалъ бы имѣть для васъ имя, которымъ бы васъ никто не называлъ, какъ и чувство мое къ вамъ не будетъ имѣть подобнаго.

— Вы многого потребуете; но я не такъ мала, какъ вы думаете. Г. де Морсофъ зоветъ меня Бланкою. Существо, которое я любила болѣе всего на свѣтѣ, называло меня Генриеттою. Генриеттою я буду и для васъ.

Она прислонилась къ забору и смотрѣла на волны Индры.

Хорошо ли вы дѣлаете, другъ мой, что съ перваго шага прошли все поприще? Вы однимъ разомъ испили чашу, копорую поднесла вамъ дружба. Г. де Морсофъ, продолжала она послѣ минутнаго молчанія, имѣешь благородную гордость и способенъ понимать и цѣнить ее въ другихъ. Можешь быть, изъ любви ко мнѣ, вы согласились бы забыть его слова. Но не дѣлайте этого. Если онъ самъ ихъ не помнитъ, то завтра узнаетъ ошъ меня. Не приходите нѣсколько времени въ Клошгурдь; онъ васъ за это будетъ болѣе уважать. Въ воскресенье, выходя изъ церкви, онъ самъ къ вамъ подойдетъ. Я знаю его: онъ загладитъ свой прослупокъ и будетъ васъ болѣе любить за то, что вы считаете его человѣкомъ, обязаннымъ отвѣчать за свои слова и поступки.

— Пяшь дней не видашь, не слыхашъ васъ!

— Не говорите мнѣ никогда съ такимъ жаромъ!

Мы обошли раза два шеррасу въ молчаніи. Поздно, пора расстаться, сказала

она повелипелнымъ пономъ, кошорый доказываль, что она счишала уже меня своею собшвенностьюю.

Я хотѣль поцѣловать ея руку; она опняла ее, попомъ опяпъ возврашила и сказала умоляющимъ голосомъ: Берите ея тогда шолько, когда я сама вамъ дамъ ее. Оставьте мнѣ мою свободную волю: иначе я буду вещью, вамъ принадлежащею, чего не должно бытъ.

Я вышелъ черезъ калишку сада. Въ ту минушу, когда она хотѣла запереть ея за мной, она опяпъ ея расшворила, протянула мнѣ свою руку. «Право, вы шакъ были добры сегодня; вы упѣшили всю мою будущность. Возьмите, другъ мой, возьмите!»

Я нѣсколько разъ сряду цѣловаль ея руку, и когда подняль голову, увидѣль слезы въ ея глазахъ. Когда вышелъ на дорогу въ Фрапель, я могъ долго еще видѣть ея бѣлое платье, освѣщенное луною; черезъ нѣсколько минупъ въ окнѣ ея заблестѣль огонь.

— О, моя Генриепта! вскричалъ я; шибѣ чистѣйшая любовь, кошорая когда-либо шцеспшвовала въ мѣрѣ!

Я чувствовалъ неописанное блаженство. Обширное поприще открывалось для преданности, которой всегда преисполнено юное сердце, и которая въ моемъ такъ долго оставалась безплодною. Простое да обязало меня навсегда хранить въ душѣ пламенную любовь, не выходить никогда изъ предѣловъ простой дружбы. Всѣ благородныя чувства пробудились во мнѣ и наполняли душу мою восхитительной гармоніей.

Дойдя до Фрапеля, я хотѣлъ остаться еще нѣсколько времени подъ роскошнымъ, голубымъ сводомъ, усыяннымъ звѣздами, припоминать слова безпредѣльной довѣренности, слышать еще разъ это пѣніе раненой горлицы, собрать въ воздухъ изліянія души, которая шеперь принадлежала мнѣ! Какъ велика она была для меня, съ ея глубокимъ забвеніемъ себя, съ ея соспранданіемъ къ спраждающимъ, съ ея самоотверженіемъ! Она была пверда и весела на кострѣ мученицы! Я удивлялся ея свѣплому лику, который носился передо мною во мракѣ; стараясь постигнуть смыслъ ея словъ, я находилъ въ нихъ высокое, шанншвенное значеніе. Быть можеть, она хо-

пѣла, чтобы я былъ для нее тѣмъ, чѣмъ была она для своего маленькаго міра; опъ меня хотѣла она заимствовать силу и ушѣшеніе. Эта мысль уносила меня въ воздушныя пространства, въ небо моихъ первыхъ мечтаній, и изъясняла спраданія моего дѣтства счастіемъ, которымъ я тогда наслаждался!

Геніи, угасшіе въ слезахъ, спраждающія сердца, души высокія, неизвѣстныя міру, невинные изгнанники, отверженныя дѣти, вы всѣ, которые вступили въ жизнь спезями бесплодными и прудными; вы, которыхъ вездѣ встрѣчали холодныя сердца, уста безъ привѣта, уши безъ вниманія! не ропщите на свою долю. Вы только можете знать блаженство, которое наполняетъ душу въ ту минуту, когда мы находимъ сердце, полное соучастія, слухъ, который склоняется къ разсказу нашихъ спраданій, взоръ, отвѣчающій нашему. Одна минута изглаживаетъ годы прежнихъ горесшей. Думы скорбныя, слезы, опчаяніе, все прошедшее, но не забытое; это узы, которыхъ болѣе и болѣе связываютъ васъ съ родною душой. Прекрасная святою

любовію, женщина спановилася наслѣдницею
упраченныхъ вздоховъ; она возвращаетъ
намъ вдвойнѣ обманушую привязанность;
прежнія скорби являюся какъ дань, долж-
ная судьбѣ за безпредѣльное блаженство, въ
день этого духовнаго обрученія сердець. . . .
Братья мои по душѣ, вы поймете, чѣмъ
спала Г-жа де Морсофъ для меня, бѣднаго,
одинокатаго!

II.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

III.

Въ продолженіе пяти дней я не переходилъ за Индру. Въ это время въ Клошгурдѣ случились важныя происшесвія. Г. де Морсофъ получилъ чинъ Фельдмаршала, крестъ св. Лудовика и чепыре тысячи франковъ пенсіи. Гестъ его, Герцогъ Леноккуръ Живри, возведенный въ досноинство Пера, занялъ свое прежнее мѣсто при дворѣ, получилъ обратно свое имѣніе, равно какъ и помѣстья жены его. Такимъ образомъ Г-жа де Морсофъ стала одной изъ богатѣйшихъ наслѣдницъ въ Турени. Мать ея привезла ей сто тысячъ франковъ, копорые сосставляли ея приданое и до сихъ поръ не были уплачены, хотя Г. де Морсофъ никогда объ немъ не упоминалъ. Во всемъ, что касалось до внѣшней жизни, онъ оказывалъ самое благородное безкорыстіе. На эту сумму и сбереженныя имъ деньги онъ былъ въ состояніи

купишь два сосѣднія имѣнія, которыя приносили около девяти тысячъ ливровъ дохода. Сынъ его долженъ былъ наследовать до-стоинства дѣда и помѣстья обѣихъ фамилій съ правомъ маіорапства, которое Г. де Морсофъ хотѣлъ для него выпросить. Магдалина могла надѣяться на выгодное замужство и хорошее приданое.

Пріѣздъ Герцогини де Ленокуръ былъ важнымъ происшествіемъ для всей провинціи. Съ прискорбіемъ думалъ я о ея знаменности, надменности, которая не могла не сообщиться нѣсколько и дочери. Что значилъ я, бѣдный, лишенный всякой надежды, кромѣ собственнаго мужества и способностей?

Въ воскресенье, стоя у обѣдни съ Г. и Г-жею де Шессель, я не переспавалъ смотрѣть на противуположную сторону, гдѣ находились мѣста для Г. де Морсофъ и его семейства. Но напрасно: соломенная шляпка, которая скрывала лице моей обожаемой Генріеты, ни разу не оборотилась ко мнѣ. Она молилась съ жаромъ; пламенная вѣра придавала ей положенію шрогашельное, умилишельное выраженіе.

По выходѣ изъ церкви, Г-жа де Шессель предложила своимъ сосѣдямъ провести у ней два часа, копорые опдѣляюпъ въ сельскихъ приходахъ обѣдню опъ вечерни, вмѣсто того, чшобы два раза переходить Индру и лугъ по такому жару. Предложеніе было припяпо. Г. де Шессель повель Герцогиню, Г. де Морсофъ его жену, а я Г-жу де Морсофъ. Во время эпого перехода я въ первый разъ чувспвоваль ея нѣжную руку въ моей. Мы шли черезъ паркъ. Солнечные лучи, пробираясь сквозь лиспья, рисовали на усыпанныхъ пескомъ дорожкахъ прелеспные и разнообразные узоры. Тысяча различныхъ чувспвъ волновали меня.

— Чшо съ вами? промолвила она, послѣ нѣсколькихъ минушь молчанія, копораго не смѣль я прервать. Сердце ваше такъ сильно бѣшся.

— Я узналь счастливыя для васъ извѣстія, и подобно всѣмъ, копорые любяпъ безпредѣльно, боюсь, чшобы почести не измѣнили вашей дружбы.

— Фи! Если вы еще разъ смѣете это подумать, я не только буду презиратьъ, я забуду васъ навсегда.

Въ отвѣтъ я только могъ взглянуть на нее полнымъ блаженства взоромъ.

— Вы знаете, что намъ не возможно оставитьъ Клостгурдъ. По моему совѣту Г. де Морсофъ отказался отъ предлагаемой ему должности. Это вынужденное безкорыстіе, прибавила она съ горькою усмѣшкой, полезно нашему сыну. Е. В. Король опоздался очень милосливо, что онъ обратишь на него награды, которыхъ мы не хотѣли принять. Теперь воспитаніе Жака должно быть главнымъ предметомъ нашихъ попеченій. Онъ будетъ представителемъ обоихъ домовъ, и долженъ содѣлаться достойнымъ этой чести. До сихъ поръ моихъ стараній было достаточно для его образованія. Теперь я буду заботиться о пріисканіи приличнаго наставника. Но послѣ, кто сохранитъ мнѣ его въ этомъ ужасномъ городѣ, гдѣ все представляетъ опасность для шѣла и души?... Другъ мой! продолжала она дрожащимъ голосомъ, кто взглянешъ со вни-

маніємъ на эпо возвышенное чело и проніцательный взоръ, пощъ угадаешъ въ васъ съ перваго раза существо, копорому предназначена высокая судьба. Направыше свой полешъ, будыше нѣкогда крестнымъ опцемъ, покровишелемъ нашего сына. Спупайше въ Парижъ. Если ваше семейство не захочешъ вамъ помогашъ, мой опецъ, особенно моя машъ, копорая имѣешъ необыкновенную способность къ дѣламъ, будешъ вамъ очень полезна. Пользуйшесь эшимъ вліяніемъ. Оно облегчешъ вамъ первые шаги на поприщѣ службы. Употребише избытокъ вашихъ силъ на удовлетвореніе благороднаго честполюбія.

— Я понимаю васъ, прервалъ я; честполюбіе содѣлаешся моею спрасцію. Я пойду, возвышусъ самъ собою; опъ васъ я все приму, опъ другихъ—ничего.

— Ребичесство!... прошепшала она, съ шрудомъ удерживая улыбку удовольствія.

— Къ тому вѣдь я посвяшилъ себя вамъ. Размышляя о нашемъ положеніи, я придумалъ средство соединишся съ вами неразрывными узами....

Легкій шрепетъ пробѣжалъ по ея тѣлу. Она оспановилась и посмошрѣла на меня.

— Чшо хопите вы сказать? говорила она, оспавшись немного назади общества.

— Скажите мнѣ откровенно, какъ вы хопите, чтобы я любилъ васъ?

— Какъ любила меня пепушка; позволивъ вамъ называть меня избраннымъ ею именемъ, я передала вамъ ея право.

— И пакъ я буду любить безъ надеждъ, съ неограниченною преданностию. Я вступлю въ Семинарію, выйду священникомъ и буду воспитывать Жака. Вашъ Жакъ будетъ для меня другимъ я. Политическія мнѣнія, мысли, чувства, силу духа, терпѣніе — все передамъ ему. Такимъ образомъ я буду жить съ вами, и любовь моя не будетъ никому казаться неприличною. Вы не должны бояться шогда порывовъ спрасши, копорымъ я однажды долженъ былъ уступить. Пусть эшо пламя сожжетъ меня, но я клянусь любить васъ любовью чистою, свяшою.

Она поблѣднѣла и говорила мнѣ скорымъ, прерывистымъ голосомъ: «Феликсъ! не свя-

зываютъ себя клятвою, которая въ послѣдствіи можетъ быть препятствіемъ вашему счастью. Я умру съ горя, если буду невинной причиною такого самоубійства. Дитя! развѣ опчаяніе любви есть призваніе? Подождите, узнайте жизнь, чтобы судить ее. Я хочу этого. Я вамъ приказываю. Я вамъ запрещаю это. Ославайтесь свободны. Вамъ только двадцать-второй годъ. Еще вы не знаете, чтогоповишь вамъ судьба въ будущемъ. Боже мой! неужели я ошиблась въ васъ? Я думала однако, что двухъ мѣсяцевъ достаточно, чтобы узнать нѣкоторыя души.

— Чего желаете вы? спросилъ я съ пламеннымъ взоромъ.

— Другъ мой! пользуйтесь помощію, которую я вамъ предлагаю; возвысьтесь, упрочьте свою судьбу, и потомъ вы узнаете, чего хочу. До тѣхъ поръ, прибавила она, проговариваясь, не выпускайте никогда руку Магдалины.

Послѣднія слова были сказаны мнѣ на ухо; онѣ доказывали, какъ сильно занимала ее моя будущность.

— Магдалина! вскричалъ я, никогда!

Эпопъ опвѣпъ опбросилъ насъ снова въ молчаніе, полное волненія. Души наши находились подъ вліяніемъ борьбы, копорая оставляешъ въ ней вѣчныя, неизгладимые слѣды. Тогда мы были прошивъ воропъ сада Фрапеля. И шеперь еще у меня передъ глазами двѣ обрушившіяся колонны, увипыя плющемъ, обросшія мохомъ, правою и перновникомъ. Вдругъ мысль о смерти Г. де Морсофъ, какъ молнія, блеснула въ моемъ умѣ. Я понимаю васъ! вскричалъ я.

— Слава Богу! отвѣчала она голосомъ, ясно выразавшимъ, что я предполагалъ въ ней мысли, копорыя никогда ей не приходили. Чиспоша ея дуни извлекла у меня слезы, копорыя оправило себялюбіе; она не довольно любила меня, чтобы желашъ своей свободы. Любовь, копорая содрогаешъ при мысли о преспуленіи, предполагаетъ границы, а она должна бышъ безпредѣльна. Сердце мое сжалось.

Она не любишъ меня! думалъ я, и цѣловалъ Магдалину въ голову, чтобы не дашъ прочиташъ въ душѣ моей.

— Я боюсь вашей мапери, сказала я Графинъ, чптобы снова завязашь разговоръ.

— И я также, отвѣчала она съ милымъ, ребяческимъ движеніемъ. Не забудьте называть ее Г-жею Герцогинею и, опносясь къ ней, говорите въ прешьемъ лицѣ. Нынѣшнее поколѣніе опвыкло опъ наблюденія эпихъ формъ наружной въжливости; но сдѣлайте что для меня. Къ тому же уважайте женщинъ какихъ бы ни было лѣпшъ и общеспвенныя опличія, не разбирая ихъ, всегда означаеть понкій вкусъ и хорошее воспитаніе. Вы теперь находитесь въ той эпохѣ жизни, когда выборъ партіи рѣшаеть судьбу. Будьте же той стороны, къ которой вы принадлежите по рожденію, особенно, прибавила она съ улыбкой, когда она поржествуеть.

Слова ея пронули меня до глубины сердца. Здравая полипика выказывалась въ нихъ изъ-подъ шеплаго покрова чувства; эпо-по соединеніе и придаеть такую прелесть женщинамъ; опъ того-по онѣ умѣютъ самымъ бесплоднымъ разсужденіямъ придавать такую увлекающую занимательность.

На обширномъ дворѣ Фрапеля мы нашли оспапокъ общества. Графъ представилъ меня очень лестнымъ образомъ Герцогинѣ, кошорая спала мѣряпъ меня холоднымъ и неподвижнымъ взглядомъ. Она была пяпидесяпи-пяпи лѣпъ, еще съ замѣчательной наружностью и величавыми приѣмами. Смопря на ея суровые, голубые глаза, на худощавое, поблекшее лице, высокій роспъ, рѣдкія движенія, я попчасъ узналъ надменное племя, ошъ кошораго происходила моя машь. Такъ почно Минералогиспъ въ минушу опличаешъ Шведское желѣзо. Я спарался не быпъ съ нею ни грубымъ, ни раболѣпнымъ, какъ Г. де Морсофъ, и пакъ хорошо сыгралъ мою ролю, чпо когда мы пошли къ вечернѣ, Графиня шеннула мнѣ: Прекрасно!... продолжайте!... Г. де Морсофъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и сказалъ: «Ты не сердишься, Феликсъ, не правда ли? Я былъ немного вспльчивъ; но вы извините вашего стараго товарища. Нѣкопорья дѣла опзываютьъ меня въ Туръ. Не забывайте Клошгурда. Я совѣшую вамъ не упускать случая короче ознакомиться съ моей щещей. Ея домъ

будешь служить образцемъ въ С. Жерменскомъ предмѣстїи. Она имѣешь удивительныя познанїя и въ состоянїи изъяснить вамъ гербъ какъ перваго, шакъ и послѣдняго дворянина въ Европѣ.»

Хорошій вкусъ Графа, а можетъ быть совѣты его добраго домашняго генїя показались въ этомъ случаѣ. Онъ умѣлъ держашь себя безъ надменности и оскорбительной учтивости. Это возбудило нѣкоторую благодарность въ Г. и Г-жѣ де Шессель и заставило ихъ принять приглашенїе на обѣдъ въ слѣдующій четвергъ. Я понравился Герцогинѣ. Ея внимательныя, испытующїе взгляды доказывали, что дочь ея говорила обо мнѣ.

По возвращенїи изъ церкви, она начала меня спрашивать о всѣхъ подробностяхъ нашей фамиліи, и при каждомъ отвѣтѣ становилась ласковѣе, подобно тому, какъ поступилъ со мной въ первый разъ Г. де Морсофъ; взглядъ ея попереялъ выраженїе надменности, которымъ счастливыцы сего міра какъ будшо заставляють васъ измѣрять

разспояніе, которое находидся между вами и ими. Она сама сообщила мнѣ множество подробностей касательно нашего семейства и опличій, объ которыхъ я не имѣлъ никакого понятія, равно какъ и о шипуль Виконпа, который принадлежалъ мнѣ въ силу какой-шо спашьи Харпіи.

— Я знаю только, что я навѣки вашъ рабъ, говорилъ я шихо Графинѣ. Всѣ чудеса, производимыя волшебнымъ жезломъ Респавраціи, были ничто въ моихъ глазахъ. Одно слово, одно движеніе Г-жи де Морсофъ были для меня несравненно важнѣе. Чіпо мнѣ до шайнаго совѣща и полишики, до всего въ мірѣ? Мое единственное чесполубіе было любить Генріешу болѣе, нежели Пешрарка любилъ Лауру.

Въ попъ день въ Клошгурдѣ собралось многочисленное общеспво. Какое восхиппельное чувспво для юноши, видѣть возлюбленную всѣхъ прелеспнѣе, предметомъ спраспныхъ взглядовъ и одному понимапъ спыдливо-кропкое выраженіе ея взоровъ, всѣ оппѣнки ея голоса, чіпобы находипъ въ разговорѣ ея, по видимому легкомъ и насмѣ-

шливомъ, слѣдъ постояннаго чувства; вмѣспѣ съ этимъ я былъ мучимъ ревностью и страхомъ, чшобы она не увлеклась свѣтскими развлеченіями. Г. де Морсофъ, счастливыи оказываемымъ ему вниманіемъ, почти помолодѣлъ ошъ удовольствія. А я смѣлся съ Магдалиной; подобно всѣмъ дѣтямъ, у которыхъ шѣло изнемогаетъ подъ вліяніемъ души, она забавляла меня замѣчаніями, удивительными для ея возраста, насмѣшливыми безъ желчи и нещадившими никого. Это былъ очаровательный день! Видя меня споль счастливымъ, Генріеша была шо же весела.

— Эпи лучи въ моей жизни, мрачной и шуманной, были для меня неизъяснимо пріяшны, говорила она мнѣ на другой день.

Г. де Морсофъ уѣхалъ съ ушра въ городъ.

Важный споръ зашелъ между маперью и дочерью. Герцогиня настаивала, чшобы Графиня ѣхала съ ней въ Парижъ и заняла мѣспо при дворѣ. Генріеша, копорая слыла у всѣхъ счастливою въ своемъ семейномъ кругу, не хошѣла открывать даже маперѣ

своихъ ужасныхъ спраданій и ничтожества своего мужа. Для этого самаго она уговорила его уѣхать въ городъ. Она представляла матери, какое спасительное вліяніе чистое небо, теплый воздухъ должны имѣть на здоровье ея дѣтей. Но честолюбивой Герцогинѣ было до нихъ какое дѣло. Она напрасно прибѣгала попеременно къ просьбамъ, убѣжденіямъ, доказательствамъ дружбы, угрозамъ, и заключила той же ироніею, которую я замѣчалъ въ подобныхъ случаяхъ въ моей матери.

Тѣ, которые обладаютъ ничѣмъ не замѣняемымъ счастьемъ имѣть добрую, нѣжную мать, не поймутъ мученій, которыхъ вытерпѣла Генріета въ продолженіе десяти дней. Чтобы представить себѣ борьбу между холодною, расчетливою, себялюбивою женщиною и дочерью ея, которой откровенная, теплая доброта никогда не истощалась, должно вообразить *лилію*, съ которой сердце мое всегда ее сравнивало, перепертую зубцами желѣзной машины.

Мать ея не понимала ее. Она потчасъ стала подозрѣвать между нами любвишку,

какъ она выражалась. Это навсегда раздѣлило ихъ.

Проникните въ тайную жизнь семействъ; почти вездѣ вы найдете глубокія, неизлечимыя раны, которыя уменьшаютъ природныя связи; это или спраспи живыя, умишительныя, которыя сходство характеровъ дѣлають вѣчными; смерть, разрывая ихъ, оставляетъ въ душѣ скорбь, ничѣмъ незаглушаемую; или постоянная ненависть, которая постепенно охлаждаетъ сердце и иссушаетъ слезы въ минушу вѣчной разлуки.

Безпрестанно мучимой всѣми, даже своими двумя спраждущими ангелами, какъ можно было этой бѣдной душѣ не любить пого, кто ее не мучилъ, кто желалъ составить вокругъ нея тройную ограду, чтобы защитилъ ее отъ грозы, отъ всѣхъ ударовъ, отъ всякаго прикосновенія? Я спрадалъ отъ ея новыхъ огорченій, но я же былъ и счасливъ ими, чувствуя, что на моей груди придетъ она укрыться отъ бури. Тогда-по я научился давать истинную цѣну ея спокойствію въ горь, ея неисшощимому терпѣнію; тогда-по

я лучше понялъ смыслъ словъ: любите меня, какъ меня любила пещушка.

— Такъ вы совсѣмъ не имѣете никакого чесполобія? спросила меня однажды сурово Герцогиня.

— Сударыня! отвѣчалъ я, бросивъ на нее строгій взоръ, я чувствую въ себѣ силу, копорая могла бы покорить свѣтъ; но мнѣ дваццашъ-первый годъ, и я одинъ.

Она посмотрѣла на дочь съ удивленіемъ. До сихъ поръ она думала, что дочь заглушала во мнѣ чесполобіе, чтобы удержавъ меня при себѣ. Пребываніе Герцогини въ Клошгурдѣ было временемъ безпрестаннаго принужденія. Не возможно было на минушу отбросить маску этикета. Наконецъ наступилъ желанный чепвергъ; это былъ упоминельный, несносный день, послѣ копораго Герцогиня поѣхала наслаждаться блескомъ двора, а въ Клошгурдѣ водворился прежній порядокъ.

Моя маленькая ссора съ Графомъ сблизила насъ болѣе прежняго. Теперь я могъ приходишь нѣсколько разъ на день, не возбуждая ни малѣйшаго подозрѣнія; и съ часу на часъ

каждую минуточку укрѣплялся нашъ брагскій союзъ, основанный на взаимной довѣренности. Графиня обнимала и меня своей мадеринскою, чистою любовью; моя же пламенная, безпокойная любовь въ ея опсупствіи заимствовала отъ нее свяпость и спокойствіе. Если вы спросите меня, какимъ образомъ въ мои дѣша я могъ осуществитъ то, что такъ давно уже считаеся мечпою, плашоническую любовь? Я скажу вамъ, что не имѣлъ духа мучитъ мою спрастію эту женщину, копорая жила въ безпреспанномъ опасеніи за здоровье дѣшей, въ ожиданіи домашней грозы отъ малѣйшаго измѣненія въ нравѣ мужа; копорая просиживала у кровати дѣшей минушы опдыха, копорыя давалъ ей мужъ? Звукъ слова, нѣсколько громко произнесеннаго, попрысалъ ея нервы; всякій порывъ огорчалъ ее; она спребовала любви, шайной силы, смягченной нѣжноспью, того, чѣмъ она была для другихъ. Ея чистота сообщалась всему, ея окружающему; ея самоопшверженіе безъ награды имѣло что-то высокое; живая, шайнспвенная вѣра, копорая служила у ней основаніемъ, связью всѣмъ

прочимъ добродѣтелямъ, разливалась вокругъ ея, какъ благовоніе фиміама. Въ послѣдствіи я яснѣе постигъ причину полнопы моего счастья; тогда никакая забота не развлекала меня, никакая привязанность не мѣшала любви моей разливаться, подобно попоку, и уносить съ собой всѣ мои мысли. Позднѣе мы любимъ въ женщинѣ женщину; въ первомъ предметѣ нашей спраспи мы любимъ все; дѣши ея дороги намъ, какъ наши; домъ ея спановится нашимъ домомъ, выгоды ея нашими выгодами. Мы любимъ ея платье и домашніе приборы; ея потери для насъ чувспвительнѣе собственнхъ. Эта любовь побуждаетъ насъ жить въ другомъ и для другаго, между тѣмъ, какъ послѣ мы требуемъ себѣ въ даръ жизни другаго существа; мы желаемъ, чпобы женщина оживила своими богатыми чувспвами нашу увядшую душу. Скоро я спалъ у нихъ домашнимъ, и тогда-то въ первый разъ я опдохнулъ душою. Сердце мое освѣжилось во всѣхъ своихъ часпяхъ. Только муципѣ понятно несравненное удовольствіе, быпъ въ чужомъ домѣ любимцемъ

хозяйки, средопочіемъ ея привязанности. Тогда собаки не лаюшь на васъ, слуги узнаюшь по какому-то инстинкту ваши права; дѣши, со врожденной имъ довѣренностью, и зная, что часъ ихъ не уменьшился, дѣши угадываюшь въ васъ друга и родню; онѣ ласкаются къ вамъ какъ кошки, оказываютъ надъ вами эпопѣ милый деспотизмъ, копорый они берегутъ только для любимыхъ и любящихъ; они скромны и спановяща невинными сообщниками вашей тайны; они приходящъ къ вамъ на цыпочкахъ, улыбаются вамъ и также уходящъ; для васъ все спѣшишь, все васъ любятъ и повинуются вамъ. Истинная спрасъ подобна пышному цвѣтку, копорый еще болѣе плѣняетъ взоръ, когда онъ выросаетъ на безплодной почвѣ.

Но посреди моего счастья въ семействѣ, съ копорымъ породнилось мое сердце, я испыталъ въ немъ шакже множество огорченій. До сихъ поръ Г. де Морсофъ нѣсколько еще принуждалъ себя со мною, до сихъ поръ я видѣлъ его недостатки только въ массѣ; теперь я ихъ почувствовалъ во всемъ ихъ объемѣ и узналъ, съ какимъ благород-

спвомъ умалчивала о нихъ Графиня, описывая мнѣ свою ежедневную борьбу. Тогда-то я узналъ его дурной нравъ со всѣхъ споронъ, его жалобы безъ причины, раздражительность, поспоянную жажду власпвовапъ, кошорая каждую минупу желала бы новыхъ жершвъ. Когда вечеромъ мы шли прогули-вашься, онъ самъ указывалъ намъ дорогу; возврапьясь же домой, забывалъ объ этомъ и сваливалъ на другихъ вину своей успалости; жена всегда вела его противъ воли, куда хопѣла; она всегда спремилась брапъ надъ нимъ верхъ; онъ не могъ имѣпъ своей воли даже въ самыхъ малѣйшихъ обспоя-пельсшвахъ; онъ былъ нулемъ въ домѣ. Когда эти грубыя слова вспрѣчали перпѣливое молчаніе, онъ досадовалъ, что находилъ преграду гнѣву; спрашивалъ: «неужели вѣра не предписывала женщинамъ угождапъ мужьямъ и позволяла презирапъ опцовъ своихъ дѣ-шей?» Такимъ образомъ онъ всегда умѣлъ пронупъ нѣжную спорону своей жены, и наслаждался попомъ ея огорченіемъ. Въ другое время онъ впадалъ въ мрачное молчаніе, въ какое-то состояніе окаменѣлости, кошо-

рое пугало его жену; она осыпала его нѣжнѣйшими попеченіями, а онъ позволялъ нѣжить и баловать себя, какъ своенравный ребенокъ, который радъ принимашь угожденія, не заботясь о безпокойствѣ матери. Въ пошъ день, когда я обнялъ мыслию всѣ корни и вѣтви непріятностей, которыми, подобно повиликѣ, обвивали, спѣсняли движеніе этого семейства непримѣтными, но безчисленными нитями, затрудняли ходъ хозяйства, замедляли печеніе дѣлъ, въ пошъ день я почувствовалъ споль сильное благоговѣніе къ этой женщицѣ, что оно исполнило меня ужасомъ! Что былъ я въ сравненіи съ нею? Я плакалъ при этой мысли, и полный восторга, считалъ за счастье раздѣлять ея спраданія. Я добровольно подвергался ударамъ Графа, чтобы еще болѣе сблизиться съ нею. Она угадала меня и наградила позволеніемъ участвовашь въ ея горестяхъ.

— Безъ васъ я бы не вынесла этой жизни, говорила мнѣ однажды Гепріена, когда Г. де Морсофъ, какъ муха во время жаровъ, былъ злѣе, ядовитѣе, измѣнчивѣе обыкновеннаго. Графъ ушелъ спать. Мы оспались въ

бесѣдкѣ изъ акацій; дѣши, озаренныя розовымъ закапомъ, играли около пасъ. Одрѣвкія восклицанія обледали взаимныя мечты, въ которыхъ мы отдыхали ошъ нашихъ страданій. Не было словъ для мыслей, но молчаніе еще болѣе, неограниченнѣе связывало наши души: обѣ онѣ упопали въ задумчивости, полной нѣги; обѣ блуждали въ свѣпломъ морѣ мечпаній, обѣ черпали въ немъ силу и свѣжестъ. Взоры наши спрашивали: изо всѣхъ эшихъ дней будемъ ли мы имѣть хопя одинъ день для себя?

Не взирая на упоишельную поэзію вечера, которая сообщала природѣ что-то чистое и спокойное, не взирая на свѣплую атмосферу, которая доносила къ намъ смягченныя звуки дѣтскаго голоса и дышала вокругъ насъ пишиною и прохладою, пламя пробѣжало по моимъ жиламъ. . . . Въ эту минушу дружба не удовлетворяла меня: я взялъ руку Генріепы. Въ одно мгновеніе она стала Г-жею де Морсофъ, опдернула ее. Слезы выпутили въ моихъ глазахъ. Она увидѣла ихъ, бросила на меня смягченный взоръ и сама поднесла мнѣ руку къ губамъ.

— Знайте, что это мнѣ будетъ стоить слезъ. Дружба, которая имѣетъ такія требованія, очень опасна.

Это огорчило меня; я спалъ осыпавъ ея упреками, говорилъ о своихъ спрдааніяхъ, укорялъ ее, что она съ такою жестокостію опказываетъ мнѣ въ малѣйшемъ облегченіи. Она принудила меня къ молчанію однимъ гордымъ взглядомъ, который, казалось, говорилъ мнѣ: а я развѣ не спрадаю? Я, говорила она, увѣрена въ себѣ, что могу любить васъ какъ брата, не оскорбляя Божескихъ и человѣческихъ законовъ. Если вы не можете быть для меня болѣе чѣмъ братъ, менѣе чѣмъ любовникъ, то намъ должно разсаясь; тогда я буду умѣть умереть, принося въ жертву Богу избытокъ жестокихъ спрдааній и горькихъ слезъ. Я сдѣлала для васъ болѣе, нежели должно, и я уже наказана за это!

Надобно было успокоить ее, обѣщать никогда ее не огорчать и любить въ двадцать лѣтъ, какъ спарики любятъ свое послѣднее дитя.

На другой день я пришелъ къ ней рано. У ней не было цвѣтовъ для спо-

ловой. Я попчасть побѣжалъ въ поле, въ виноградники и набралъ два букета; но срывая цвѣты одинъ по одному, удивляясь ихъ красотѣ, мнѣ пришло на мысль, что въ цвѣтахъ и зелени есть также гармонія, поэзія, копорая, привлекая взоры, спановилась понятною для ума, такъ шочно, какъ аккорды пробуждаютъ тысячу воспоминаній въ душахъ чувствительныхъ. И почему же цвѣты не могутъ имѣть значенія, подобно звукамъ? Съ помощію Жака и Маргариты, копорые были споль же счастливы, какъ я, готовя сюрпризъ для нашей возлюбленной, и усѣвшись на послѣднихъ ступеняхъ крыльца, я принялся за составленіе букетовъ, копорые должны были выразить мои чувства. Представьте себѣ пирамиду цвѣшовъ; одни спремятся къ верху изъ вазы, другіе падаютъ съ краевъ красивою бахрамою; посрединѣ возвышаются бѣлыя розы и лиліи съ серебряными лепестками: онѣ должны были знаменоватъ чистоту моей любви. На эпомъ бѣломъ полѣ отрѣзываются васильки, незабудки и другіе цвѣты, копорые, напоминая своими оппѣнками небо, такъ хорошо гармо-

ируютъ съ бѣлымъ; это двѣ невинности: одна, копорая ничего не знаетъ, другая, копорая знаетъ все; мысль ребенка и мысль мученика.

Любовь имѣетъ свой языкъ. Графиня поняла меня. Она бросила на меня одинъ изъ шѣхъ рѣзкихъ взглядовъ, копорые походятъ на спонъ больного, когда допрогивающся до его раны. Она покраснѣла и вмѣстѣ казалась шакъ счастливою. Какая награда! Для нее я ввелъ въ употребленіе поперянную въ Европѣ науку; мы замѣнили мертвыми буквами прелестный, благовонный языкъ Воспока. Два раза въ недѣлю я снова начиналъ мою поэтическую работу; для нее я коротко ознакомился съ распеніями; изучая болѣе ихъ значеніе, нежели форму, часпо я долженъ былъ исходипъ значительное пространство, опыскивая цвѣпокъ, нужный для выраженія моей мысли, въ спепи, на берегу водъ, на вершинѣ ушеса, въ глубинѣ долины.

Эти прогулки доставили мнѣ наслажденіе, неизвѣстное ученому, живущему однимъ созерцаніемъ, ни селянину, занятому работой, ни художнику, осужденному жить среди городска-

го шума, ни негоціяншу, приросшему къ своей конпорѣ; оно доступно только нѣкопрымъ людямъ: дровосѣку, лѣсничему, мечпашелю. Есть въ природѣ дѣйствія, которыя имѣють неограниченное значеніе и равняющія величайшимъ нравственнымъ соображеніямъ. Посмотрите на полевой цвѣшокъ, осыпанный брилліаншами росы, въ копорыхъ играетъ солнце; онъ пакъ прелестно изукрашенъ, и едва одинъ взглядъ будетъ брошенъ на него мимоходомъ! Войдите въ эту часть лѣса, окруженную голыми ушесами, перерѣзанную песками, поросшую мохомъ и мозжевельникомъ: она поразитъ васъ своей дикою, суровою наружностью и мрачнымъ уединеніемъ, гдѣ изрѣдка раздается крикъ филина. Взгляните на эту безплодную степь, каменистую, раскаленную солнцемъ: она представляеть взору опдаленный и однообразный горизонтъ. Въ другомъ мѣстѣ вы найдете огромные пруды; на нихъ разстилаются зеленые пинистые покровы: это средина между распеніемъ и живописнымъ; на этомъ зыбкомъ основаніи укрѣпленъ цѣлый міръ насѣкомыхъ и живописныхъ, для кошо-

рыхъ вся жизнь ограничивается нѣсколькими днями. Тамъ, на скалѣ горы, надъ болопомъ повѣшена хижина съ огородомъ, виноградникомъ, обрамленная бѣдными участками полей—совершенное подобіе споль многихъ скромныхъ удѣловъ. Тамъ длинныя аллеи образуютъ храмы, воздвигнутыя природою; деревья служатъ колоннами, въпви сводомъ, а на концѣ, какъ огромное окно съ разцвѣченными стеклами, представляется поляна, освѣщенная яркими лучами полудня, или розовымъ сіяніемъ заходящаго солнца; голоса лѣсныхъ пѣвцовъ поютъ здѣсь вѣчный гимнъ Создателю. Выдѣше изъ лѣса—передъ вами глинистая возвышенность; по сухому, красновашому моху ползутъ жабы, поднявъ спройную, понкую голову. Набросьте на эпу картину попки лучей, копорые наполняютъ ее, какъ волны рѣки, или одѣньте ее навѣсомъ сѣрыхъ облаковъ, разспланныхъ правильными рядами, какъ морщины на челѣ спарика, или холоднымъ покровомъ блѣдножелтаго неба съ рѣдкими, голубыми полосами; попомъ, внимайте, и, среди всеобщаго молчанія, вы услышите неизьяснимую гармонію.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ я никогда не употреблялъ менѣе трехъ часовъ на составленіе букетовъ; съ такимъ наслажденіемъ я предавался восторгу передъ величественнымъ зрѣлищемъ природы и ея неуловимыми аллегоріями, въ которыхъ развивались для меня всѣ періоды, всѣ измѣненія человеческой жизни!

Никакое объясненіе, никакое доказательство любви не могло бытъ заразительнѣе этой гармоніи цвѣтовъ, изъ которыхъ моя бурная страсть заставляла меня дѣлать то же, что Бетговенъ творилъ посредствомъ звуковъ: то бросать глубокій взглядъ въ душу, то направлять высокій полетъ къ небу. Г-жа де Морсофъ была передъ ними только Генріеттою; она не могла на нихъ наглядѣться, дышала мыслями, которыя я въ нихъ вложилъ, и, сидя за работою, поднимала голову, чтобы еще разъ взглянуть на нихъ и сказать: «Боже мой! какъ это предивно!»

Вы поймете эту восхищительную переписку изъ описанія одного букета. Случалось ли

вамъ весною въ деревнѣ чувствовать это дыхание природы, которое всѣмъ существамъ сообщаетъ жажду любви, которая заставляетъ васъ, когда вы ѣдете въ лодкѣ, омочить руку вашу въ водѣ, разбросать волосы по волѣ вѣтровъ; отъ котораго душа ваша снова зеленѣетъ съ полями и деревьями? Маленькая правка, пахучій желтоспелбелникъ, есть одно изъ первыхъ основаній этой таинственной гармоніи. Вмѣшайте въ букетъ ея копьеобразные спелбелки, подобные зеленой съ бѣлыми полосками лептѣ, ея неисчислимое, упоительное благоуханіе заставитъ сердце ваше биться желаніемъ наслажденій. Теперь вообразите вокругъ узкаго горлышка вазы густую кайму изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, растущихъ въ виноградникахъ моей родины. Ихъ выгнуныя, скрученныя формы будутъ эмблемою жизни въ прищужденіи, заглушенныхъ чувствъ, подавленныхъ желаній. Изъ этой ограды выпадаютъ завивки бѣлыхъ колокольчиковъ, павилики, тонкіе спелбелки розоваго спелника, перемѣшанные съ листьями напоротниковъ и глянцевишными, ярко опшѣенными опрысками молодыхъ

дубовъ; эти растенія представляются вамъ покорными и преклоненными; онѣ дышатъ смиреніемъ, какъ плакучія ивы; онѣ робки и краснорѣчивы, какъ просьбы. Повыше увидите стройныя, цвѣтуція, безпреспанно колеблемыя нипи горицвѣта, усѣянныя безчисленнымъ множествомъ пурпуровыхъ головокъ; снѣгоподобныя пирамиды полевого и водянаго мяшлика, зеленыя кудри бесплодныхъ бромовъ, легкіе стебельки травы, извѣстной у простаго народа подъ названіемъ вѣпренныхъ колосьевъ; они развѣваюся, какъ перья на шлемѣ рыцаря. Это отдѣленіе букета есть изображеніе лестныхъ надеждъ, первыхъ мечтаній юности. Яркія краски этихъ пшомцевъ полей отражаются на свѣсплосѣромъ фонѣ и блестятъ при солнцѣ, копораго лучи играютъ между ихъ головками. Еще выше, нѣсколько Бенгальскихъ розъ, разбросанныхъ посреди зашѣливыхъ, кружевныхъ узоровъ морковной травы, между перьевъ пушицы, богатыхъ марабу полевой красавицы, зонпиковъ дикаго кервеля, нѣжныхъ формъ бѣлой крещалки, щипками пысячелиспника, небрежно

разбросанными вѣпками дымянки съ розовыми и черными цвѣтами; однимъ словомъ, пупъ найдете вы всѣ прелестныя созданія природы, копорыя своими нѣжными, изогнутыми, вырѣзными формами способны выразить муку и терзанія сердечныя. Тупъ находящся распенія, осприя какъ пламя; другія, подобныя пройнымъ спрѣламъ; копьеобразныя, выпянушыя слепли, исперзанные, какъ желанія, подавленные въ сердцѣ. Изъ середины эпого обильнаго попока нѣжныхъ мыслей и чувствъ спремится къ верху великолѣпный махровый макъ; онъ горитъ, какъ пламя пожара, надъ звѣздоподобными ясынами и пыльными головками, копорыя, какъ прекрасное облако, возвышающся надъ цвѣтами и отражающъ свѣтъ въ своихъ безчисленныхъ, гладкихъ частицахъ. Какая женщина, упоенная роскошнымъ ароматомъ весеннихъ цвѣповъ, не пойметъ эпой роскоши мыслей, эпой чистой нѣжности, возмущаемой внезапными порывами, и эпо пламенное желаніе любви, и эту борьбу, спокрашно начинаемую удерживаемой, неупомимой, вѣчной страсти?

Поспавъте это живое изъясненіе на окно, чтобы падающій на него со всѣхъ сторонъ свѣтъ показалъ всѣ его оппѣнки, всѣ прошивоположноши, нѣжныя краски, легкія арабески; чтобы царица души вашей съ умиленіемъ взглянула на только что распустившійся цвѣтокъ, на которомъ еще блеспишь капля росы—и она будетъ вамъ признапельна. Часто я заспавалъ Генріету передъ моимъ приношеніемъ съ опущенными руками, углубленную въ бурныя мечты, копорыя воздымающъ грудь, разгорячающъ чело, спремяшся какъ пѣниспые волны, кипящъ и оспавляющъ за собой помипельную успалость. Послѣ того я ни для кого не дѣлалъ букета.

Мучипельныя партіи триктрака были прекращены на нѣсколько времени. Послѣднія покупки Графа принуждали его къ часпымъ оплучкамъ и безпрестаннымъ заботамъ.

Иногда мы ходили къ нему на вспрѣчу; дордою дѣши ловили пастькомыхъ, рвали цвѣшны и обгоняли другъ друга. Прегуливавшься съ любимой женщиной, подавашъ ей руку,

указывать дорогу — въ эпомъ заключаешся безпредѣльное наслажденіе, котораго доста-точно на всю жизнь. Къ тому же шупъ не-вольно рождается такая довѣренность. На возвращомъ же шупи съ Генераломъ (такъ называли мы въ шупку Г-на де Морсофъ) то же блаженство, взгляды, пожатіе рукъ было перемѣшано съ безпокойствомъ. Тогда приходилъ къ намъ на помощь языкъ шип-сивенный, непонятный для прочихъ, кошо-рымъ такъ хорошо умѣють владѣть жен-щины. Кшо не испыталъ удовольствія, чув-ствовашъ себя какъ-бы въ невѣдомой, не-доступной толпѣ, куда удаляются души избранныя, выходя изъ обыкновенныхъ гра-ницъ?

Такимъ образомъ прошекали дни, недѣли и мѣсяцы, полные всегда новыхъ восторговъ. Наступило время собиранія винограда, ко-торое въ Гурени почишаешся величайшимъ праздникомъ. Солнце уже не столь знойно, какъ во время жаввы; можно оспавашся цѣлый день въ полѣ, не боясь загара и упо-мленія; къ тому же легче рвать кисти вино-

града, нежели жать хлѣбъ; всѣ полевые плоды тогда уже собраны; хлѣбъ становится дешевле. Это изобиліе разливаетъ счастье на жизнь; всѣ опасенія, всѣ безпокойства о потерпѣнныхъ трудахъ исчезаютъ передъ полными житницами и погребями. Собираніе винограда служишь десертомъ для всей страны, гдѣ осень бываетъ великолѣпна и небо всегда улыбаешся празднику.

Работники бѣгутъ толпами въ дома, гдѣ ихъ кормятъ не скупю; это почти единственное время въ году, въ продолженіе котораго они имѣютъ вкусную и здоровую пищу. Такимъ образомъ дома полны народа и съѣстныхъ припасовъ; все приходитъ въ движеніе, вездѣ толпяся поселяне и бочары, вездѣ видны шельжки, наполненные веселыми молодыми дѣвушками, вездѣ слышны громкія пѣсни. Чины и опличія забыты; женщины и дѣти, господа и слуги, всѣ участвуютъ въ работѣ. Эти обстоятельство объясняютъ веселость, которая всегда оживляетъ послѣдніе, прекрасные дни года. Дѣти, по болѣзни, еще никогда не видали собиранія винограда; я—также; это удвоило

ихъ радость. Мы заказали хорошенькія корзинки въ Виленѣ. Никогда еще эти два ангела не были такъ свѣжи, румяны, такъ рѣзвы и дѣяпельны. Они болтали безъ умолку, суешились, бѣгали взадъ и впередъ. Я самъ спалъ съ ними ребенкомъ, еще болѣе, можешь быть, нежели они, пошому что также надѣялся пожать плоды моихъ спараній. Въ прекраснѣйшій, осенній день мы опправились въ виноградники и пробыли тамъ половину дня. Какъ мы спорили о томъ, кто скорѣе наполнитъ корзинку, кто найдеть лучшія кисти! И каждую изъ нихъ мы бѣгали показывать маменькѣ. Она смѣялась отъ души, когда я прибѣжалъ къ ней вслѣдъ за Маргаритой и спросилъ: А я-то, маменька, сколько нарвалъ? — Любезное дитя! ты слишкомъ горячишься; смотри, ты весь вспотѣлъ, говорила она, вода рукой по лбу и волосамъ. Эту ласку голоса, это нѣжное *ты* слышалъ я отъ нея въ первый и въ послѣдній разъ. Я прислушивался къ крику дѣшей и разговорамъ рабочниковъ, смотрѣлъ на красивыя пычинки, покрышыя пурпуровыми плодами,

на шолпы прудящихся, на шельжки, загроможденныя бочками. Я все это хопель запечалель въ памяти, все, даже молодое миндальное дерево, подь которымъ она спояла съ распущеннымъ зонпикомъ, свѣтлая, веселая, прелестная. Пошомъ я принялся съ новой ревностію рѣзашь кисти, наполняшь корзинку и выкладывашь ее въ общую бочку; это механическое занятіе, это постоянное и мѣрное движеніе давало свободу душѣ, умѣрило шеченіе спраспи, копорая гошова была все обрапиль въ пепель.

Въ первый еще разъ Графъ не оказалъ ни досады, ни вспыльчивости. Будущій Герцогъ Ленонкуръ Морсофъ, свѣжій, какъ кровь съ молокомъ, выначканный винограднымъ сокомъ, веселиль его сердце. Это былъ послѣдній день работы. Графъ обещалъ дань сельскій праздникъ передь домомъ. На возвратномъ пути Графиня оперлась на мою руку и шеннула мнѣ: «Вы принесли намъ счастье. Однообразіе, шомпильное однообразіе дней моихъ измѣнилось; жизнь спановинся прекрасною и полною надеждь. О, не осшавляйте меня! Не разрушайте никогда моихъ суевѣрныхъ пред-

чувствій, будьте старшимъ брапомъ, Провидѣніемъ моихъ малюпockъ!»

Чрезъ нѣсколько времени у насъ былъ еще подобный праздникъ. Графиня хотѣла заранѣе пріучить дѣшей къ дѣйствительной жизни и располовать, посредствомъ какихъ тяжелыхъ трудовъ пріобрѣтающіяся деньги. Она назначила имъ доходы отъ земныхъ произведеній. Жаку принадлежали орѣшники, Магдалинѣ каштановыя деревья. Грясины деревья, съ которыхъ съ шумомъ падали плоды на сухую, мшистую землю, гдѣ любящъ расщипывали каштаны, слѣдовать глазами за дѣвочкой, которая съ необыкновеннымъ вниманіемъ и важнымъ видомъ разсматривала и оцѣняла каждую кучу плодовъ, шумныя поздравленія домашнихъ—это были восхищительныя каршины, которыми живая, просносердечная радость дѣшей придавала неизъяснимую прелесть. Магдалина имѣла свой собственный магазинъ, куда мы складывали ея богашую добычу. И теперь еще шепещу отъ удовольствія, припоминая спукъ каждой корзины на темной землѣ чердака. Г. де Морсофъ покупалъ для дома; ошкунщики, люди, всѣ старались

доставить выгодный сбытъ *милоткъ*—этимъ ласковымъ именемъ звали поселяне Магдалину.

Жакъ не былъ такъ счастливъ; въ самое то время, какъ ему должно было заняться собираніемъ орѣховъ, пошли проливные дожди. Я утѣшалъ его по возможности, совѣщая ему сбережь ихъ, чптобы продать нѣсколько позднеѣ. Онъ имѣлъ въ своемъ владѣніи 200 деревьевъ, изъ копорыхъ каждое могло принести по крайней мѣрѣ сорокъ копѣекъ. Эту значительную сумму онъ хотѣлъ употребить на покупку плащя для верховой ѣзды. Изъявивъ свое желаніе, онъ подалъ поводъ къ разговору, въ копоромъ опецъ обрапилъ его вниманіе на то, какъ невѣрны подобные доходы и какъ необходимо опкладывать маленькую сумму на случай неурожая. Душа Графини видна была въ ея молчаніи; она радовалась, видя, съ какимъ вниманіемъ Жакъ слушалъ опца и какъ сей послѣдній входилъ нѣсколько въ свои священныя права. Не говорилъ ли я вамъ, чпто человѣческій языкъ не силенъ выразить черты и гений эпои женщины? Душа съ наслажденіемъ смопритъ на подобныя явленія; но какъ рѣзко онъ врѣзывающся въ послѣдствіи на

мрачномъ челѣ безпокойной, заботливой жизни? Онѣ блестятъ, какъ брилліанпы, между суетными мыслями свѣша; онѣ хранятся въ памяти, какъ вѣчно живое воспоминаніе утраченнаго счастья!

Въ это время между Графиней и ея мужемъ происходили частые и продолжительные споры. Послѣ пятнадцатилѣтнихъ стараній ей удалось довести хозяйство до возможнаго совершенства; еще нѣсколько времени, и она надѣялась, въ случаѣ смерти, оставить мужу такъ хорошо усвоенное имѣніе, что собираніе доходовъ не представляло бы ни малѣйшаго затрудненія. Для довершенія этого важнаго предпріятія потребно было пожертвовать нѣсколько тысячъ франковъ; это и было главной причиной ѣдкихъ возраженій Г. де Морсофа. Только одна мадеринская любовь поддерживала ея мужество въ подобныхъ случаяхъ. Если я завтра умру, думала она, что станется съ моими дѣтьми? При этой мысли ее обдавало холодомъ. Наконецъ она успѣла убѣдить его. Побѣда здраваго смысла надъ безуміемъ ушѣшила

ее; она забыла свои спраданія и напесенныя ей оскорбленія.

Въ эпошъ день мы пошли прогуливатъся въ новокупленное имѣніе, гдѣ она хотѣла назначить мѣсто для построекъ. Г. де Морсофъ шелъ впереди; мы слѣдовали за нимъ медленными шагами; передъ нами рѣзвились дѣпи; она говорила мнѣ шопопомъ, копорый въ устахъ ея походилъ на журчаніе струи по мелкому песку.

— Слава Богу! я увѣрена въ успѣхѣ моихъ предположеній. Въ теченіе двухъ лѣтъ имѣніе наше будетъ приносить вѣрный и чистый доходъ, который если не сдѣлаетъ насъ богатыми, по крайней мѣрѣ обезпечитъ наше состояніе. Почему знать? Можетъ быть, новыя улучшенія дадутъ намъ въ послѣдствіи способъ жить въ Парижѣ, чтобы надирать за воспитаніемъ Жака, когда его здоровье поправится!

Съ какимъ волненіемъ она произнесла это слово Парижъ! Она думала также и обо мнѣ; она хотѣла какъ можно менѣе разсваваться съ другомъ. Я отвѣчалъ съ жаромъ, что она еще не знала меня; что не говоря ей

ни слова, я давно уже рѣшился день и ночь заниматься науками, чтобы посвятивъ жизнь на образованіе Жака; что мысль, видѣть чужаго въ ея домѣ, въ коронкахъ съ нею отношеніяхъ была для меня несносна.

— Нѣтъ, Феликсъ, отвѣчала она съ важнымъ взоромъ; это предположеніе также несбыточно, какъ и первое. Ваше самоопроверженіе глубоко пронудо сердце мапери; но женщина слишкомъ много васъ любитъ, чтобы принять подобную жертву. Знаете ли, что въ награду такого поспунка вы совершенно были бы поперяны въ общественномъ мнѣніи? О, ради Бога, не допускайте меня никакимъ образомъ вредить себѣ! Вы, Виконтъ де Ванденесъ—учитель? Да, если бы вы назывались Ришельё, и тогда бы вы должны были проспитъ съ службою, со счастьемъ. А ваше семейство? А мать моя, которая шакъ умѣетъ унижить однимъ взглядомъ, словомъ, поклономъ?

— Но что мнѣ до свѣта, если вы будете любить меня?

Она продолжала, не отвѣчая мнѣ: Опець мой добръ и все для меня сдѣлаетъ;

но и онъ не просилъ бы вамъ этого презрѣнiя свѣшскихъ приличiй и отказался бы вамъ покровительствовашь. Нѣтъ! я не захопѣла бы видѣть васъ учителемъ Дофина.... Другъ мой! это предложенiе внушено....

— Любовью, прошептала я.

— Нѣтъ, челоѡколюбiемъ, говорила она, съ трудомъ удерживая слезы; эта безумная мысль открываетъ мнѣ новую сторону въ вашемъ характерѣ: ваше доброе сердце много повредитъ вамъ. Я хочу изъяснить вамъ нѣкоторыя вещи. Да, изъ глубины моего уединенiя, я хочу, невидимая, но полная воспорга, присутствовать при вашихъ успѣхахъ. А что касается до учителя, успокойтесь, другъ мой: мы опыщемъ какого-нибудь добраго стараго Аббапа. Отецъ мой съ радостiю согласился на всѣ пожертвованiя для воспитанiя ребенка, который будетъ носить его имя.

Пришедши въ Кассину (название имѣнiя), я османилъ ее распоряжаться на свободѣ и ушелъ съ дѣшми въ садъ, гдѣ повѣренныя Графини разсуждали о дѣлахъ ея съ такимъ

жаромъ, какъ будто эпо были ихъ собственныя. Тупъ увидѣлъ я, какъ много она всѣми была любима. Я сообщилъ мои мысли бѣдному поденьщику, который, опершись на заспупъ, молча, слушалъ разговоръ управителей.

— Да, сударь, добрая барыня и не горда, нечего сказать, какъ эти городскія щеголихи, которыя скорѣе пускаютъ бѣднаго человека умереть съ голоду, нежели уступятъ ему копѣйку. Всѣ мы заплачемъ, когда она уѣдетъ изъ нашей стороны.

Съ какимъ удовольствіемъ опдалъ я всѣ мои деньги этому человеку!

Дня черезъ два привели маленькую лошадку для Жака. Опець его, который самъ превосходно ѣздилъ, взялся дать ему первые уроки. То упря, когда онъ въ первый разъ сѣлъ на лошадь, при радостныхъ восклицаніяхъ Маргариты, было для Графини первымъ поржесивомъ маперинской любви. Коспюмъ Жака, купленный на вырученныя за орѣхи деньги, былъ чрезвычайно красивъ. На немъ былъ голубой камзольчикъ, перешпанный чернымъ кожанымъ поясомъ; вышитая Графинею шемизетка, широкія бѣлые

панталоны и Шотландскій шокъ; изъ-подъ него выпадали густыми локонами свѣшлые волосы. Право, онъ былъ хорошъ какъ ангель. Всѣ домашніе сполпились вокругъ и раздѣляли нашу радость. Молодой наследникъ бодро держался въ сѣдлѣ, и, проѣзжая мимо Графини, всякій разъ ей мило улыбался. Эпоть первый опытъ мужеской силы и ловкости въ ребенкѣ, который такъ часно былъ близокъ къ смерти, это личико свѣшное, румяное, которое невольно рождало въ душѣ надежду на счастливую будущосшь — какая восхищительная награда для машери! Прибавьте къ этому веселый видъ ошца, который, казалось, помолодѣлъ отъ радости; счастье, написанное на лицахъ домашнихъ. невольное восклицаніе спараго спремяннаго Ленокуровъ, который, возвращаясь изъ Гурра и видя, какъ диня ловко держалъ узду, закричалъ: «Браво, Г. Виконшъ!»

Эшого было слишкомъ много: Г-жа де Морсофъ залилась слезами. Она, споль спокойная въ горести, была слишкомъ слаба для радости! Она облокотилась на мою руку.

— Кажется, я никогда не спрдала, говорила она; останьпесь у насъ сегодня.

По окончаніи урока, Жакъ бросился къ матери на шею. Она схватила его и долго сжимала въ своихъ объятіяхъ и крѣпко, крѣпко цѣловала. Мы съ Магдалиною пошли набрать два великолѣпныхъ букета, чшобы украсить ими споль въ честь новопосвященнаго рыцаря. Когда мы возвратились, Графиня сказала мнѣ: «Пятнадцатое Октябрю вѣрно будетъ важный день въ моей жизни: Жакъ взялъ первый урокъ верховой ѣзды, а я кончила мою мебель.»

— Ну такъ, Бланка, я хочу теперь же заплапшь тебѣ за нее, сказала Г. де Морсофъ.

Мы сошли на дворъ и увидѣли прекрасную коляску, которую дарилъ ей отецъ; а Г. де Морсофъ велѣлъ привести для нее изъ Англій пару лошадей. Мы пошчасъ же ее обновили. По возвращеніи съ прогулки, Графиня сказала мнѣ съ грустнымъ видомъ: «Я слишкомъ счастлива. Счастье производить на меня такое же дѣйствіе, какъ и болѣзнь: оно убиваетъ меня. Я каждую ми-

нупу боюсь, что оно изгладится какъ сновидѣніе.

Я любилъ слишкомъ спраспно, чтобы не быть доступнымъ ревности. Мнѣ нечего было подарить ей, и я въ отчаяніи молилъ небо послать мнѣ случай умереть за нее. На вопросъ ея, что меня огорчало, я чистосердечно объяснилъ ей свои мысли. И, вѣрно, никакой подарокъ не пронулъ бы ее столь сильно. Ея слова пролили росу утѣшенія въ мое сердце. Выведя меня на балконъ, она говорила мнѣ на ухо: « Любице меня, какъ любила меня пепушка. Не значить ли это подарить меня жизнию. А если я приму подарокъ, кто изъ насъ въ долгу? Теперь пойду докончить послѣдніе ряды въ моей работѣ. Вы, можете быть, не знаете, Феликсъ, для чего я возложила на себя эпошь медленный, упоминательный трудъ? Муцины въ занятіяхъ находятъ развлеченіе опъ горестей жизни, движеніемъ заглушаютъ мысли. Намъ нѣтъ прибѣжища опъ спраданій. И такъ, чтобы имѣть силу улыбаться мужу и дѣтямъ, когда у меня на душѣ было такъ тяжело, я почувствовала необходимость за-

глушить нравственную боль физическимъ движеніемъ; такимъ образомъ я избѣгала изнеможенія, которое всегда слѣдуетъ за излишнимъ напряженіемъ силъ или пылкими порывами. Простое дѣйствіе поднимать и опускать руку въ разныя времена убаюкивало мои мысли и сообщало бурной душѣ свое мѣрное спокойствіе. Каждое *point* было тайнымъ повѣреннымъ моихъ чувствъ. Понимаете? Когда я шила послѣднее кресло, я слишкомъ много думала о васъ, да, слишкомъ много, другъ мой! Чшо вы выражали въ букетахъ, я передавала своей работѣ.

За обѣдомъ было очень весело. Жакъ, который, подобно всѣмъ дѣшамъ, любилъ, чшобы имъ занимались, бросился ко мнѣ на шею, увидѣвъ цвѣты, которыя я нарвалъ для побѣдителя. Машъ его сдѣлала видъ, будто сердится на меня за такую невѣрность; тогда малюшка вскочилъ и съ невыразимою прелестью предложилъ ей спорный букетъ. Вечеру мы играли всѣ шрое въ шрикшракъ; я одинъ пропивъ Г-жи и Г. де Морсофъ; послѣдній былъ веселъ и любезенъ, какъ нельзя болѣе. Въ сумерки они проводили меня

до Фрапеля; прекрасный, тихій вечеръ возбуждалъ въ душѣ тысячу спокойныхъ, но глубокихъ чувствованій.

Да, это былъ единственный день въ жизни этой бѣдной женщины, блестящая точка на мрачномъ горизонтѣ. Воспоминаніе его часто упѣшало ее въ трудныя минуты. Скоро уроки фехтованья спали поводомъ къ раздору. Графиня основательно боялась за сына грубыхъ выговоровъ отца. Уже Жакъ худѣлъ, голубые глаза его окружились синимъ пятномъ; но чтобы не огорчить мать, онъ никогда не жаловался. Замѣнили отца старымъ спремьяннымъ; Графъ съ трудомъ и крикомъ отказался отъ ученика и упѣшался вѣчными жалобами на неблагодарность женщинъ, упрекая жену разъ двадцать на день лошадьми, коляской и ливреями. Къ довершенію несчастія случилось, что расходы на обстройку новыхъ имѣній превзошли цѣлой половиной опредѣленную на то сумму. Въ этотъ день я отправился изъ Фрапеля послѣ завтрака набравъ букетъ. Возвращаясь, я встрѣтилъ Магдалину, которая неслла мнѣ вазы.

— Бапюшка, говорила она въ слезахъ, бра-
нитъ маменьку; поди же защищай ее.

Я взбѣжалъ по лѣспницѣ и пришелъ въ залу,
незамѣченный ни Графомъ, ни его женою.
Услыша неистовый крикъ сумасшедшаго, я
запворилъ двери; потомъ возвратился въ
залу. Генриета была блѣдна, какъ полотно.

— Не женись никогда, Феликсъ—вопль
вамъ совѣтъ друга. Женщина немногимъ
чѣмъ лучше дьявола. Лучшая изъ нихъ въ
соспоянїи выдумаетъ зло, если бы оно не
существовало; а всѣ онѣ не иное что, какъ ди-
кіе звѣри!

Послѣ этого начались вздорныя, нелѣпыя
разсужденія. Онъ повинорилъ всѣ глупости,
копорыми крестьяне обыкновенно оправды-
ваютъ свое ошвращеніе отъ нововведеній:
«еслибы я управлялъ Клошгурдомъ по соб-
ственной волѣ, то былъ бы вдвое богаче.» По-
вторяя подобный вздоръ, онъ перескакивалъ
съ одного спула на другой, бросалъ ихъ по
комнатѣ; вдругъ ошпанавливался посреди на-
чашой фразы и жаловался, что голова его
горитъ; что мозгъ его шаенъ, какъ его
деньги. И онъ имѣлъ духъ говорить, что

жена разорила его! Несчастный! Болѣе двухъ пррпей наспоющихъ его доходовъ были собраны ея попеченіями; не говоря уже о приданомъ и имѣніи Герцога, которое должно было достаться Жаку. Графиня гордо улыбалась и смотрѣла на небо.

— Да, да, Бланка, кричалъ онъ, ты мой палачъ; ты хочешь уморить меня, опдѣлаешься опъ меня скорѣе; я шебѣ въ пягоспъ! Лицемѣрка! А! ты смѣешься? Знаешели, чему она смѣется, Феликсъ? Она только посипъ мое имя, нисколько не исполняя обязанноспей жены; она нарочно заспавляешъ меня ходишь съ упра до вечера, чшобы оспаться одной; она ненавидишь меня! Она меня сводишь съ ума, и воображаешъ, что она святая!

Графиня рыдала.

— Государь мой, государь мой!

Вопъ все, чшо она могла промолвишь. Ей спяжко было видѣшь его униженіе.

— Чшо шакое вашъ: государь мой и эшопъ повелишельный понъ? Кажешся, я господинъ въ домѣ. Не угодно ли, чшобы я вамъ доказалъ эшо?

Онъ приближился къ ней. Лице его, безъ чего похужее на рыло бѣлаго волка, въ эту минушу было отвращительно; это былъ точно голодный звѣрь, который рыщеть за добычею. Генриета опустилась съ кресель, чтобы принять ударъ, который однако не попалъ на нее, попому что она упала безъ движенія къ его ногамъ. Онъ походилъ на убійцу, обрызганнаго кровію жертвы. Я споялъ передъ нею, какъ безумный. Я взялъ ее на руки; онъ отворилъ мнѣ двери, какъ бы признавая себя недостойнымъ нести ее. Войдя въ ближнюю комнату, которая еще никогда для меня не отворялась, я сперва поставилъ ее на ноги и держалъ, обхвативши одной рукой, пока Г. де Морсофъ снималъ покрывало, парадныя подушки и проч. Пришедъ нѣсколько въ себя, она просила знаками распустишь ей поясъ; Г. де Морсофъ отыскалъ ножницы и обрѣзалъ всѣ узлы; попомъ ушелъ, болѣе приспѣженный, нежели пронутый.

Я далъ ей понюхать спирту; она открыла глаза; но два часа протекли въ совершенномъ молчаніи. Генриета держала мою руку

и сжимала ее, не говоря ни слова, знаками давая мнѣ понять, что она желаетъ остаться въ совершенномъ спокойствіи и безъ шума. Вдругъ она приподняла голову и шепнула мнѣ: «Несчастный! если бы вы знали!»

Потомъ снова опустилась на подушки. Это воспоминаніе произвело въ ней прежнія конвульсіи. Мнѣ удалось успокоить ее до сихъ поръ неизвѣстнымъ мнѣ средствомъ, силою магнетизма любви. Я держалъ крѣпко, но съ нѣжностію; и теперь помню, что я плакалъ отъ ея прогашельныхъ, мучительныхъ взоровъ. Слава Богу, эпошъ послѣдній припадокъ былъ не продолжителенъ. Тогда я привелъ въ порядокъ ея волосы; потомъ взялъ опять ея руку и долго разсматривалъ темно-сѣрую комнату, кровать съ простымъ синцевымъ занавѣсомъ, диванъ, обитый такою же матеріею, и старинный туалетъ. Какой поэзіей дышало это мирное убѣжище! Какое отсутствіе роскоши во всемъ, что касалось до нея; ея роскошь была самая восхищительная чистота. Эта комната походила на келью и дышала свяшою

покорностью Провидѣнію. Надъ кроватью стояло Распятіе; подъ нимъ висѣли поршплеты ея пепки и дѣшей, самой ею рисованные карандашемъ; пущъ же за рамкой хранились ихъ волосы. И здѣсь жила женщина, копорая если бы появилась въ свѣтѣ, зашла бы красоною самыхъ прекрасныхъ! Здѣсь плакала опрасль знаменишой фамиліи, томила въ грусти и имѣла еще довольно душевной силы, чтобы отвергать любовь, копорая бы ее утѣшила! Когда вошли дѣти и горничная, я вышла. Г. де Морсофъ ждалъ меня. Онъ видѣлъ во мнѣ посредника между имъ и женою. Оспаньпесь, оспаньпесь, Феликсъ! кричалъ онъ, сжимая мою руку.

— Къ несчастію, теперь это невозможно, отвѣчалъ я: у Г. де Шесселя гости; мое отсутствіе замѣнятъ и станутъ опыскивать ему причины. Но послѣ обѣда я приду.

Онъ проводилъ меня до двери; попомъ дошелъ со мной до Фрапеля, не зная самъ, что дѣлаетъ.

— Ради Бога, Г. Графъ, сказалъ я, дайше ей полную волю управлять имѣніемъ, если это ей угодно, и не мучьте ее болѣе!

— Я и такъ не долго буду ее мучить, отвѣчалъ онъ съ важностію; я чувствую, что мнѣ не долго жить: голова моя, кажется, хочетъ лопнуть!

И въ этомъ припадкѣ эгоизма онъ меня оспавилъ. Послѣ обѣда я пошелъ провѣдать о здоровьи Графини: ей было гораздо лучше. Боже мой! думалъ я, какъ еще она можетъ жить посреди такихъ мученій! Вѣдь это медленное убійство! Гдѣ судья, который будетъ мстить? Подобныя размышленія превышали мой разсудокъ. Я не могъ ничего говорить. Цѣлую ночь я писалъ къ ней. Вотъ одинъ опривокъ, который дастъ понятіе о томъ, что происходило въ душѣ моей.

Листъ де Морсофъ

«Какъ много я имѣлъ сказать вамъ сегодня, сколько мыслей толпилось въ головѣ моей въ дорогѣ; видя васъ, я все позабылъ. Да, милая Генріетта, когда я васъ вижу, я не нахожу словъ для выраженія того, что внушаетъ мнѣ ваша красота, которой отраженіе души придаетъ такую невыразимую прелесть! Къ тому же возлѣ васъ я

шагъ счастливъ, шагъ безпредѣльно счастливъ, что чувство счастья выплываетъ изъ моего ума всѣ прежнія мысли и чувства. Каждый разъ, видя васъ, я рождаюсь для новой, обширнѣйшей жизни! Такъ пупнигъ, медленно взбираясь на утесъ, открываетъ на каждомъ шагу новый горизонтъ! После каждого разговора съ вами, я прилагаю новыя сокровища къ прежнимъ безчисленнымъ сокровищамъ. Вопль въ чемъ заключается пайна продолжительной, безконечной привязанности! И такъ говорите съ вами о васъ я могу тогда только, когда васъ не вижу. Въ вашемъ присутствіи я слишкомъ ослѣпленъ, чтобы видѣть васъ, слишкомъ счастливъ, чтобы размышлять о моемъ счастьи, слишкомъ полонъ вами, чтобы думать о себѣ, слишкомъ краснорѣчивъ, чтобы говорить, слишкомъ пламенно стараюсь уловить настоящую минуту, чтобы помнить прошедшее. Вы должны понять это состояніе упоенія, чтобы извинить его дѣйствія. Возлѣ васъ я умѣю только чувствовать. Однако я осмѣлюсь сказать вамъ, что каково бы ни было блаженство, которое вы мнѣ

доспавили, я не ощущалъ еще споль восхищительнаго упоенія, какъ вчера, когда послѣ борьбы, въ которой вы оказали сверхъестественное мужество, вы обратились ко мнѣ одному, въ полусвѣтѣ вашей комнаты, куда завела меня эта несчастная сцена. Я знаю теперь, какимъ блескомъ можешь сіяшь женщина, когда изъ предѣловъ смерти она возвращается къ жизни, и когда заря возрожденія свѣплѣетъ на ея лицѣ! Какъ невыразимо сладостенъ былъ вашъ голосъ! Какъ малы, какъ ничтожны казались мнѣ слова, даже ваши слова, Генріета, передъ звуками вшого небеснаго голоса! Въ немъ выражалось и воспоминаніе прошедшаго спраданія, и божественное утѣшеніе, которое съ первыми вашими мыслями вы спарались перелипъ въ мою душу. Я видѣлъ васъ до сихъ поръ во всемъ блескѣ земной красоты; вчера я узналъ новую Генріету, которая была бы моею, если бы это было угодно Всевышнему. Какъ ты была прекрасна въ швоихъ спраданіяхъ! Какъ велика въ швоей слабости! Вчера я нашель въ тебѣ нѣчто прекраснѣе красоты, сладостнѣе швоего го-

лоса, ослѣпительнѣе глазъ твоихъ, благоуханіе, для котораго нѣтъ словъ! Вчера я узналъ, что значить дышать съ побоемъ однимъ воздухомъ, соединяясь въ одной молитвѣ! Нѣтъ, если я не умеръ отъ полнощны моихъ чувствъ, то вѣрно не умираю ни отъ радости, ни съ горя! Всякій разъ, когда воспоминаніе этихъ минутъ появился изъ глубины души моей на ея поверхности, глаза мои будутъ наполняться слезами. Мучительная тоска, которую я вчера за себя вытерпѣлъ, будетъ для меня мѣрою моихъ будущихъ горестей, также какъ блаженство, которымъ ты упоила душу мою, останется для меня навсегда превыше всѣхъ земныхъ радостей.»

Глубокая горестъ давила мою душу. Зрѣлище этой жизни было невыносимо тяжело для сердца юнаго, которому еще была чужда жизнь съ ея неизбѣжнымъ крестомъ для каждаго. Спрашно было ему, при самомъ вступленіи въ свѣтъ, встрѣпить глубокую

пропасть, мертвое море. Это непоспичи-
мое сплеченіе несчастій было для меня
испочникомъ безконечныхъ мыслей, одна
другой грустнѣе, одна другой безнадежнѣе.
Печаль моя подала Г. и Г-жѣ де Шессель
поводъ заключить, что я былъ несчастливъ
въ моей любви; такимъ образомъ я ушѣ-
шалъ себя тѣмъ, что страсть моя не
повредитъ ея предмету. На другой день
я нашель Генріету одну въ залѣ; она посмо-
трѣла на меня нѣсколько времени въ мол-
чаніи; потомъ пропянула мнѣ руку и сказала:
«И такъ другъ всегда будешь слишкомъ
нѣженъ?» Глаза ея наполнились слезами;
она вспала и прибавила умоляющимъ го-
лосомъ, въ кошоромъ слышно было разди-
рающее отчаяніе: «Не пишите мнѣ болѣе
такимъ образомъ!»

Г. де Морсофъ былъ услужливъ и внима-
теленъ. Графиня показывала прежнюю швер-
досшь и спокойный видъ; но необыкновенная
блѣдность обличала внушреннія спраданія.
Вечеромъ, прогуливаясь со мною по дорожкамъ,
усыпаннымъ поблекшими листьями, копорые
хрустѣли подъ ногами, она сказала мнѣ:

Радость ограничена, горестъ безпредѣльна!

— Не блевещите на жизнь, сказалъ я; вы никогда не испытали любви: въ ней есть небесныя радости.

— Молчите. Я не хочу знать ее. Гренландецъ умеръ бы въ Италіи. Я счастлива и спокойна; съ вами я могу дѣлиться моими чувствами; не разрушайте мою довѣренность!

— Если бы вы поднесли мнѣ ядъ, я бы съ радостію проглотилъ его! отвѣчалъ я, прижавъ ея руку къ своему сердцу, которое билось такъ сильно, какъ будто хотѣло выскочить.

— Еще! вскричала она, опдернувъ руку, какъ бы чувствуя нестерпимую боль. Неужели вы хотите лишить меня счастья раскрывашъ сердечныя раны передъ другомъ? О, прошу васъ, не прибавляйте къ моимъ страданіямъ! Вы еще не знаете ихъ всѣхъ. Тѣ, объ которыхъ я должна умалчивать, всѣхъ пруднѣе переносятъ. Только женщина можетъ понять, какое отвращеніе, какая шос-

ѣа наполняетъ душу, когда насъ осыпають вниманіями для того, чптобы загладить проспулки, которыхъ никто не можетъ загладить. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней я могу сдѣлать изъ него все, что захочу; это продолжится до тѣхъ поръ, пока ему покажется, что я все забыла. И бытъ обязанной хорошимъ обращеніемъ мужа, своего господина, только его педоспанкамъ. . . .

— Скажите его преступленіямъ!

— Не правда ли, что ужасная жизнь? продолжала она съ грустною улыбкою. Къ тому же я не умѣю пользоваться этимъ преходящимъ вліяніемъ. Не похожу ли я шеперь на рыцарей, которые считали безчестіемъ нанести ударъ безоружному. Видѣтъ паденіе того, кого мы должны уважать; поднимають его, чптобы получить ошь него новые удары; спрадаютъ за него болѣе его самага и не смѣють, подъ опасеніемъ лишиться собспивеннаго уваженія, пользоваться его слабостію, даже съ добрымъ намѣреніемъ испощать свои силы, распочать сокровища души въ борьбѣ безъ славы и пользы, и пользоваться своимъ превосход-

спвомъ тогда только, когда получаешь смер-
пельвыя раны. Тысячу разъ лучше смерть!...
Если бы я не имѣла дѣшей, я бы опдалась
безъ сопротивленія печенію жизни; но что
станется съ ними безъ моего мужества?
Нѣтъ, какъ ни тяжела жизнь, я должна
жить для нихъ! Вы говорите мнѣ о любви!
Ахъ, другъ! подумайте, въ какомъ аду я бы
принуждена была жить, если бы этому су-
ществу безжалостному, какъ всѣ ничтож-
ные люди, если бы я дала ему право прези-
рать меня! Нѣтъ, я не пережила бы и недо-
зрѣнія! Мою силу дѣлаетъ чистота моего
поведенія! Добродѣтель, любезный другъ,
есть цѣлебный источникъ, который обнов-
ляетъ силы и возбуждаетъ любовь къ Богу.

— Послушайте, милая Генріета, мнѣ оста-
ется жить съ вами только двѣ недѣли;
я хочу....

— А! вы насъ оставляете!

— Да, мнѣ непременно надобно знать, что
рѣшите обо мнѣ башюшка; вопль уже три
мѣсяца.

— Я не считала дней, отвѣчала она съ увле-
ченіемъ пронутрой женщины. Но въ ту же

минушу она пришла въ себя. Пойдемше, говорила она, навѣспитъ Г-жу де Шессель; и ей должна визипомъ. Она позвала мужа, дѣшей, спросила шаль, и когда все было го-
пово, она, обыкновенно споль пихая и спо-
койная во всѣхъ движеніяхъ, оказала шупъ
живость Парижанки; черезъ минушу мы бы-
ли въ Фрапелъ, гдѣ опвѣпы Г-жи де Шес-
сель вполцѣ удовлетворили любопышству
Графини.

Г. де Шессель распрашивалъ Графа о ра-
ботахъ, копорья подъ его надзоромъ про-
изводились въ новыхъ помѣстьяхъ. Я думалъ,
что онъ постарается избѣжать разговора,
который долженъ былъ пробудитъ въ немъ
сполько пиягоспныхъ воспоминаній. Ничего
не бывало! Опъ преспокійно присвоилъ себѣ
и развилъ всѣ мысли своей жены. Мнѣ спало
за него спыдно. Я не вѣрилъ своимъ ушамъ.
Генріеша, небесное созданіе, шоржеспивовала.
Она въ восторгѣ перебирала волосы Жака;
она была счастлива за сына и за себя: Г-нъ
де Морсофъ показывался хорошимъ хозяи-
номъ, превосходнымъ агрономомъ. Повторяю,
эша ужасная драма поразила меня. Въ послед-

свѣи, сколько людей я встрѣчалъ хуже, ниже Морсофа! Спранное, непоспижимое прошиворѣчіе судьбы, которая бросаетъ безумцу ангела; поэту съ чистой, возвышенной душою—дурную, ограниченную жену; уроду—красавицу, карлъ—спройную и высокую женщину. Эша загадка непоспижима. Кто шворецъ подобнаго несчастія, для кошораго нѣтъ конца, ни ушѣшенія?

Наканунѣ моего опъѣзда, передъ обѣдомъ, Г-жа де Морсофъ увела меня на шеррасу.

— Любезный Феликсъ! говорила она, когдамы молча прошлись подъ обнаженными деревьями, вы гоповишесь вступишь въ свѣиъ; я мысленно буду вамъ сонупшвовашъ. Тѣ, копорые много спрадали, много испышали; не думайте, чтобы существа, живущія въ уединеніи, совсѣмъ не знали свѣша. Въ день вашего опъѣзда, милый Феликсъ, я дамъ вамъ длинное письмо, въ кошоромъ вы найдете мои мысли о свѣшѣ и людяхъ. Обѣщайте мнѣ не чипать его прежде, нежели вы будете въ Парижѣ. Эшо моя фанпазія. Можетъ бышь, вы бы ее поняли, но иногда мы женщины не хошимъ, чтобы насъ понимали.

— Обѣщаю, сказала я, цѣлуя ея руку.

— Ахъ! у меня еще естъ до васъ просьба. Поклянитесь мнѣ сперва выполнитъ ее.

— Да, да, вскричалъ я, думая, что она хочеть пошрёбовашъ опъ меня кляшву въ вѣрности.

— Не обо мнѣ дѣло, Феликсъ! возразила она съ горькою усмѣшкою. Обѣщайте мнѣ никогда не играшь, въ чьемъ бы пію ни было домъ безъ исключенія.

— Я не буду никогда играшь.

— Хорошо, сказала она. Я придумала для васъ лучшее занятіе, съ копорымъ вы, рано или поздно, всегда будете въ выигрышѣ.

— Какъ же эшо?

— Эпію вы узнаете изъ письма, прибавила она съ веселымъ видомъ. Такимъ образомъ прошло около часа; она доказала мнѣ свою привязанность спараніемъ, съ копорымъ изучила малѣйшіе опшѣнки моего характера. Голось ея былъ прогашелень и увлекашелень, слова падали, какъ изъ успъ мапери.

— Если бы вы знали, съ какимъ безпокойшвомъ я буду слѣдовашь за каждымъ

вашимъ шагомъ на новомъ вашемъ поприщѣ! Какъ я буду радоваться, если вы будете итти твердо и прямо! Сколько слезъ будешь мнѣ сплоти ваше паденіе! Ахъ, любовь моя не имѣешь подобной! Я желала бы видѣть васъ счастливымъ, могучимъ, уважаемымъ.

Я плакала; она была вмѣстѣ крошка и ужасна; она слишкомъ явно обнаруживала свои чувства; но онѣ были столь чисты, что въ сердцѣ пылкаго юноши не могло оставаться ни малѣйшей надежды.

— Всегда и во всемъ я буду думать: что скажешь объ этомъ моя Генріета? Вы будете моя вѣра, моя звѣзда, вы будете все для меня!

— Нѣтъ, я не могу быть источникомъ вашихъ удовольствій.

Она вздохнула, потомъ улыбнулась. Съэтой минуты она спала для меня пѣмъ, чѣмъ была Беатриче для Данте, Лаура для Петрарка, мать великихъ мыслей, благородныхъ намѣреній, подпора въ будущемъ, свѣтъ, который блещишь во мракѣ, какъ лилія въ темной зелени.

На другой день я простился съ госпе-
пріимными хозяевами Фрапеля и отпра-
вился въ Клошгурдь. Г. и Г-жа де Морсофъ обыцали
проводить меня до Тура, откуда въ ту же
ночь я долженъ былъ отправиться въ Парижъ.
Во время дороги Графиня молчала; сперва она
жаловалась на сильную головную боль; по-
томъ ей спало спыдно этого невиннаго
обмана; она топчасъ прибавила, что ей очень
жаль меня. Г. де Морсофъ приглашалъ меня
госпнить у нихъ въ опсушсіевіе Шесселей. Мы
разснались по-геройски, безъ царужныхъ слезъ.
Только Жакъ, чувспвительный, какъ всѣ
больныя дѣши, заплакалъ. Магдалина только
сжимала руку мащери. Она уже чувспвовала
и поступала, какъ женщина.

— Душечка! говорила Графиня, обнимая
спраспно Жака.

Оставшись одинъ въ Турѣ, я вдругъ по-
чувспвовалъ непреодолимое желаніе еще разъ
ее увидѣть. Я нанялъ лошадь и чрезъ нѣ-
сколько часовъ былъ въ Клошгурдь. Спыдясь
своей слабости, я прокрался на террасу.
Графиня сходила въ эту минушу съ крыльца;
дѣши были съ нею. Она шла тихо и медлен-

но подышать вечерней прохладной грустнаго ландшафта, освѣщеннаго заходящимъ солнцемъ.

— Маменька! вопшь Феликсъ, сказала Маргарита.

— Да, шепсаль я ей на ухо, это я. Я не понимаю, зачѣмъ я оспавался въ Турѣ, когда могъ еще васъ видѣть. Черезъ восемь дней уже не въ моей власши будешь исполнить это желаніе.

— Онъ оспанется съ нами, маменька! восклицаль Жакъ, прыгая отъ радости.

— Замолчи же, говорила Магдалина; ты призовешь сюда Генерала.

— Вы не хорошо дѣлаете. Какая безразсудность! шепсала она прервавшимся отъ слезъ голосомъ.

Я былъ уже съ избыткомъ вознагражденъ,

— Я забыль отдать вамъ эпошь ключъ. сказалъ я, улыбаясь.

— Развѣ мы никогда не увидимся?

— Развѣ мы расстаемся? спросиль я, бросивъ на нее пламенный взглядъ, передъ которыми она пошупила свои взоры.

Быстро промчались часы въ нѣмомъ восторгѣ. Наконецъ я удалился тихимъ шагомъ, безпрестанно оборачиваясь назадъ. Когда съ высоты площадки я взглянулъ въ послѣдній разъ на долину, увидѣлъ зрѣлище, совсѣмъ различное отъ пого, какъ я взошелъ на нее въ первый разъ. Тогда все цвѣло и зеленѣло, какъ моя любовь, какъ мои надежды. Теперь мысли мои были мрачны и тяжелы; я видѣлъ сипраданіе добродѣтели, семейное несчастіе, и долина совершенно согласовалась съ грустнымъ расположеніемъ моей души. Поля представляли однообразную, голую равнину, листья падали; а тѣ, которые оставались на деревьяхъ, имѣли непріятный цвѣтъ ржавчины. На виноградныхъ лозахъ оставалось нѣсколько листьевъ, сгорѣвшихъ отъ жаровъ; вершины деревьевъ представляли мрачныя оплѣшки коричневаго цвѣта; блѣдные лучи осенняго солнца едва согрѣвали; однимъ словомъ, природа была вѣрнымъ зеркаломъ моей души.

Разсѣяться съ любимымъ предметомъ ужасно, или очень просто, смотря по различію характеровъ. Что касается до меня,

я вдругъ очутился какъ-бы въ совершенно незнакомой мнѣ странѣ, копорой языкъ былъ мнѣ непоняпенъ. Тогда-то любовь моя развилась во всей силѣ, и образъ Генріеши носился высоко надъ пуспынею, гдѣ я жилъ полько ея воспоминаніемъ.

Съ какимъ неперпѣніемъ ждалъ я первой ночи, копорую проведу у опца, чтобы прочипать ея письмо, копорое я ощупывалъ дорогою, какъ скупой банковые билепы, и цѣловалъ, какъ священный залогъ ея любви. Никогда послѣ не чипалъ ея писемъ съ па-кимъ чувспвомъ, какъ первое; эпо было ночью, среди всеобщей пишины. И я не понимаю, какъ можно иначе чипать письма своей любезной!

Вопъ, Нашалія, божеспвенный голось, копорый раздался въ моемъ слухѣ; вопъ высокое сущеспво, копорое предспало передо мною и перспомъ указывало дорогу, копорую мнѣ слѣдовало избрать.

**ПИСЬМО ГРАФИНИ ДЕ МОРСОФЪ КЪ ВИ-
КОНТУ ДЕ ВАНДЕНЕСЪ.**

« Занимаясь вами въ продолженіе нѣсколькихъ ночей, я наслаждалась святымъ удовольствіемъ матери! Какъ я счастлива, что могу собрать и передать вамъ разбросанныя замѣчанія, плодъ моей опытности. Часто я вспавала, подходила къ окну, изъ котораго видѣлись башни Фрапеля, освѣщенныя луною, и говорила себѣ: онъ спитъ, а я за него бодрствую. Восхищительное чувство! Оно напомнило мнѣ первыя счастливыя минуты моей жизни, когда я просиживала ночи надъ колыбелью Жака и ждала его пробужденія, чтобы кормить его своимъ молокомъ. Вы человекъ, но вы вмѣстѣ еще и диня; душѣ вашей необходимы нѣкоторыя правила, которыя бы еще болѣе укрѣпили ее и которыя вы не могли узнать въ эпихъ ужасныхъ училищахъ, гдѣ вы такъ страдали;

намъ женщинамъ предоспавлено право изъяснить вамъ ихъ. Ихъ немного; но онѣ будущъ имѣшь вліяніе на ваше положеніе въ свѣтѣ; онѣ пригошовають и упрочаютъ ваши успѣхи. Милый Феликсъ! вступи васъ въ свѣтъ, не значить ли это откажашься отъ васъ? Но я слишкомъ много люблю, чпобы не пожертвовашь своимъ счастьемъ вашей будущности. Разговоры мои съ шепушкой, жизнь ея, которую рассказывалъ мнѣ Г. де Морсофъ, слова отца моего, которому дворъ такъ знакомъ, важныя и мелчныя обспоятельствва, все оживилось въ моей памяти для пользы моего сына! Вы готовишесь вступишь въ страну, гдѣ многіе погибають черезъ свои хорошія качества, которыхъ они не умѣли употребить съ пользой; а гдѣ другіе выигрываютъ черезъ дурныя.

Прежде всего прошу васъ хорошенько обдумашь мое понятіе объ обществѣ, которое я предложу вамъ въ немногихъ словахъ. Вы должны во всемъ повиновашься общепринятымъ законамъ; это правило, споль простое по паружности, трудно въ принаровленіи; его можно сравнить съ сокомъ дерева,

кошорое должно проникнуть въ его шенчайшіе каналы, чшобы поддерживать его жизнь и свѣжесць, развивать цвѣтъ и питать плодъ. Милый! не всѣ законы написаны въ книгахъ; нравы также создаютъ законы и важнѣйшіе изъ нихъ; нѣтъ ни уложенія, ни училищъ, ни профессоровъ, кошорые бы опредѣляли поступки ваши, слова, наружную жизнь вашу въ свѣтѣ, или способъ соспавить въ немъ счастье.

Изъясняютъ общество теоріею счастья каждаго человѣка, кошорый искусно умѣетъ обрабатывать свои выгоды на счетъ другихъ, есть гибельная система, изъ кошорой человѣкъ можетъ вывести, что все то, что онъ присвоитъ себѣ пайно отъ людей, закона и свѣта, приобрѣтено честно и праведно. Она оправдаетъ и женщину, кошорая умѣла скрыть свое заблужденіе, и искуснаго похитителя и честнлюбиваго злодѣя, кошорый успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Нѣтъ, другъ мой, я знаю, вы чувствуете такое же отвращеніе, какъ и я, къ подобной системѣ; и потому для васъ, какъ и для меня, об-

щество изъяснился только предположеніемъ взаимныхъ обязанностей. Эти обязанности увеличиваются по мѣрѣ выгоды, копорую оно предоставляетъ человѣку. Разсмаширивая съ этой почки общество, въ копоромъ вы хопите занять мѣсто, сообразное съ вашимъ умомъ и способностями, примите за правило: ничего не позволять себѣ ни противъ вашей совѣсти, ни противъ условій общества. Вы удивитесь моей настойчивости; но я умоляю васъ, да, Генріепа васъ умоляетъ, основательно размыслишь о значеніи этихъ двухъ словъ. Они значатъ, милый, что прямодушіе, честность, благородство, учтивость суть вѣрнѣйшія средства къ возвышенію. Въ этомъ свѣтѣ эгоистовъ, многіе скажутъ вамъ, что чувствительность не ведетъ къ цѣли; что уваженіе къ правспвеннымъ законамъ замедляетъ ходъ; вы увидите, какъ невоспитанные или недалъновидные припѣсняютъ слабѣйшаго, поступають невѣжливо съ пожилой женщиной, отказываются провести нѣсколько скучныхъ минутъ съ старикомъ, подъ предлогомъ, что они не могутъ быть

имъ полезными; въ послѣдствіи вы увидите, что эти люди изъ подобной бездѣлицы упустятъ свое счастье, между тѣмъ какъ человѣкъ, заранее приучившій себя уважать всѣ обязанности, не найдетъ препятствій. Можеть быть, онъ не такъ скоро, не такъ легко достигнетъ цѣли; но счастье, имъ созданное, будетъ постоянно и не обрушится подобно другимъ.

Изученіе приемовъ, необходимыхъ въ хорошемъ обществѣ, много значить въ моихъ глазахъ; оно будетъ вамъ нужнѣе, нежели ваши обширныя и разнообразныя познанія; часто оно замѣняетъ послѣднія. Слава Богу, Феликсъ, воспианіе ваше ни сколько не испортило васъ, и вы еще легко можете приобрести немного, чего вамъ не достаешь. Истинная, превосходная учтивость происпекаетъ опъ сердца и чувства собственнаго достоинства; вопъ почему многіе изъ знаменитыхъ людей имѣють дурныя приемы, а нѣкоторые люди средняго соспанія врожденный хорошій вкусъ; имъ нужно только взять нѣсколько уроковъ, чтобы приобрести хоро-

шіе приемы, не впадая въ обезьянничество Милый! повѣрьте женщинѣ, которая никогда не выйдетъ изъ своей долины, благородный тонъ, пріятная проспоша въ разговорѣ, въ движеніяхъ, въ одеждѣ и даже въ домашнемъ быту, все это есть родъ физической поэзіи, которая имѣетъ непреодолимую прелесть; но она всемогуща, когда беретъ свое начало въ сердцѣ. Учпивость состоиптъ въ томъ, чшобы забывать себя для другихъ; у многихъ это только личина, которая спадаетъ, когда изъ-подъ нее покажется уязвленное самолюбіе. Но истинная учпивость (и я хочу, чшобы вы, поступая такъ, предполагали мысль истинно Христіанскую) состоиптъ въ томъ, чшобы въ самомъ дѣлѣ забывать себя. Въ воспоминаніе Генріелы не будьте испочникомъ безводнымъ; соединяйте наружность съ внутренними качествами. Рано, или поздно, вы соберете плодъ опъ сѣмянъ, которыя, по видимому, будете бросать на вѣшеръ.

Башюшка замѣпилъ однажды, что самая обидная и худо понимаемая учпивость есть

распочительность на обѣщанія. Когда вы не будете въ состояніи выполнить какой-нибудь просьбы, откажитесь просто, начиспо, не оставляйте ложной надежды; но также исполняйте скоро, что хотите исполнить. Такимъ образомъ вы окажете шу же самую пріятность и при отказѣ въ благодѣяніи; это двоякое благородство возвышаетъ удивительно характеръ. Но болѣе всего не будьте ни слишкомъ довѣрчивы, ни пошлы, ни чрезъ мѣру услужливы. Излишняя довѣрчивость уменьшаетъ уваженіе, пошлость навлекаетъ намъ презрѣніе, излишняя ревность дѣлаетъ насъ орудіемъ для безсовѣстныхъ. Впервыхъ, въ продолженіе вашей жизни вы не будете имѣть болѣе двухъ или трехъ друзей. Если вы познакомитесь съ нѣкоторыми людьми короче, нежели съ другими, будьте скромны во всемъ, что касается до васъ, какъ бы со временемъ они должны были вашими непріятелями. Не будьте ни слишкомъ холодны, ни слишкомъ горячи. Честный человекъ столь же удаленъ отъ низкаго раболѣпства Филиппа, какъ и отъ суровой добродѣтели Альцеста. Что же

касается до пошлости, но нѣкоторые по
 верхностные умы назовутъ васъ любезнымъ;
 но люди опытные, привыкшіе взвѣшивать
 человѣческія способности, скоро лишатъ васъ
 своего уваженія. Обществу нужны члены,
 копорыми оно могло бы гордиться. Излишняя
 ревность къ добру есть первое и возвышен-
 ное заблужденіе юности, копорая съ удо-
 вольствіемъ видитъ случай развить свои
 силы, и такимъ образомъ прежде обманыва-
 етъ самое себя, потомъ уже спановишся
 жертвою другихъ. Берегите это возвышен-
 ное чувство для вашего сердца, для женщины
 и для Бога. Не бросайте ни свѣту, ни по-
 литическимъ соображеніямъ сокровищъ, въ
 вамѣну копорыхъ они отдадутъ вамъ спек-
 лами. Вѣрьте мнѣ, копорая вамъ совѣ-
 туешь поступать благородно во всѣхъ
 случаяхъ; не распочайте себя безъ нужды;
 по несчастію люди будутъ уважать васъ
 не по достоинству вашему, но соразмѣрно
 съ пользою, копорую вы имъ будете при-
 носить. Обязанность, другъ мой, не чувство;
 дѣлайте, что должно, не значите дѣлайте то,
 что нравится. Человѣкъ долженъ хладнокровно

жертвовашъ жизнью за опечество; онъ съ восторгомъ посвящилъ ее женщинѣ. Одно изъ важнѣйшихъ правилъ свѣтской науки есть совершенное молчаніе о всемъ, что касается до васъ. Поговорите когда-нибудь вашимъ знакомымъ о вашихъ спраданіяхъ, дѣлахъ или удовольствіяхъ, вы пошчасъ замѣтите равнодушіе, попомъ скуку и наконецъ всѣ оставяшъ васъ подъ благовидными предлогами. Но хотите ли привлечь всѣхъ сердца, прослышъ человѣкомъ умнымъ, любезнымъ и вѣрнымъ? Говорите съ ними о нихъ самихъ. Тогда всѣ взоры оживяшся, и улыбка появшся на всѣхъ лицахъ. Совѣсть ваша и голосъ сердца покажутъ вамъ предѣлъ, гдѣ начинается низкая лестъ и кончипся любезность разговора. Еще слово. Молодость склонна судить слишкомъ опрощливо; отъ того-то въ старину молодымъ людямъ предписывали молчаніе во время воспитанія. Нынче молодые люди обладаютъ поверхностною, скоро пріобрѣтенною образованностію, копорая побуждаетъ ихъ судить строга дѣла, мысли и сочиненія. Не впадайте въ подоб-

ную погрѣшность. Ваши опрометчивые приговоры оскорбляють множество людей; а они скорѣе прощають тайную обиду, нежели публичное порицаніе. Молодые люди не имѣють снисходительности, пошому чшо жизнь, съ своими трудными спезями, имъ совершенно неизвѣстна; пожилой человекъ крошокъ и снисходительнѣе, пошому чшо онъ уже все испыталъ. Къ шому же въ глубинѣ сердца всегда скрывается тайная побудишельная причина поступка, кошорую можешъ знашь и судишь одинъ только Богъ. Будше спрочи къ одному себѣ. Никшо не можешъ возвыситься безъ помощи, пошому я совѣшую вамъ поддерживать знакомство съ моимъ опцемъ и снискашь благорасположеніе моей мащери. Но замѣшьте: ей не должно уступать ни на волосъ; она всегда подавить шого, кшо унижаешся передъ ней, и удивляешся шому, кшо имѣешъ благородную гордость ей сопротивляшся. Подъ ея руководствомъ вы приобрьшете пустую, но необходимую науку свѣша; вы будете шакковы, какимъ я желаю васъ видѣшь: просты въ обхожденіи, крошки

въ разговорѣ, горды безъ щеславія, почти-пельны со старшими, услужливы безъ рабства и особливо скромны. Не ищите никогда забавлять мужчинъ или нравиться имъ; будьте съ ними холодны; они не будутъ сердиться на васъ. Свѣтъ попребуешь опъ васъ отчета въ причинахъ вашей привязанности и вашего отвращенія; обдумывайте же основательно, но никогда не перемѣняйте своего сужденія, и когда время оправдаешъ васъ, люди будутъ дорожить вашимъ почтеніемъ, сужденія ваши пріобрѣтутъ въ глазахъ ихъ большой вѣсъ. Чшо касается до приложенія эпихъ правилъ къ дѣйствію, я насшою на одномъ: всякой обманъ, всякая хитросеть рано или поздно открываются и бывають вредны; всякое положеніе бываешъ менѣ затруднительно для челоука, который дѣйствуешъ ошкровенно.

Никогда не жалуйтесь на неблагодарность людей; эшо показываешъ и гордость и обличаешъ простоту и незнаніе свѣта. Сами принимайте опъ другихъ какъ можно менѣ; посшавьте себѣ правиломъ зависѣть

только оъ самого себя. Я говорю только оъ маловажныхъ, обыкновенныхъ случаяхъ жизни. Если судьба назначитъ вамъ бытъ лицомъ важнымъ, имѣтъ вліяніе на судьбы опечесства: тогда вы одни будете судьбою вашихъ намѣреній; вы одни будете отвѣчать за нихъ до шѣхъ поръ, пока исторія оцѣнитъ васъ по достоинству, и когда Богъ воздастъ вамъ по дѣламъ вашимъ.

Теперь я приступаю къ важному пункту: къ вашимъ отношеніямъ къ женщинамъ. Здѣсь также, другъ мой, совѣтую вамъ не расщочать вашего вниманія и не предаваться кокетству. Одинъ изъ людей прошедшаго столѣтія, копорые имѣли наиболѣе успѣховъ, поспавилъ себѣ за правило занимать только одной женщиной въ теченіе вечера, и всегда предпочиталъ ту, на копорую обращали менѣе вниманія. Эпотъ человекъ, милый, пользовался необыкновеннымъ вліяніемъ въ свое время; онъ справедливо расчислялъ, что всѣ будутъ опзывать оъ немъ съ похвалою. Большая часть молодыхъ людей шеряють за игрою свою драгоцѣн-

нѣйшую собственность—время, нужное для составленія и поддержанія въ свѣтѣ связей. Ищите знакомствъ съ пожилыми женщинами: отъ нихъ вы узнаете всѣ отношенія, всѣ тайны семействъ и души, которые скоро и вѣрнѣе могутъ довести васъ до цѣли. Онѣ предадутся вамъ отъ души; покровительствовать обыкновенно бываетъ ихъ послѣднею страстію; когда онѣ не вдадутся въ ханженство, онѣ будутъ вамъ полезны удивительнымъ образомъ; онѣ разгласятъ вездѣ о вашихъ достоинствахъ и введутъ васъ въ моду. Бѣгите молодыхъ женщинъ. Не думайте, чтобы эти слова были внушены мнѣ эгоизмомъ. Пятидесятилѣтняя женщина все для васъ сдѣлаетъ, двадцатилѣтняя—ничего; первая потребуетъ отъ васъ минувшаго вниманія, вторая захочетъ всей вашей жизни. Смѣйтесь съ молодыми женщинами, обращайтесь въ шутку все, что онѣ вамъ будутъ говорить: онѣ неспособны къ размышленію. Молодые женщины, другъ мой, себялюбивы, холодны, неспособны къ дружбѣ; онѣ любятъ только себя и жертвуютъ вами всему, что польститъ ихъ самолюбію.

Всѣ же пребующѣ преданности; а вы сами въ шакомъ положеніи, чпо вамъ необходимы предачныя люди. Ни одна изъ нихъ не поймешъ вашей пользы и не позабошится о ней; каждая будешъ думашъ болѣе о себѣ, нежели о васъ; каждая болѣе повредитъ вамъ своимъ щеславіемъ, нежели сдѣлаешъ васъ счастливымъ привязанностию. Онѣ безъ жалости похищашъ у васъ драгоценное время, испорщашъ вашу дорогу, разоряшъ васъ. Спанете ли вы жаловаться? О! въ шакомъ случаѣ самая ограниченная изъ нихъ докажешъ вамъ, чпо перчатка ея сподитъ болѣе вселенной; чпо ничего нѣтъ славнѣе, какъ служишь ей. Счастья вы не найдете, а потеряете вѣрную славу. Придеши день, въ кошорый онѣ скажущъ вамъ: *я не люблю васъ*, и будущъ васъ увѣряшъ, чпо эшо слово все извиняешъ, чпо любовь произвольна. Ложныя, нелѣпныя слова! Вѣрьте, испинная любовь вѣчна, всегда подобна себѣ, всегда равна и чиспа безъ пылкихъ изъявленій; подъ сѣдыми волосами она сохраняешъ юность сердца. Ничего подобнаго вы не найдете между свѣшскими женщинами. Всѣ онѣ играющъ ко-

медю: одна пронепъ васъ описаніемъ своихъ несчастій; она покажется вамъ самой крошкой, изъяпой опъ всякихъ пребованій; она медленно овладѣепъ вами и заспавитъ васъ исполняшъ свою волю. Вы захопите бытъ дипломапомъ, путешествовать, изучать людей, нравы, обычаи государствъ? Совсѣмъ нѣтъ! вы должны будете оспаваться въ Парижѣ, или въ ея помѣстьяхъ; она съ лукавымъ самодовольствіемъ привяжетъ васъ къ своей юбкѣ, и чѣмъ болѣе вы окажете преданности, тѣмъ менѣе найдете благодарности. Другая привлечетъ васъ своей покорностію; она сдѣлается вашимъ пажемъ, послѣдуетъ за вами на край свѣта, какъ странствующая Принцесса; для того, чшобы сохранить васъ, она пошеряетъ свое доброе имя и повиснетъ на вашей шеѣ, какъ камень. Самыя невинныя имѣютъ свои безкопечныя хипроспи; па изъ нихъ будетъ менѣе опасна, которая полюбитъ васъ безъ причины и оставитъ пакже безъ причины. Всѣ повредятъ вамъ рано или поздно; всякая молодая свѣпская женщина, копорая живетъ однѣми удовольствіями и щеславіемъ, уже въ половину разврати-

лась, и развратишь васъ. Та, копорая полюбишь васъ, будетъ скромна и уединенна; прекраснѣйшимъ торжествомъ для нее будетъ вашъ взглядъ; пусть же и она будетъ для васъ всей вселенною. Ту, копорую вы избереете, любите, Феликсъ, всюю душою; не огорчайте ее, да не знаетъ она ни соперницъ, ни ревности. Быть любимымъ, милый, имѣть сердце, копорое понимаетъ насъ—это большое счастье! Желаю, отъ всей души желаю, чшобы вы вполнѣ имъ насладились. Но пусть всего не бросаите лучшихъ цвѣтовъ души вашей: испытайте хорошенько сердце, копорому вы посвящайте вашу любовь. Она не будетъ жить для себя, она будетъ думать только о васъ, ничего не будетъ у васъ оспаривать, позабудетъ о собственной пользѣ и за васъ будетъ предчувствовать опасность тамъ гдѣ, она забудетъ собственную. Она не будетъ имѣть кокетства; но будетъ уважать и беречь все то, что вы въ ней полюбите. Отвѣчайте на такую любовь любовью еще сильнѣйшею. Но если вы будете такъ счастливы, если вы найдете то, чего желалъ, но не имѣлъ никогда вашъ

бѣдный другъ—искреннюю, взаимную привязанность, не забудете и тогда, что въ этой долине бьется для васъ сердце маперинскою, безпредѣльною любовію! Да, такую любовію, что вы никогда не узнаете, никогда не поймете всю ея силу! И такъ не подозрѣвайте меня въ самолюбіи, когда я прошу васъ избѣгать молодыхъ женщинъ, которыя всѣ болѣе или менѣе хитры, насмѣшливы, щеславны, мелочны, болтуньи, и привязавшись къ женщинамъ почтеннымъ, спышнымъ, какова была моя пепушка! Не великодушна ли я, приказывая вамъ беречь свое сердце для ангела съ чистою душею? Первые мои совѣты заключаются всѣ въ одномъ словѣ: *поступайте съ благородствомъ*; вторые: *служите всѣмъ женщинамъ, любите одну*.

Познанія ваши обширны; сердце, сохраненное страданіями, благородно; все прекрасно, все хорошо въ васъ. Вамъ сподобить только *хотѣть*! Ваша будущность заключается въ этомъ одномъ словѣ словъ великихъ людей. Не правда ли, другъ мой, что вы послушаетесь вашей Генріеты; что вы позволите ей продол-

жать сообщать вамъ свои мысли о васъ и вашихъ отношеніяхъ въ свѣтѣ? Мое умствен-
ное око провидитъ въ будущемъ для
васъ и дѣшей моихъ. Я буду употреблять въ
вашу пользу таинственный даръ судьбы,
который возраспаешъ въ спокойной и уеди-
ненной жизни. Въ замѣнъ я прошу васъ
дославипъ мнѣ неизьяснимое блаженство:
я хочу, чптобы вы возвысились между людь-
ми, и чптобы ваше возвышеніе ни на минушу
не омрачило моего сердца; я хочу, чптобы въ
скоромъ времени положеніе ваше въ свѣтѣ
равнялось благородству вашего имени, и
чптобы я могла сказать себѣ, что я спо-
собствовала, сколько было возможно, вашему
счастію. Это наслажденіе естъ единствен-
ное, которое я могу себѣ позволипъ. Я буду
ждать. Я не прощаюсь съ вами. Мы въ раз-
лукѣ; вы не можете поднести руку мою
къ губамъ вашимъ, но вы вѣрно узнаете,
какое мѣсто занимаете вы въ моемъ сердцѣ

Генріета.

Когда я прочелъ это письмо, мнѣ пока-
залось, что я видѣлъ въ немъ сердце истин-

ной мапери, въ шу же минушу, когда спрогий и холодный пріемъ моей мапери совершенно оледениль меня. Я угадалъ, почему Графиня запретила мнѣ чипать это письмо въ Турени: она боялась, что я брошусь къ ногамъ ея и оболью ихъ слезами.

Наконецъ я ознакомился съ моимъ брапомъ, который до сихъ поръ былъ мнѣ совершенно чуждымъ; но онъ оказывалъ въ опношеніяхъ своихъ ко мнѣ холодность и надменность, копорья препяпспивовали всякому сближенію: чувство привязанности основано на взаимномъ равенствѣ. Если бы я не находилъ опоры въ моей любви, то его обращеніе со мной сдѣлало бы меня глупымъ и неловкимъ. Однако онъ взялся ввести меня въ свѣтъ, и если бы несчастія моей юности и любовь Г-жи де Морсофъ не развили во мнѣ преждевременной опытности, я могъ бы принять за брапскую любовь расчеты себялюбія и удовольствіе покровительствовать. Я ѣздилъ одинъ къ мапери Генриешы, гдѣ никшо, кромѣ добраго спарика опца не говорилъ объ ней, не произносилъ даже ея имени; за то изъ его пріема можно было

заклучипь, какъ она къ нему обо мнѣ писала.

Въ то время, какъ у меня начали проходить недокоспъ и смѣшное удивленіе, копорое зрѣлице большаго свѣша производипь во вспу- пающихъ въ него, и когда каждый шагъ сви- дѣпельствоваль истину наспавленій Г-жи де Морсофъ, произошла перемѣна двадцапаго Марша. По совѣшу ея, я послѣдовалъ за Королемъ въ Геншъ, съ Герцогомъ Ленокку- ромъ, копорый замѣнилъ свое покровитель- ство изъявленіемъ искренней дружбы, когда увидѣлъ меня душою и шѣломъ преданнымъ Бурбонамъ. Онъ представиль меня Королю. Приверженцы сверженной партіи всегда малочисленны. Чего не замѣпили бы въ Вер- сали, было замѣчено въ Геншѣ. Король зналъ людей и умѣлъ оцѣнишь вѣрноспъ, въ копо- рую не входили расчепы, и мое просподуш- ное удивленіе; однимъ словомъ, я имѣлъ сча- стіе ему понравиться. Тогда я получилъ ошъ Г-жи де Морсофъ письмо, въ копоромъ она увѣдовляла меня о болѣзни Жака. Г. де Мор- софъ, въ опчаяніи ошъ семейныхъ и полиши- ческихъ обспоятельствъ, приписываль внизу

нѣсколько словъ, изъ копорыхъ я могъ угадать, что происходило въ душѣ моей возлюбленной. Помощь, утѣшенія дружбы были ей необходимы. Хотя я желалъ цѣною моей жизни оправдать ея предсказанія и освободить себя изъ-подъ ига брашской зависимости, всѣ мои планы, всѣ замыслы моего честолюбія померкли передъ печальнымъ образомъ Г-жи де Морсофъ. Я рѣшился уже оставить дворъ, какъ непредвидѣнный случай, посланный самимъ Провидѣніемъ, вывелъ меня изъ затрудненія. Посланный Вандейцевъ не могъ болѣе возвратиться во Францію. Его Величеству нуженъ былъ человекъ преданный, копорый бы, съ опасностію жизни, взялся передать наставленія его вѣрнымъ подданнымъ. Г. Ленонкуръ рекомендовалъ меня Королю, не сказавъ мнѣ ни слова; но разумѣется, что я былъ невыразимо счастливъ вмѣстѣ служить ему и увидѣть мою Генріету.

Въ Парижѣ и въ Вандеѣ я имѣлъ счастье выполнить порученіе Его Величества совершенно согласно съ его желаніемъ. Въ Маіѣ, преслѣдуемый правительствомъ, я принужденъ былъ скрыватья и спасатья бѣгствомъ.

Достигнувъ родины, я встрѣпилъ Г. де Морсофа въ полѣ верхомъ; онъ взялъ меня съ собою и привезъ въ замокъ, не встрѣпивъ никого, кто бы могъ узнатьъ меня.

Первымъ его словомъ было: «Какъ лучше.»

Я открылъ ему свое опасное положеніе, и истинный дворянинъ, съ пылкостью ревностнаго приверженца Королевской партіи, оспорилъ у Г. Шесселя опасную честь дать мнѣ убѣжище. При взглядѣ на Клошгурдь, восемь мѣсяцевъ, которые прошли съ шѣхъ поръ какъ я его оставилъ, показались мнѣ сномъ. Г. де Морсофъ, желая предупредить жену о моемъ пріѣздѣ, сказалъ ей: «Угадай, кого я привезъ шебъ? . . . Феликса!

— Возможно ли? вскричала она, опустивъ руки и съ недоумѣніемъ во взорѣ.

Я показался, и мы спали оба неподвижны: она въ креслахъ, я на порогъ, и сморщили другъ на друга жадными взорами любовниковъ, которые хопяшъ въ одномъ взглядѣ возвращають все потерянное время. Успыдаясь слабости, которая обнаруживала ея чувство, она вспала и подошла ко мнѣ.

— Какъ я молилась за васъ! говорила она, просягивая мнѣ свою руку.

Она спросила меня объ опцѣ; попомъ, угадывая мою усалоспъ, пошла забопишь-ся о ночлегѣ, между пѣмъ какъ Г. де Морсофъ велѣлъ подашь мнѣ ѣспъ, попому что я былъ голодень, какъ собака; попомъ онъ проводиль меня въ мою комнапу, копорую прежде занимала пепка Генриепы; сама она спояла на первой ступенкѣ лѣспницы, не зная, ипши ли ей со мной. Я обернулся; она покраснѣла, пожела-ла мнѣ покойнаго сна и исчезла.

За обѣдомъ я узналъ о несчастной бипшѣ при Ваперлоо, бѣгспшѣ Наполеона, вспупленіи въ Парижъ союзныхъ войскъ и ожидае-момъ возвращеніи Бурбоновъ. Эпи происше-ствія необыкновенной важности для Г. де Морсофъ для меня ничего не значили. Разцѣло-вавъ дѣшей, я съ гореспію замѣшилъ худобу и блѣдность Графини; но я зналъ, сколько одно неоспорожное восклицаніе, одинъ без-покойный взглядъ могли ей сдѣлать вреда, и попому умолчалъ о моихъ опасеніяхъ. Про-шедшее лѣпо она часто досадовала, что не

могла доставлять мнѣ довольно свѣжей воды: я не употреблялъ никакого другаго напитка. Богъ знаетъ, чего ей спойло упросить мужа сдѣлать погребъ, и съ какимъ воспоргомъ она объявила мнѣ: у васъ будетъ ледъ! И въ этомъ случаѣ одно это слово, взглядъ, его сопровождавшій, открыли мнѣ всю силу ея привязанности, какъ нѣкогда я высказалъ ей мою любовь игрою въ шрикрпакъ. Эти нѣмыя доказательства ея нѣжности становились съ каждымъ днемъ разительнѣе; черезъ недѣлю по прїездѣ, свѣжесть и веселость ея возвратились; моя лилія разцвѣла пышнѣе, прекраснѣе прежняго; пакъ почво умножились и прелести души ея. Только у людей мелкихъ разлука ослабляетъ чувство и изглаживаетъ черты возлюбленной; люди же, одаренные воображеніемъ пылкимъ, способные къ пламенному энтузіазму, придаютъ ея образу всю прелесть своихъ мечпаній, все разнообразіе, всю выразительность своихъ думъ. Прошедшее обогащается воспоминаніями, будущее надеждами. Первое свиданіе между двумя сердцами, полными щегого электричества, подобно благодашной

ростъ, копорая живишь и оплодотворяешь землю своимъ пламенемъ. Какъ сладко было мнѣ слѣдовать взоромъ за благодѣтельнымъ дѣйствіемъ счастья на Генріету. Женщина, копорая оживаетъ передъ глазами возлюбленнаго, доказываетъ этимъ любовь свою сильнѣе, нежели та, копорая умираетъ отъ сомнѣнія или отъ горести! Я не знаю, копорая изъ нихъ прогашельнѣе. Не трудно понять возрожденіе Г-жи де Морсофъ. Такъ дѣйствуетъ весенній воздухъ на природу; такъ цвѣты оживаютъ отъ лучей солнца и отъ струи источника.

До обѣда мы сошли на нашу милую перрасу. Тамъ, лаская одной рукой сына, который спалъ еще слабѣе и молча прижимался къ груди матери, она рассказала мнѣ, сколько мучительныхъ ночей провела у постели больного.

— Въ продолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ, говорила она, я жила совершенно внутреннею жизнью; можно было сказать, что я обитала въ мрачномъ жилищѣ и видѣла между стѣмъ великолѣпные чертоги, гдѣ блискала

свѣтъ, гдѣ давались празднества, въ кошорыхъ мнѣ запрещено было участвовашь. Тупъ спояла я у порога, смотря однимъ глазомъ на сына, другимъ слѣдя за неопредѣленнымъ видѣніемъ; однимъ ухомъ прислушиваясь къ спону своего ребенка, другимъ ловя звуки знакомаго ей голоса.

И слова ея дышали поэзію, порожденной уединеніемъ, роскошной, благовонной, какъ розы Франгиспана; но она сама этого не знала и совершенно просто передавала свои чувства. Когда Г. де Морсофъ пришелъ къ намъ, она продолжала свой рассказъ, какъ женщина, которая чувствуетъ свое достоинство и съ благородною гордостью можетъ смотрѣть на мужа и не краснѣя цѣловашь сына. Она молилась пламенно; цѣлыя ночи держала Жака въ своихъ объятіяхъ, не хопя успунить его смерти. Она имѣла видѣнія. Въ ту минушу, когда она своимъ ангельскимъ голосомъ произносила чудныя слова: «Когда я спала, сердце мое бодрствовало»

— То есть, ты чуть не сошла съ ума, возразилъ Г. де Морсофъ.

Она замолчала. Ей спало пакъ больно, какъ бы это была первая рана, ею полученная; какъ будто она забыла, что въ продолженіе тринадцати лѣтъ эпопъ человекъ не переспалъ язвы ея въ сердце.

— Неужели, сударь, сказала она послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, неужели никогда ни одно мое слово не избѣгнешь вашего суроваго сужденія? Неужели никогда, никогда я не найду въ васъ снисхожденія къ моей слабости, отголоска для моихъ чувствъ?

Но въ ту же минуту ангель раскаялся въ своемъ ропошѣ. Голубья жилы на вискахъ ея сильно забились, глаза поблѣднѣли; но ни одна слеза изъ нихъ не выкапилась; попомъ она печально опустила ихъ въ землю, чтобы не прочитавъ въ моемъ взорѣ, какъ я угадывалъ, ея чувства, и раздѣлялъ обиды; чтобы не возбудить пылкаго негодованія юноши, который, какъ вѣрная собака, готовъ разперзавъ всякаго, кто оскорбитъ его возлюбленную. Должно было посмотрѣть, какой видъ превосходства принималъ въ подобныхъ случаяхъ Г. де Морсофъ. Онъ воображалъ шоржешвовавъ благоразуміемъ

надъ непоняшной для него чувствительностью жены и осыпалъ ея градомъ пустыхъ фразъ, которыя, подобно ударамъ сѣкиры въ дѣсу, повшоряли все одну и ту же мысль.

— Такъ онъ все потъ же? спросилъ я, когда вошедшій слуга вызвалъ Г. де Морсофа.

— Все потъ-же, отвѣчалъ Жакъ.

— То есть, все такъ же добръ, какъ и прежде, сынъ мой. Ты не можешь судить о настоящемъ, не зная прошедшаго, и если бы въ самомъ дѣлѣ ты имѣлъ несчастіе замѣшивъ недоспатки отца, честь семейства требуешь, чтобы предаль глубокому забвенію посшдныя шайны.

— Каковъ былъ успѣхъ новыхъ вашихъ заведеній? спросилъ я, желая дать другое направленіе разговору.

— Онъ превзошли мои ожиданія. По окончаніи посшроекъ мы нашли отличныхъ фермеровъ, съ которыми заключили выгодные контракты на пятнадцать лѣтъ. Такимъ образомъ наши старанія были увѣнчаны отличнымъ успѣхомъ, и сосшояніе Жака обезпечено. Тогда я предосшавлю Г. де Мор-

софу копипь для Маргариты, которой впрочемъ Король по обыкновенію даспъ хорошее приданое. Теперь совѣсть моя спокойка. Я свершила свое дѣло. А вы?

Я изъяснилъ ей мое порученіе и разска- залъ, какъ были мнѣ полезны ея совѣшы. Не обладаете ли вы даромъ провидѣнія, что- бы шакъ вѣрно угадывать будущее?

— Не говорила ли я вамъ эпого? Для васъ однихъ и дѣшей я обладаю чудною спо- собноспію, о которой я говорила полько моему духовному опцу, и кошорую онъ изъ- ясняепъ Божескою помощію. Иногда, послѣ продолжительнаго, безпокойнаго размышле- ніе о дѣшяхъ, глаза мои смыкались для міра, но шѣмъ яснѣе провидѣли въ другомъ мірѣ. Тогда или Жакъ, или Маргарипа являлись мнѣ въ лучахъ; эпо былъ вѣрный знакъ, что нѣсколько времени они будутъ здоровы; когда же я видѣла ихъ въ шуманѣ, они шопчасъ занемогали. Васъ же не полько я вижу постоянно въ блескѣ, но слышу даже шаинспвенный голось, кошорый на шепшываепъ мнѣ, что вы должны дѣлашь.

Какъ скоро Король вступишь въ Парижъ, поспѣшите къ нему. Вы молоды вступите на поприще службы, и шѣмъ лучше для васъ; въ ней, какъ и вездѣ, есѣ вещи, копорыя приобрѣпаются навыкомъ, копорыхъ не постигнешъ гениемъ. Думайте обо мнѣ. Доспавьте мнѣ наслажденіе видѣть превосходство души, совершенно мнѣ преданной, въ душѣ моего сына.

— Сына? подхватилъ я съ сердцемъ.

— Да, да, сына, повторила она, насмѣхаясь надъ моимъ гнѣвомъ. Развѣ это не прекрасная доля? Зазвонили къ обѣду. Какъ вы выросли! говорила она мнѣ, когда мы всходили на лѣспницу, и она опиралась на мою руку.

Въ восемь часовъ вечера я былъ свидѣтелемъ зрѣлица, копорое пронуло меня до глубины души. Собрались всѣ домашніе. Господа, дѣти, слуги, всѣ спали на колѣни, на своихъ мѣспахъ, съ непокрытыми головами. Была очередь Магдалины чипать молитву. Звуки ея дѣпскаго, чиспаго голоса разносились въ тишинѣ и сообщали словамъ свяшую прелестъ невинности. Мнѣ казалось, молился

Ангель, и никогда молишва не прогала меня такъ сильно. Прелесныя, кудрявыя головки дѣшей, посреди копорыхъ возвышалось благородное, прекрасное чело ихъ мапери, увѣчанное короной свѣшлыхъ волосъ, и обнаженная, съ оспашкомъ сѣдыхъ волосъ голова Г. де Морсофа представляли глазамъ картину, въ копорой повпорялась уму гармонія молишвы. Все набожное собраніе было озарено пурпуровыми опшѣнками заходящаго солнца.

Дѣши проспились съ опцемъ, домашніе разошлись, а Г. де Морсофъ увель меня въ залу играшь въ шрикпракъ.

Чрезъ полчаса возврапилась Графиня и подсѣла къ намъ съ рабопою.

— Эпо для васъ, говорила она, развершывая канву; только въ эши при мѣсяца я немного нарабошала. Между эпой розой и гвоздикой мой бѣдный Жакъ очень спрадалъ.

— Ну полно, полно, сказалъ ей мужъ, переспанемъ говоришь объ эпомъ. Ну, Г. уполномоченный Короля, вамъ ходишь.

Удалившись въ свою комнату, я долго прислушивался къ звуку ея шаговъ. Тысяча безумныхъ, пламенныхъ желаній шѣснились въ моему сердцу. Черезъ часъ я вспалъ, пошелъ къ ея двери, легъ у порога, и, приложивъ ухо къ скважинѣ, слушалъ ея дыханіе ровное и спокойное, какъ дыханіе ребенка. Наконецъ холодъ пронялъ меня, я взошелъ къ себѣ и спокойно проспалъ до самаго утра. Я никогда не могъ понять, по чему я такъ люблю подходить на самый край пропасти, измѣрять ея глубину, чувствовать ея могильный холодъ и опскакивать назадъ въ испугъ и волненіи.

На другой день я набралъ два букеша. Они были такъ хороши, что самъ Г. де Морсофъ, копорому ничто въ эпюмъ родѣ не правилось, удивлялся имъ. Такъ промчались недѣли. Я покидалъ Клошгурдъ для того только, чпобы навѣспить два раза моихъ прежнихъ хозяевъ въ Фрапелъ.

Французская армія заняла Туръ. Г-жа де Морсофъ, не взирая на то, что я былъ для нее жизнь и свѣтъ, умоляла меня спѣшить въ Парижъ. Я возражалъ, но она настояла,

увѣряя, что домашній духъ сообщилъ ей это приказаніе. Разлука въ этопъ разъ спсила намъ слезъ. Она боялась за меня свѣпа съ его искушеніями, съ его спраспями и удовольствіями, копорыя дѣлаютъ Парижъ подобнымъ бурному морю, споль же опасному для нравспвенности и для чистой любви. Я обѣщаль ей записывать ежедневно мои мысли и чувспва.

Не забудьте ничего, говорила она, положивъ ко мнѣ на плечо помную голову; не забудьте ничего: для меня все будетъ важно.

На другой день, по пріѣздѣ въ Парижъ, я пошелъ къ Герцогинѣ, къ копорой она дала мнѣ письма.

— Знаете ли, мон cher, какъ вы счастливы? сказалъ мнѣ Герцогъ. Король говорилъ нынче объ васъ: «этопъ молодой человекъ вѣренъ и съ опличными способностями.» Пошомъ онъ сожалѣлъ, что не знаетъ, живы ли вы и куда занесла васъ судьба, послѣ того, какъ вы такъ успѣшно выполнили его порученія. Оспаньшесь у насъ обѣдашь; послѣ обѣда мы поѣдемъ во дворець.

Въ попъ же вечеръ я былъ пожалованъ въ докладчики; сверхъ того имѣлъ при особѣ Короля тайную должность, которая была утверждена за мной на все время его царствованія, и была источникомъ моего счастья. И такъ Г-жа де Морсофъ вѣрно предвидѣла; ей я былъ обязанъ образованіемъ, счастіемъ, богатствомъ и властію; она руководила меня и ободряла, очищала мое сердце и сообщала единство и силу воли.

Въ послѣдствіи я имѣлъ помощника, съ которымъ мы занимались попеременно шесть мѣсяцевъ. Мы имѣли квартиру во дворцѣ, экипажъ и получали богатыя награды, когда должны были ѣхать. Спранное и лестное положеніе, быть тайными учениками Государя, котораго умной, тонкой полицикѣ самые непріятели отдавали полную справедливость; слышать его сужденія, не имѣть видимаго вѣса, но довольно вліянія, чшобы жаромъ юной души умѣрять часто слишкомъ спрогія внушенія его овыпности! Сверхъ того

будущность наша была обезпечена, какъ не лзя лучше. Сверхъ моего жалованья, я получалъ ежемѣсячно тысячу Франковъ изъ собственной казны Государя и часто награжденія, копорыя онъ самъ мнѣ вручалъ. Должность моя пребовала соединенія споль многихъ качеспвъ, что Король долго былъ въ нерѣшимости, кого бы избралъ мнѣ въ помощники. Онъ спросилъ моего мнѣнія на счепъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, въ числѣ копорыхъ находился одинъ изъ моихъ школьныхъ поварищей. Но я не назвалъ его. Когда Король спросилъ меня о причинѣ, я отвѣчалъ ему, что онъ избралъ людей равной вѣрности, а я предпочелъ того, копорого почипалъ болѣе способнымъ, будучи увѣренъ впрочемъ ужипсья со всякимъ въ совершенномъ согласіи. Мое сужденіе понравилось Королю. Вы будете первымъ, сударь, сказалъ онъ, и не упустилъ передать моего посшупка моему поварищу, копорый въ замѣнъ предложилъ мнѣ свою дружбу. Что касается до свѣща, по уваженіе, копорое оказывалъ мнѣ Герцогъ Ленонкуръ, было бы и такъ для всѣхъ примѣромъ; но слова:

«Король принимаетъ участіе въ эпомъ молодомъ челоѣкѣ; онъ имѣлъ счастье понравиться Королю,» — эти однѣ слова замѣнили бы всѣ возможныя дарованія. У Герцога Ленонкуръ, равно и сеспры моей, копорая вышла за Маркиза Лиспомеръ, я познакомился съ важнѣйшими особами Сень-Жерменскаго предмѣсія. Многія пожилыя дамы оказывали мнѣ между прочимъ особенную благосклонность. Тогда и брагъ мой Карль спалъ опираясь на меня; но быспрые мои успѣхи пробудили въ немъ зависть, копорая въ послѣдствіи принесла мнѣ много досады. Родители мои, равнымъ образомъ пораженные моимъ неожиданнымъ счастьемъ, признали сына, копорый льспилъ ихъ самолюбію; но могла ли эта вынужденная, расчепливая нѣжность залечить раны сердца, нанесенныя ихъ холодноспію и забвеніемъ?

Переписка моя съ Генріешою продолжалась очень дѣяспельно. Духъ ея носился надо мною; мысли ея перелспали проспранспво и окружали меня чистою атмосферою. Ни одна женшина мнѣ не нравилась. Королю

являлась моя спешность, и онъ въ шутку называлъ меня дѣвицею де Ванденесъ. Я твердо увѣренъ, что шербанне, къ которому я привыкъ въ дѣтствѣ и въ Клошгурдѣ, много мнѣ содѣйствовало къ пріобрѣтенію милости Короля. Я полагаю также, что ему вздумалось читать мои письма, потому что онъ скоро разгадалъ шайну моего благоразумія. Однажды я писалъ подъ его диктовку. Герцогъ вошелъ въ кабинетъ. Онъ бросилъ въ насъ лукавымъ взглядомъ.

— Неужели эпомъ спарикъ де Морсофъ все еще живъ? сказалъ онъ своимъ звучнымъ голосомъ, которому онъ, по произволу, умѣлъ придавать всю ѣдкость насмѣшливости.

— Живъ, отвѣчалъ Герцогъ.

— Графиня, продолжалъ Король, ангель, котораго бы я очень желалъ видѣть при дворѣ; но мой Секретарь будетъ въ этомъ случаѣ счастливейе меня. Теперь вы свободны. Я назначаю вамъ въ соприудники молодого человека, о которомъ мы вчера говорили. Прощайте, Г. Капонъ. Желаю вамъ всякаго счастья въ Клошгурдѣ. При сихъ

словахъ, онъ, смѣясь, приказалъ вывести себя изъ кабинета.

Я полетѣлъ въ Турень на крыльяхъ ласпочки. Въ первый разъ я надѣялся явиться передъ моею возлюбленною, не только опряхнувъ съ себя прежнюю пыль, но во всемъ блескѣ молодого человѣка, копорый образовался въ лучшихъ обществахъ, подъ руководствомъ любезнѣйшихъ женщинъ, и могъ сказать ей, что онъ пожалъ плоды своего перптнія и воспользовался наставленіями ангела. Я не говорю уже о скромности моей одежды, когда я гостилъ въ Фрапель; а въ послѣдней мой набѣгъ въ Клошгурдъ я былъ одѣтъ въ зеленую охотничью куртку съ бѣлыми пуговицами и полосатыми панталонами. Продолжительный путь, необходимость скрываться для избѣжанія преслѣдованій такъ испортили мои обспяпельства, что я принужденъ былъ занять нѣсколько бѣлья у Г. де Морсофъ. Теперь наружность моя совершенно измѣнилась; спокойствіе души, пѣсно сопряженной съ чистою душою моею лиліи; удовольствіе участвовать въ тайнахъ правленія; увѣ-

ренность быть единственной опорой прекраснѣйшей женщины въ мірѣ; все это придавало моей физиономіи удивительный блескъ. Я почувствовалъ невольное движеніе самолюбія, когда удары бича моего почтальона раздались въ новомъ проспектѣ, ведущемъ отъ Шинона въ Клошгурдь. Я не писалъ къ ней о моемъ пріѣздѣ, и поступилъ очень худо; это неожиданное счастье испугало, поразило ее; увидѣвъ прередъ собою юношу вмѣсто ребенка, какимъ она меня еще представляла, она медленно опустила взоры, молча дала мнѣ поцѣловать руку, и когда она подняла голову, лице ея было блѣдно.

— Вотъ хорошо, что не забываете старыхъ друзей, говорилъ мнѣ Г. де Морсофъ, который ни сколько не перемѣнился и не постарѣлъ.

Дѣти бросились ко мнѣ на шею. Удверей я увидѣлъ важное лице Аббата Доминика, учителя Жака.

— Да, отвѣчалъ я Графу, теперь каждый годъ шесть мѣсяцевъ моей свободы будутъ посвящены вамъ. Что съ вами? сказалъ я

Графиня, обнимая ее въ присутствіи всѣхъ одной рукою, чшобы поддержать ее.

— О! оставьте меня! вскричала она, опскочивъ. Эшо ничего, ничего!

— Неужели вы не узнаете вашего преданнаго слугу, говорилъ я, отвѣчая на ея пайную мысль.

Она взяла меня за руку, оставила мужа, дѣшей, собравшихся домашнихъ и опвела меня въ спорону. Феликсъ, другъ мой! говорила она, когда насъ не могли слышать, проспите, можешъ быть, неосновательный спрахъ шой, у кошорой опспалась одна полько нипь въ лабиринтѣ. И горе ей, если эша нипь порвешся! Повшорите мнѣ, чшо я ваша Генриета, чшо никто не разлучитъ насъ, чшо вы меня ни для кого не оставите! Я видѣла васъ въ будущемъ, и въ эшошъ разъ лице ваше не сіяло, глаза не блиспали для меня: вы опшвращались опъ меня.

— Милая, обожаемая Генриета, моя лилія, цвѣпъ моей души! неужели вы не знаеште, чшо я связанъ съ вами неразрывными узами, чшо душа моя въ Клшгурдѣ, когда шѣло въ Па-

рижѣ; что я пріѣхалъ сюда въ семнадцать часовъ; что каждое движеніе колеса уносило съ собою цѣлый міръ мыслей и желаній, которыя разразились, подобно грозѣ, когда я увидѣлъ васъ?

— О, говорите, говорите! Я увѣрена въ себѣ и могу слушать васъ безъ пресупленія. Нѣтъ! Богу не угодно, чтобы я умерла! Онъ посылаетъ васъ мнѣ, какъ дождь на бесплодную землю! Говорите, говорите, любите ли вы меня святою, неизмѣнною любовію?

— Святою, неизмѣнною.

— Навсегда?

— Навсегда.

— Съ самоопроверженіемъ, безъ надежды?

— Съ самоопроверженіемъ, но съ надеждой.

— Какъ сестру?

— Какъ сестру, нѣжно, спрастно люблю.

— Также, какъ за пять лѣтъ предъ симъ, когда вы были на балу въ вашемъ голубомъ камзолчикѣ?

— Такъ, и еще лучше! Она посмотрѣла на меня со страхомъ. Какъ любила васъ пепушка.

— Я счастлива теперь. Вы успокоили меня, говорила она, возвращаясь къ удивленному семейству. Но будьте ребенкомъ здѣсь. Съ Королемъ вы обязаны быть человекомъ, здѣсь ваша должность быть ребенкомъ. Дитя! вы будете любимы. Я всегда буду сопротивляться человеку, но въ чемъ могу опказать ребенку? Гайное совѣщаніе кончилось, говорила она Г. де Морсофъ съ лукавой улыбкою, въ которомъ отражался первобытный характеръ. Теперь онъ вашъ; я иду одѣваться.

Никогда еще не видалъ я ее столь счастливой. Еще никогда я не слыхалъ эшого пѣнія ласпочки, эшаго ребяческаго смѣха.

Я привезъ прекрасное ружье Жаку, а Магдалинѣ работный ящикъ, который послѣ взяла себѣ ея мать. Просподушная радость дѣшей, казалось, была въ пягость Графу. Я видѣлъ, что и ему такъ же хотѣлось поговорить со мной наединѣ. Мы вышли на террасу, останавливаясь при каждомъ важномъ обстоятельстве.

— Мой бѣдный Феликсъ! говорилъ онъ, вы нашли ихъ всѣхъ счастливыми и здоровы-

ми; одинъ я дѣлаю пѣнь въ каршинѣ. Я взялъ на себя ихъ недуги, и благодарю за то Бога.

— Чшо же вы не посовѣшуетесь съ докторами?

— Избави Боже! вскричалъ мой больной воображеніемъ.

За эшимъ послѣдовало длинное исчисленіе всѣхъ болѣзней и несчастій, имъ претерпѣнныхъ; нелѣпыя жалобы на жену, дѣтей и домашнихъ. Разказавъ мнѣ всю свою жизнь въ малѣйшихъ подробноссяхъ, онъ вѣрно оспался доволенъ моимъ вниманіемъ. Генріеша подожила конецъ монологу, показавшись на ступеняхъ лѣстницы. Увидя ее, Графъ покачалъ головою и сказалъ мнѣ со вздохомъ: «Вы по крайней мѣрѣ слушаете меня, Феликсъ!»

Онъ ушелъ, опъ него ли, чшо боялся мѣшать намъ, или чшобы доставить Генріешѣ удовольствіе говорить со мною безъ свидѣтелей. Спранное противорѣчіе. Онъ былъ ревнивъ, какъ всѣ слабые люди, и при эшомъ

имѣлъ неограниченную довѣренность къ женѣ своей. Жакъ бралъ урокъ, Магдалина одѣвалась. Такимъ образомъ я цѣлый часъ ходилъ съ Графинею по террасть.

— И такъ, милая Генриета, цѣпь спала еще тяжелѣе; пернія разраспаются болѣе и болѣе?

— Ни слова объ эпомъ! Вы здѣсь, и все забыто! Я не спрадаю, я никогда не спрадала!

Она сдѣлала нѣсколько легкихъ шаговъ, бросая по волѣ въпровъ свою бѣлую одежду, свои пышныя кружева, широкія рукава, новые ленты и локоны своей прически *à la Sévigné*. Въ первый разъ я видѣлъ ее веселою, беззаботною, какъ молодая дѣвушка, гошвою прыгашъ и играшъ какъ ребенокъ, и въ первый разъ погда я узналъ слезы радости и блаженство, кошорое вкушаетъ человекъ, дѣлая другихъ счастливыми.

— Прелеспный цвѣшокъ, любимецъ души моей, о моя лилія! ты все па же, все такъ же свѣпла и возвышенна на швоемъ шеблѣ, все такъ же чиста, бѣла и благовонна и одинока!

— Довольно, сударь, сказала она, улыбаясь. Поговоримъ теперь о васъ. Расскажи мнѣ все, все какъ можно подробнѣе.

Тогда, подъ прохладною сѣнію лиспьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ, начался разговоръ, пысячу разъ прерываемый и начинавшійся снова. Я даль ей понятіе о моемъ образѣ жизни, о моихъ занятіяхъ; я описаль ей мое жилище въ Парижѣ, и счаспіе, котораго я тогда еще не умѣль цѣнить: мнѣ ничего было опъ нея скрывать. Узнавъ всѣ подробности моей жизни, наполненной упомипельными занятіями, и важность моей должности, въ которой, безъ строгой честности, такъ легко было бы нажиться; которую я исполняль такъ свято, что Король, говорилъ я ей, назвалъ меня *дъвицею де Ванденесъ*. Чистая такимъ образомъ въ душѣ моей, она схватила мою руку и поцѣловала, омочивъ ее слезами радости. Эта внезапная перемѣна роли, это пламенное одобреніе, эта мысль, столь быспро выраженная и столь скоро мною понятая. «Вопъ другъ, власпелинъ, котораго бы я

желала имѣть! Вопль моя мечта, мой идолъ!»
 Это дѣйствіе, споль много выражавшее, это
 высокое, благородное униженіе, эта любовь
 возвышенная, недоспунная чувствамъ, все
 это, какъ буря, обрушилась на мое сердце
 и подавила меня. Какъ малъ былъ я передъ
 нею! Я желалъ умереть у ногъ ея.

— Ахъ! сказалъ я, и такъ вы всегда бу-
 дете лучше, превосходнѣе насъ. Какъ же вы
 могли сомнѣваться во мнѣ, Генриета?

— Я боялась не за настоящее, а за бу-
 дущее, опвѣчала она, смотря на меня съ не-
 выразимою крепостію, копорая не уменьша-
 ла блеска ея глазъ. Видя васъ споль пре-
 краснымъ, я сказала себѣ: наши планы на
 Магдалину будущъ разстроены какою-нибудь
 злою женщиною.

— Опять Магдалина! вскричалъ я съ удив-
 леніемъ, копорое ее не очень разсердило.
 Развѣ я Магдалинѣ вѣренъ?

Тутъ пришелъ весьма не кспаши Г. де
 Морсофъ; надлежало скрыть свое волненіе и
 поддерживалъ съ нимъ разговоръ о полипикѣ.
 Недовольный полипикою Короля, онъ прину-
 дилъ меня оправдывать его дѣйствія. На-

прасно спарался я уклонисья ошь спора и разспрашивалъ его о лошадахъ, урожаѣ хлѣба и хозяйспвенныхъ распорядженіяхъ; онъ, съ упрямспвомъ ребенка, возвращался на прежнее мѣспо и упомлялъ душу своимъ пусто-словіемъ. Генріеша молчала для избѣжанія спора. Я спалъ давалъ ему односложные отвѣпы; но Г. де Морсофъ былъ слишкомъ умень, чптобы не понялъ, какъ была обидна такая уступчивоспъ. Наконецъ онъ рѣши-тельно разсердился. Брови и морщины его запряслись, желпые глаза засверкали, носъ еще болѣе побагровѣлъ. Генріеша бросила на меня умоляющій взоръ; тогда я спалъ оп-вѣчалъ, какъ слѣдуешь на вопросы Г. де Морсофъ, и очень искусно укрощилъ вспыш-ку его буйнаго характера.

— Бѣдняжечка, бѣдняжечка! прошепшала Генріеша, повторяя нѣскольпо разъ эспи сло-ва, копорыя достигали до моего слуха, какъ дыханіе зефира. Когда ей показалось, что можешь упопробить свое посредничеспво, она сказала намъ: «Знаете ли вы, господа, что вы смерптельно скучны?» Г. де Морсофъ былъ слишкомъ вѣжливъ, чптобы въ чемъ-ни-

будь отказашь женщинѣ; онъ переспаль говоришь о полистикѣ; пустой нашъ разговоръ шакже скоро ему наскучиль, и онъ оставиль насъ прогуливашься на свободѣ.

Къ сожалѣнію, мои догадки были справедливы. Прекрасные виды, чистый воздухъ, голубое небо и вся упоительная поэзія этой долины, которая въ продолженіе пшнадцати лѣтъ производила благодѣтельное вліяніе на его здоровье, шеперь были безсильны. Съ лѣтами нравъ его спановилься часъ опъ часу несноснѣе. Теперь онъ прошиворѣчилъ для того, чшобы прошиворѣчить; все его беспокоило и выводило изъ перпѣнія. Можешь бышь, до сихъ поръ дѣятельная жизнь, движеніе и хозяйспвенныя заботы удерживали порывы его своенравія, давая пищу его безпокойному уму; шеперь недоспашокъ заняпій допускаль его обращашь все вниманіе на самага себя и выдумывашь болѣзни для того, чшобы имѣшь удовольспвіе лечишься. То его безпокойль шумъ, и шогда шпараніями Графини водворялась вокругъ его совершенная тишина. Тогда онъ говориль, что это походишь на мершвое мол-

чаніе могилы, что ешь средина между пишиною и безмолвіемъ Карпезіанскихъ монаховъ. То онъ оказывалъ совершенное равнодушіе ко всему на свѣтѣ; весь домъ опдыхалъ, дѣти играли; домашнія работы шли своимъ порядкомъ; и вдругъ, посреди этого шума, раздавался его жалобный вопль: «меня хопятъ уморить!»

Каждую минушу онъ переодѣвался, принаравливаясь къ самымъ ничтожнымъ переменамъ воздуха, и не сводилъ глазъ съ барометра. Не смотря на маперинскія попеченія его жены, онъ не находилъ никакой пищи по своему вкусу, жаловался на слабость и распройство желудка, а между шѣмъ ѣлъ, пилъ и спалъ за чепверыхъ. Люди никакъ не могли принаровиться къ его измѣнчивому нраву. То ему было слишкомъ жарко, и должно было опворяшь все окна; черезъ нѣсколько дней онъ забывалъ, или припворялся, что не помнилъ своего приказанія, и сердился за это самое, говоря, что нѣтъ ничего вреднѣе для него свѣжаго воздуха. Однимъ словомъ, Клошгурдъ спалъ настоящимъ адомъ. Ученый Аббатъ Доминикъ при-

думалъ казаться погруженнымъ въ размышленія и занятымъ рѣшеніемъ важныхъ задачъ. Уже слуги были многократно свидѣтелями буйныхъ поступковъ Г. де Морсофъ; только привязанность къ Графини возбуждала ихъ къ скромности; но бѣдняжка ежеминутно спрашивалась, что все скоро узнаютъ о ея несчастіи. Въмѣсто того, чтобы утѣшать жену, онъ находилъ звѣрское удовольствіе мучить ее за то, что она не хотѣла принять для дѣшей его сумасбродной мѣтоды леченія. Шла ли она прогуливаться, онъ, не смотря на ясное небо, пророчилъ ей грозу, и если его предсказаніе сбывалось, онъ въ шоржествѣ своемъ забывалъ объ опасности дѣшей; когда одинъ изъ нихъ былъ боленъ, то онъ навѣрное приписывалъ это недоспашку попеченія со стороны Графини. Что всего страннѣе, Графъ никакъ не подозрѣвалъ своего сосоянія, и будучи всемъ въ пягость, считалъ себя жертвою другихъ.

Я понялъ тогда, отъ чего появились на челѣ Графини эти морщины, какъ-бы проведенныя остриемъ бритвы. Она принадлежала къ числу душъ высокихъ, которыя съ гор-

достію скрываютъ свои спраданія даже отъ тѣхъ, кого любящъ, и мнѣ споило большаго труда выманишь у ней это признаніе.

— Генріета! говорилъ я ей спустя нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, хорошо ли вы сдѣлали, успроивъ въ шакомъ порядкѣ ваше имѣніе, что Г-ну де Морсофъ совсѣмъ нечего дѣлать?

— Я уже думала объ этомъ, другъ мой. Я хощѣла было совѣшоваць ему заняцца разведеніемъ шелковичныхъ деревьевъ; но послѣ я узнала, что это было бы совершенно бесполезно, и принесло бы мнѣ новыя хлопоты, не сдѣлавъ облегченія. Знайте, г. наблюдатель, что въ молодости недоспашки чело-вѣка бывають заглушены дѣятельностію, дѣйствіемъ спрестей, подавлены изъ опасенія осужденія и дурной славы; а въ старости, особливо въ уединеніи, они возрастають тѣмъ быспрѣе, чѣмъ болѣе были за-глушаемы.

Мѣсяць спустя, однажды послѣ завпрака, Графиня взяла меня за руку, выбѣжала изъ сада черезъ калишку, копорая шла въ поле, и увлекла меня въ виноградники.

— Ахъ, онъ убьетъ меня! говорила она. А я хочу жить; я должна жить, хоть только для дѣшей. Какъ! ни дня покоя! Вѣчныя огорченія, вѣчныя удары! Никакое существо не успоитъ противъ этихъ безпреспанныхъ нападеній. И каждый день они принимаютъ новую, неожиданную форму. Боже мой! воскликнула она, опирая слезы и поднимая глаза къ небу, за что такое наказаніе? Но, Феликсъ, мы должны перейти черезъ горнило испытаній, чтобы чистыми, непорочными достигнуть нашего назначенія.

Я молча внимала этому ропоту, крѣпко сжимая ея руку въ моей.

— А, такъ вы здѣсь? кричалъ Графъ, который слѣшилъ къ намъ съ непокрытою головою. Со времени моего пріѣзда онъ непремѣнно хотѣлъ участвовать въ нашихъ разговорахъ; ревновалъ ли онъ, или желалъ доставить объ развлеченіе, или боялся, что Графиня будетъ мнѣ жаловаться.

— Боже мой! Онъ догналъ насъ! вскричала она въ отчаяніи. Пойдемте скорѣе къ новымъ деревьямъ. Нагнипесь, чтобы онъ не увидѣлъ меня. Черезъ минушу мы были уже

далеко опть Графа, въ аллеѣ изъ миндальныхъ деревьевъ.

— Милая Генріета! сказалъ я, сжимая ея руку, позволите сказать вамъ мое мнѣніе о вашемъ положеніи. Не спорьте долѣе съ нимъ. Вы избаловали мужа вашимъ снисхожденіемъ... Но если вы хошите жить, воспользуйтесь властію, которую вы имѣете надъ нимъ. Вы знаете, онъ васъ любитъ и боится. Пусть чувство страха удвоится. Противоспавьте его прихотямъ швердую волю, заключите болѣзнь его въ извѣстные предѣлы силою вашего ума.

— Милое дитя! отвѣчала она, съ горькою усмѣшкой, только женщина безъ сердца можетъ играть подобную ролю. Нѣтъ, никогда, ни для какой выгоды! Къ тому же какъ измѣнишь мой голосъ, придашь суровость челу и движеніямъ? Нѣтъ, это превышаетъ мои силы. Я могу принимать на себя удары, которые онъ назначаетъ дѣтямъ; вопть все.

— Чистая, святая душа! прими мое поклоненіе, говорилъ я, и приклонилъ передъ нею колѣна. Но если онъ убьетъ васъ?

Она пообѣднѣла.

Да будетъ воля Всевышняго! отвѣчала она, поднимъ глаза къ небу.

— Знаете ли, что Король говорилъ о васъ: «скоро ли умретъ этотъ старый де Морсофъ?»

— Это шулка въ устахъ Короля; а у насъ подобная мысль была бы пресупна.

Не смотря на нашу предосторожность, Графъ догналъ насъ, весь въ поту, и основился подъ шѣмъ же орѣшникомъ, гдѣ мы спояли, не взирая на свѣжестъ его лиспьевъ. Не знаю, имѣлъ ли онъ какое подозрѣнiе, полько, поспоявъ нѣсколько минушь въ совершенномъ молчанiи, спалъ жаловашься на головную боль, и пропивъ обыкновенiя жалобы его были просшы и крапки. Мы не обрапили на это вниманiя. Дома ему спало хуже; онъ попчасъ легъ въ постель. Мы воспользовались этимъ временемъ и уговорились ѣхашъ водой на рыбную ловлю.

Мы попчасъ же вышли въ поле и какъ дѣши прыгали, забавлялись бездѣлицами, разсмашривали расшенiя, любовались голубыми спрекозами. Графиня дивилась, что могла

быть доступной столь мирнымъ наслажде-
 ніямъ съ такими заботами на душѣ; но
 природа производитъ волшебное дѣйствіе
 на душу человѣка, равно какъ и всѣ его
 чувства находятъ въ ней отголосокъ.
 Волненіе любви подобно движенію волнъ;
 цвѣты, копорымъ не касалась рука человѣка,
 служатъ эмблемою самыхъ тайныхъ желаній
 его сердца; роскошное качаніе лодки впоритъ
 невнятно его мыслямъ. Мы испытали по-
 мпшельное вліяніе этой двойкой поэзіи: сло-
 ва въ согласіи съ нею имѣли таинственный
 смыслъ; взоры зажглись новымъ огнемъ отъ
 солнечныхъ лучей. Шумная радость Магда-
 лины, съ ея пріятными движеніями и оспро-
 умными замѣчаніями, была также выраже-
 ніемъ двухъ душъ, полныхъ чистаго воспор-
 га. Однимъ словомъ, мы видѣли любовь нашу
 во всемъ, насъ окружавшемъ; намъ разлило
 было счастье, котораго намъ не доставало;
 эта жажда несладкнй столь сильно овла-
 дѣла нами, что Графиня сняла перчатки и
 опустила свои прекрасныя руки въ воду,
 какъ бы желая прохладитъ внутренній жаръ;
 глаза ея были краснорѣчивы, но ротъ полу-

раскрытъ; души наши сливались въ одну гармонию, и эта минута не повторялась болѣе въ моей жизни.

— Гдѣ же вы ловите? спросилъ я. Вѣдь вы можете ловить только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя вамъ принадлежатъ?

— Возлѣ моста, отвѣчала она. Теперь весь берегъ рѣки отъ Руанскаго моста до Клошгурда принадлежитъ намъ. Г. де Морсофъ недавно купилъ сорокъ десятинъ земли на деньги, сбереженные въ эти два года. Это васъ удивляетъ?

— О, я желалъ бы, чпобъ вся долина была ваша! вскричалъ я.

Она улыбнулась. Въ эту минуту мы подплыли къ мосту, гдѣ Индра очень широка. Тутъ ловили.

— Ну что, Маршино, какво идетъ ловля?

— Ахъ, Ваше Сіятельство! нынче намъ неудача. Вошь уже три часа закидываемъ неводъ, и до сихъ поръ ничего не поймали.

Мы вышли на берегъ и спали подъ тѣнію серебрянаго пополя. Графиня снова

приняла свой спокойный, величественный видъ. Она почти раскаявалась, что раскрыла передо мною раны своего сердца. Когда вытащили къ ея ногамъ сѣшь, она была полна рыбы разнаго рода, въ числѣ кошорыхъ бился на правѣ огромный карпъ.

— Право, это чудо! говорилъ спорожь.

Поселяне смопрѣли во всѣ глаза на прекрасную женщину, которая имъ казалась волшебницей. Въ эту минуу мы увидѣли верховаго, который скакаль къ намъ во весь опоръ. Сердце Графини замерло; первая мысль ея была о Жакъ, который оспавался дома.

— Жакъ! вскричала она. Гдѣ Жакъ? Чшо сдѣлалось съ Жакомъ?

Нѣтъ, она не любила меня! Никогда мои спраданія не извлекали у [ней этого вопля опчаянія, похожаго на спонъ львицы, у кошорой ранили дѣшей.

— Ваше Сіятельство! Графу хуже.

Она пуспилась бѣжать.

— Идите съ Магдалиной шихонько, говорила она, чшобы это милое дшпя не разго-

рячилось. Видише ли, давича Г. де Морсофъ вспопѣль, и эпа оспановка подь орѣшникомъ могла бышь причиною несчасія.

Эти слова выражали всю чистоту ея души. Смерть его казалась для нея несчастьемъ! Она быспро достигла Клонгурда, прошла въ садъ черезъ разсѣлину снѣжны. Я почно возвратился очень медленно. Миѣ было такъ грустно. Нѣтъ, она не любила меня; она не предпочипала меня всему на свѣсѣ. А любви нужно все, или ничего! Одинъ я любиль спраспно, безпредѣльно; одинъ я испыпаль волненіе и бурю спраспей. Для Генриепы довольно было чувспва. Я былъ для нее только почка, къ копорой привязывались ея мысли и пайныя ощущенія, какъ рой пчель осыпаетъ цвѣтущую вѣшку; я былъ только случайностію ея жизни, а не всей жизнью. Я изнемогалъ въ порывѣ гореспи и ревности.

Болѣзнь Г. де Морсофъ была въ самомъ дѣлѣ довольно опасна. Я пошчасъ съездилъ за докторомъ въ Туръ; попомъ вечеромъ,

въ самую дурную погоду, за хирургомъ. Десятью минутами позже, и Графъ бы умеръ. Кровопусканіе спасло его, но докторъ предсказываль ему желчную горячку. Графиня пришла въ ужасъ; она почитала себя виновною въ эпомъ несчастіи. Не имѣя силъ благодарить меня за попеченія, она бросала на меня взгляды, копорые, какъ ея поцѣлуй, выражали любовь, соединенную съ удивленіемъ. Да, она любила меня, какъ Лаура Пепрарка, а не какъ Франческа ди Римини Паоло. А я мечпаль о соединеніи эпихъ двухъ родовъ любви! Упомленная, съ опущенными руками, Графиня лежала на креслахъ, въ неопряшной комнапѣ, копорая походила на логовище кабана.

Передъ отъѣздомъ докторъ совѣповаль ей взять прислужницу, попому чпо болѣзнь, вѣрояпно, продолжипся.

Прислужницу! отвѣчала она, нѣпть, нѣпть. Мы будемъ ходипть за нимъ, говорила она, смопря на меня; мы спасемъ его.

При эпомъ восклицаніи докторъ посмопрѣль на насъ съ изумленіемъ; онъ обѣ-

щаль прїѣзжаешь два раза въ недѣлю и просилъ прислать за нимъ, если окажутся опасные признаки. Насилу я могъ уговорить ее лечь на прѣшью ночь, когда въ домъ все зачихло. Графъ находился въ усыпленіи; я услышалъ стонъ въ комнаѣ Генріепы. Невольное безпокойство побудило меня пойти къ ней. Она спояла на колѣняхъ передъ Распятіемъ и громко рыдала. «Боже мой!» говорила она, «если Ты такъ жестоко наказываешь за ропотъ, я никогда не буду жаловаться.»

— Зачѣмъ вы его оставили? сказала она, увидѣвъ меня.

— Я услышалъ вашу стонъ: могъ ли я оставаться спокойнымъ?

— О, я здорова! Зачѣмъ заботишься обо мнѣ.

Она хотѣла увѣриться, спитъ ли онъ, спалъ, взяла лампу и пошла въ его комнаѣ. Графъ не спалъ, но потеря крови его очень ослабила. Онъ спарался закрыть себя одеяломъ.

— Говорятъ, что эти безпокойныя движенія означаютъ приближеніе смерти, сказала она. Ахъ! если онъ умретъ этой болѣзнію, я никогда не выйду замужъ. Клянусь въ эпомъ, прибавила она, положивъ поржешшвенно руку на голову Графа.

— Я сдѣлалъ все, чтобы спасти его, сказалъ я.

— О, вы, вы добры! Я одна во всемъ виновата.

Она наклонилась къ нему, обшерла его вспошѣвшее чело и поцѣловала его съ благоговѣніемъ.

— Бланка! пишь, прошепсалаъ Графъ.

— Вы видите, онъ знаетъ полько меня.

— Генріета! прошу васъ, подите нѣсколько опдохнуть.

— Не называйте меня такъ болѣе.

— Опдохните, а не то вы сами занеможете. Сдѣлайте это для него, для дѣшей вашихъ!

— Хорошо, отвѣчала она, и ушла, препоручая мужа моимъ попеченіямъ. Живость движеній, пылкость выражений, такъ мало

соопвѣспвующія ея обыкновенному характеру, устрашали меня; я боялся за ея помяшательство. Я говорилъ впрочемъ какъ можно оспорожнѣе съ докторомъ; онъ успокоилъ волненіе этой чистой души, увѣряя ее, что эта болѣзнь была неизбѣжна, и оспановка подъ орѣшникомъ болѣе полезна, нежели вредна, ускоривъ ея появленіе.

Въ продолженіе пятидесяти дней Графъ находился между жизнью и смертію, и мы попеременно проводили ночи около его постели; нашимъ неусыпнымъ попеченіямъ онъ былъ обязанъ спасеніемъ. Докторъ былъ свидѣтелемъ нашего самоотверженія, но совсемъ шѣмъ не могъ воздержаться, чтобы не слѣдовать за каждымъ нашимъ движеніемъ испытующимъ взглядомъ; онъ боялся ошибиться въ удивленіи, которое неволью внушили ему наши поступки.

— Въ подобныхъ болѣзняхъ, говорилъ онъ, должно обращать вниманіе на нравспвенное состояніе больного. Врачъ, прислуга, люди, обрвужающіе его могутъ имѣть на него спасительное или убійспвенное вліяніе; одно

движеніе, одно слово, выражающее опасеніе, все равно для него, чпо ядъ.

Говоря мнѣ такимъ образомъ, онъ изучалъ выраженіе моего лица и мое положеніе; но онъ долженъ былъ видѣшь въ глазахъ моихъ чистоту души. И въ самомъ дѣлѣ, ни разу преступная мысль не входила въ мою голову. Въ чистой атмосферѣ все чисто: вокругъ Генриеты все должно было дышать добродѣтелью. Видя насъ всегда равно внимательными, равно попечительными, докторъ былъ пронупъ невольными движеніями и поступками; казалось, онъ говорилъ: «Вопшь истинно больные; но они скрываютъ свою болѣзнь и забываютъ ее.»

Повѣрите ли вы, Напалія, это время было счастливейшее въ моей жизни? Источникъ любви въ глубинѣ души. Она усиливается бурями и пипается слезами. Когда опасность миновала, мы спали привыкапъ къ болѣзни Г. де Морсофъ. Комната его, прежде столь нечистая, совсѣмъ перемѣнилась. Мы были въ ней одни, въ совершенномъ отдаленіи отъ свѣта, какъ на необитаемомъ островѣ. Припомъ эта болѣзнь

насъ сблизила и разрушила между нами преграды эпикеша. Часпо Генріета забывала объдашь; тогда я клалъ ей приборъ на колъни и самъ прислуживалъ; эпо была карпина дѣспива возлѣ распворенной могилы. Подъ вліяніемъ одной мысли о больномъ, она мало по малу опбросила принужденіе, копорое самая просная женщина наблюдаетъ въ своихъ взорахъ и рѣчахъ, когда она не полураздѣта и находилъся въ присутствіи людей хопя самыхъ близкихъ. Часпо она приходила смѣняшь меня при первомъ пѣнии жаворонка, въ упренней одеждѣ, копорая не скрывала ея прелеспей. Оставааясь гордою и величеспвенною, она спала въ то же время короткою въ обращеніи. Она показала благородную довѣренность мнѣ и увѣренность въ себѣ. Графиня снова спала моею Генріетою, копорая была вынуждена любить меня болѣе прежняго. Тепѣрь она пропягивала мнѣ руку по первому знаку и не уклонялась опъ моихъ пламенныхъ взоровъ, копорыми я окружалъ ее, когда мы просиживали длинныя ночи у постели больного. Эпи взоры, слова, пиho произнесенныя, спрахъ, надежда и всѣ

обстоятельствъ тѣснаго соединенія сердець, пакъ долго разлученныхъ, все это отражалось на печальной картинѣ болѣзни, какъ звѣзды на синемъ небѣ. Души наши совершенно узнали и оцѣнили одна другую во время этого испытанія, въ которомъ часто исчезающъ самыя живыя чувства передъ проспою, разоблаченною жизнію, которая или слишкомъ тяжела или слишкомъ ничтожна.

Хотя всѣмъ хозяйствомъ завѣдывала Г-жа де Морсофъ, но Графъ былъ также полезенъ внѣ дома; онъ говорилъ съ опкупщиками, ѣздилъ къ спряпчимъ, принималъ доходы; она была душа, онъ былъ шѣло. Я предложилъ ей мои услуги, и она приняла ихъ проспо, безъ благодарности. Другой узелъ, который связалъ насъ еще тѣснѣе. Часто я говорилъ съ нею вечеромъ въ ея комнашѣ о ея дѣлахъ и дѣшяхъ. Какъ она была счастлива, что могла передать мнѣ нѣкоторыя права ея мужа, сажашъ меня за споломъ на его мѣспѣ, посылашъ меня говорить съ управителемъ. И могло ли это соединеніе ея шайныхъ желаній и свѣпскихъ приличій не дѣ-

ласть ей удовольствія? Крушой нравъ мужа ея не стягошълъ болѣе надъ ней и домашними; она могла занимать мною, осыпая меня нѣжнѣйшими попеченіями. Съ какой радостію открылъ я ей шайную мысль: дасть мнѣ почувствовать всю ея цѣну, и чѣмъ бы она могла быть, если бы ее понимали. Этого пышный цвѣтокъ, поблекшій въ холодной атмосферѣ несчастнаго замужства, распустился въ моихъ глазахъ и для меня одного во всемъ блескѣ; она развивалась передъ моими глазами съ такою же радостію, съ какой я слѣдовалъ за этимъ развитіемъ взоромъ любви. Тысячу бездѣлицъ доказывали мнѣ, что она безпрерывно обо мнѣ думала. Проведя ночь возлѣ больнаго, на другой день я спалъ очень долго; тогда Генріета вспавала прежде всѣхъ, и окружала меня глубокой тишиною; дѣти уходили играть, какъ можно далѣе; она прибѣгала къ хипроси, чтобы самой спавить мнѣ приборъ; она сама мнѣ прислуживала. И какой радостію въ движеніяхъ, какою пронизательностію, какимъ румянцемъ на щекахъ и дрожащимъ голосомъ выражалась тогда душа ея! Часто

она изнемогала отъ усталости; но если дѣло шло обо мнѣ или дѣтяхъ, она находила новыя силы, вснавала и спремилась бодрѣе, живѣе, радостнѣе. Ахъ, Напалія! сепь женщины, копорыя обладають преимуществами чиспыхъ духовъ и разливають вокругъ себя, по выраженію Сен. Маршеня, свѣтъ умспенный, гармоническій, благовонный. Генріета показала въ себѣ двухъ женщинъ: первая, окованная узами ненавистнаго брака, была какъ Бенгали, перенесенный изъ родины въ холодныя спраны сѣвера, и печальный, полумертвый въ клѣткѣ; Генріета же была подобна райской ппичѣ, копорая распѣваетъ въ прелестной роцѣ на берегу Гангеса и перелетаептъ, какъ живой алмазь съ вѣпки на вѣпку, съ волкамери на розу. Она спала прекраснѣе и оспроумнѣе. Этоптъ воспоргъ былъ шайною между нами, попому что Генріета боялась еще болѣе пронцапельнаго взора Аббата Доминика, какъ предспавителя свѣпа, нежели Г. де Морсофа; но она съ такимъ удовольствіемъ давала ловкій оборотъ мысли, шакъ хорошо умѣла скрывать свои чувства.

— Мы подвергаемъ жестокому испытанію вашу дружбу, Феликсъ? Не правда ли, Г. Аббати, что мы можемъ нѣсколько побаловать его, какъ Жака?

И на лицѣ важнаго Аббата показывалась улыбка испинно благочестиваго человѣка, который чипаетъ въ сердцахъ и находипть ихъ чиспыми. Къ тому же онъ оказываль Графинѣ почпеніе, соединенное съ благоговѣніемъ, которе внушають Ангелы.

Только два раза Графиня вышла изъ предѣловъ, въ которые заключила нашу привязанность. Однажды (это было въ первое время болѣзни Графа) я ждалъ, чпобы она пришла смѣнить меня. Я очень успаль, и, прислонившись головою къ спѣнѣ, заснулъ. Вдругъ я почувствовалъ, что-то свѣжее, пріятное, какъ роза коснулось моего лба. Я вскочилъ. Графиня спояла шагахъ въ прехъ отъ меня. «Я сей часъ пришла,» говорила она. Поздоровавшись съ ней, я взялъ ее руку; она была влажная и дрожала въ моей.

— Что съ вами? спросилъ я. Вы нездоровы?

— Почему вы это думаете?

Я посмотрѣлъ на нее въ замѣшательствѣ и опвѣчалъ, покраснѣвъ: «я видѣлъ дурной сонъ.»

Однажды, когда докторъ объявилъ намъ рѣшительное выздоровленіе Графа, я лежалъ съ дѣтьми на ступенькахъ лѣспницы и съ большимъ вниманіемъ игралъ съ ними въ бирюльки. Г. де Морсофъ спалъ. Проводивши доктора, Генріеша облокопилась на окно и долго смотрѣла на насъ. Это было въ прекраснѣйшій вечеръ, когда небо принимаетъ цвѣтъ красной мѣди, и вся природа живетъ и выражаетъ жизнь свою тысячу различныхъ звуковъ. Послѣдній лучъ заходящаго солнца догоралъ на кровляхъ, цвѣшны въ саду разливали далеко благоуханіе, вдали звенѣли колокольчики возвращающихся спадъ. Опасаясь разбудить спящаго, мы заглушали наши восклицанія. Вдругъ полузадушенный вздохъ долетѣлъ до моего слуха; я бросился въ залу и увидѣлъ Графиню, которая сидѣла у окошка, закрывъ лицо плашкомъ; она узнала мою походку, и движеніемъ руки повелѣвала мнѣ удалиться. Въ смертельномъ безпокойствѣ я подошелъ къ ней и силою оп-

нялъ плапокъ; лице ея было омочено слезами; она убѣжала въ свою комнапу и вышла только къ молишвѣ. Тогда я увелъ ея на перрасу и просилъ объяснишь мнѣ ея волненіе.

— Я думала, говорила она, что шеперь, когда мнѣ нечего бояться за Г. де Морсофъ, я должна спрашиться за себя.

И въ самомъ дѣлѣ, выздоровленіе Графа ознаменовалась возвращеніемъ его капризовъ. Онъ началъ шѣмъ, что никто не умѣлъ ходишь за нимъ; что докторъ ничего не понималъ въ его болѣзни и лечилъ совсѣмъ не такъ, наудачу. Однажды онъ посмошрѣлъ на насъ съ лукавою усмѣшкою и сказалъ женѣ: «Ну, что, признайся, моя милая, если бы я умеръ, то ты скоро ушѣшилась?»

— Я надѣла бы придворный шрауръ, чернѣй съ розовымъ, отвѣчала она, также смѣясь.

Но самые сильные припадки гнѣва, крикъ и ссоры происходили за пицу. Въ первый разъ я имѣлъ удовольствіе видѣшь, что Генриета отваживалась ему пропивиться и

привыкала слышать его ругательства съ спокойнымъ видомъ, принимая его за ребенка, какимъ онъ былъ и дѣйствительно. Эпо сопротивленіе производило всегда хорошее дѣйствіе. Накричавшись досыта, онъ обыкновенно оканчивалъ шѣмъ, что ей повиновался.

Графиня хотѣла опслужить молебень за выздоровленіе мужа, и просила меня пойти съ нею; я проводилъ ее до церкви; но все время обѣдни провелъ у Г. де Шессель. Генріета хотѣла бранить меня за эпо. «Послушайте,» сказалъ «я ей: я не способенъ пришеворяться. Я могу броситься въ воду, чтобы спаси моего непріателя; я прощу ему обиду: но никогда ее не забуду.»

Генріета молча сжимала мнѣ руку.

— Вы ангель; я знаю, что вы опъ сердца благодарили Бога. Мать Князя Мира спасли изъ рукъ разъяренной черни, копорая хотѣла убить ее. Королева спросила ее, что она дѣлала тогда? Она опвѣчала: «Я молилась за нихъ.» Женщина уже шакъ сошворена. Я мущина, слѣдовательно сущесшво несовершенное.

— Не клевищитѣ на себя; можетъ быть, вы гораздо лучше меня.

— Да, потому что я опдалъ бы вѣчность за первый день счастія; а вы. . . .

— А я? спросила она, посмошрѣвъ на меня съ гордостію.

Я опустилъ глаза передъ ея огненнымъ взоромъ.

— Я! продолжала она. О какомъ я говорите вы? Я чувствую много я въ себѣ. Эпи дѣши — также я. Феликсъ! прибавила она раздрающимъ душу голосомъ, неужели вы считаете меня эгоисткою? Не думаете ли вы, что я не въ состояніи пожертвованъ вѣчностію для того, кпо жершвуешь мнѣ жизнью? Но вѣдь это ужасная мысль! Она совершенно пропиворѣчипъ нашимъ религіознымъ понятіямъ. Какое счастье можетъ вознаградитъ женщину за поперю къ ней уваженія? Эта мысль была причиною моихъ слезъ; да, я была бы въ состояніи покинуть этого бѣднаго спарика, который дышетъ только мною; но, другъ мой, эти слабыя, милыя созданія оспались бы съ опцемъ; а тогда, я спрашиваю васъ, что спалось бы

съ ними? О! если бы дѣло шло обо мнѣ одной... Она гордо улыбулась. Но убишь моихъ дѣшей! Боже мой! Зачѣмъ говоримъ мы объ этомъ! Женитесь и оставьте меня умереть въ покоѣ.

Она произнесла это съ видомъ споль глубокаго опѣчаянiя, что невольно заспавила меня заглушивъ мою спраспъ.

— Теперь я буду молчашъ.

— Ваше великодушiе убиваетъ меня, говорила она, поднявъ глаза къ небу.

Мы пришли на перрасу и нашли шамъ Г. де Морсофъ, сидящаго въ креслахъ на солнцѣ; я прислонился къ рѣшеткѣ и смопрѣлъ на дряхлаго спарика, копорый едва могъ улыбапсья; на двухъ слабыхъ дѣшей, копорыя спояли возлѣ него, и жену, блѣдную и похудѣвшую опъ бессонницы, безпокойспва и шрудовъ. При видѣ этого семейспва спрадальцевъ, подъ шѣнью лиспьевъ, сквозъ копорыя падалъ на нихъ блѣдный, сѣроватый свѣтъ осенняго дня, я почувспвовалъ въ первый разъ этопъ нравспвенный сплинъ, копорый развязываетъ мало по малу всѣ узы жизни, дѣлаетъ шру-

сомъ самаго храбраго, равнодушнымъ къ самымъ пламеннымъ чувспвамъ челоѣка — къ чести, къ любви. Бѣдныя существа, копорыхъ сильная организація предаепъ безъ защиты какому-шо злобному генію! гдѣ судьи ваши? Тогда я понялъ, какимъ образомъ Г. де Морсофъ, молодой честолюбець, копорый уже пропягиваль руку къ маршальскому жезлу, могъ преврашиться въ ужаснаго убійцу, копорый сидѣлъ передо мною. И мои желанія, шеперь увѣнчанныя розами, могли имѣть шакой же конецъ! Успрашенный, подавленный этими мыслями, я не могъ удержаться опъ слезъ.

— Чшо съ побою, мой добрый Феликсъ? говорила мнѣ Магдалина своимъ нѣжнымъ голосомъ.

Генріета ушѣшила меня взглядомъ учаспія, копорый освѣшилъ мою душу; какъ лучъ солнца. Въ ту минушу парочный принесъ мнѣ изъ Тура письмо, копорое вырвало у меня невольное восклицаніе. Генріета запрепепала. Король опзываль меня въ Парижъ.

— Онъ ѣдетъ! сказалъ Г. де Морсофъ.

— Чшо спанешся со мной! говорила она мнѣ. Пустыня моя будетъ безъ солнца.

Эта новость погрузила насъ въ какое-то оцѣпенѣніе. Никогда еще мы такъ живо не чувствовали, что не могли жить одинъ безъ другаго. Звукъ ея голоса имѣлъ что-то новое, необыкновенное; движенія ея выражали поску; огонь въ глазахъ попухъ.

Я просилъ ее повѣришь мнѣ свои мысли.

— Развѣ у меня естъ мысли? говорила она.

Она увела меня въ свою комнату, посадила на диванъ, вынула изъ комода пакешъ, и, сжавъ передо мною на кольна, говорила: Вошь волосы, копорые выпадали у меня въ печеніе эшого года. Возьмите ихъ. Они принадлежатъ вамъ. Вы узнаете нѣкогда, какъ и почему?

Я наклонился къ ней и поцѣловалъ ея чело съ шоржеспвеннымъ умиленіемъ. Она не уклонилась опъ поцѣлуя, спояла передо мной съ глубокимъ спокойствіемъ и свѣплымъ взоромъ.

— Теперь вы не сердитесь на меня больше? сказала она.

Я уѣхалъ при наступленіи ночи; она хотѣла проводить меня; я показалъ ей мой завѣтный орѣшникъ, рассказавъ ей, какъ я увидѣлъ ее опсюда въ первый разъ за чепыре года назадъ, и какъ хороша была долина.

— А теперь?

— А теперь вы со мной, и долина наша.

Тутъ мы проспились. По возвращеніи, я, къ счастью, былъ совершенно занятъ нужною работою; она развлекала меня и удалила отъ свѣта. Каждую недѣлю я посылалъ мой журналъ Г-жѣ де Морсофъ, и она отвѣчала мнѣ два раза въ мѣсяцъ. Жизнь уединенная и полная, подобна цвѣшущимъ оазисамъ, на которыхъ я любовался во время моихъ прогулокъ.

О вы, которые любите! возложите на себя обязанності, спреминесь къ благородной, высокой цѣли. Тогда любовь ваша будетъ чиста, свѣтла, какъ религія. Тогда чувство обязанності болѣе и болѣе укре-

нишя въ душахъ вашихъ: добрыя дѣла
очищающъ, оплодотворяющъ сердце неисчер-
паемыми сокровищами вѣры, божественнаго
источника, изъ котораго происпекаетъ
единая мысль единой любви.

III.

Не знаю, какимъ образомъ моя спрасшь, копорая напоминала вѣкъ рыцарства, стала извѣсною. Вѣрояшно, Король и Герцогъ говорили о ней, и опъ нихъ распроспранилась въ Сень-Жерменскомъ предмѣстїи эша повѣспь о молодомъ челоуѣкѣ, копорый благоговѣино обожаль молодую прекрасную женщину, живущую внѣ общества, но споль великую въ своемъ уединенїи, вѣрную изъ одного чувства долга.

Въ обществѣ я сдѣлался предметомъ ушомшельнаго вниманїя и особенной благосклонности женщинъ. Тогда наступила блиспательная эпоха Французскаго двора, по случаю бракосочетанїя Герцога Беррійскаго. Праздники слѣдовали за праздниками. Значнѣйшія особы спекались изъ всѣхъ спранъ Европы въ столицу просвѣщенїя, гдѣ соеди-

няюся въ высшей степени достоинства и пороки другихъ народовъ. Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ того, какъ я оставилъ Клошгурдъ, моя бѣдная Генріета писала мнѣ съ спрашнымъ опчаяніемъ о болѣзни Жака. Онъ выздоровѣлъ, но докторъ боялся за него, и совѣщавалъ мапери брать всевозможныя предосторожности для его груди. Спрашное слово для мапери!—Вскорѣ послѣ того занемогла и Магдалина. Графинѣ не доставало мужества для этого двойнаго удара; спраданія эпихъ милыхъ существъ заславляли ее забывать своенравіе и худые поступки Графа. Волны несчастія уносили съ собою любимѣйшія мечты, первѣйшую опору ея сердца.

«Когда всѣ силы моего сердца направлены были къ тому, чтобы защититъ дѣшей моихъ опъ смерти,» писала она мнѣ, «могла ли я обратитъ ее пропивъ него? Теперь, среди моихъ слабыхъ ппенцовъ, я чувствую непреодолимое опвращеніе къ жизни. Могу ли я чувспвовать какой-нибудь ударъ, опвѣчая на чью-нибудь привязанность, когда я вижу на террасѣ бѣднаго больного Жака?»

Вся жизнь сосредоточилась въ его прекрасныхъ глазахъ, которые спали еще болѣе со времени болѣзни: они впали, какъ у старика. Могу ли смотрѣть безъ спраданія на эту хорошенькую Магдалину, прежде споль рѣзвую, ласковую, а теперь блѣдную какъ смерть? Кажется, самые глаза и волосы ея поблѣднѣли; она обращаетъ на меня помные взгляды, какъ будто прощаясь со мною; никакое кушанье ей не нравится; а если она чего проситъ, то спранныость ея вкуса пугаетъ меня. Не смотря на всѣ спаранія, я не могу развеселить ихъ; они улыбаются мнѣ, но эта улыбка вынужденная. Они плачутъ, что не могутъ отвѣчать на мои ласки. Теперь вы понимаете, какъ печаленъ, мраченъ спаль для меня Клошгурдь. Г. де Морсофъ царспивуетъ въ немъ безъ соперника. О, другъ души моей, моя слава! какъ вы должны любить меня, если еще можете любить безчувспвенную, неблагодарную, убившую гореспію!»

Въ это самое время, когда сердце мое спрадало съ Генріешою, когда я жилъ сполько ею и спарался вдохнуть въ ея душу

ушѣшеніе и надежду, я вспрѣпилъ въ обществѣ Англичанку, славную своею красою и знаиностію. Несмѣшное багатство, славное происхожденіе, замужство съ однимъ изъ могущественныхъ Перовъ въ Англии, всѣ эти выгоды ничего не значили въ сравненіи съ ея красою, любезностію, умомъ и какимъ-то ослѣпительнымъ блескомъ, кошорый окружалъ ее. Она сдѣлалась царицею общества, и дѣйствительно соединяла въ себѣ всѣ нужныя для эпого качества. Вамъ извѣсна спранная надменность Англичанъ. Все человѣчество для нихъ не иное что, какъ огромный муравейникъ; они не видяшь, не понимающъ и не хопяшь знашь никого, вромѣ соопечественниковъ. Такимъ образомъ они представляющъ живое подобіе государства, гдѣ все подвластно закону, все однообразно, гдѣ самое исполненіе добродѣтели кажется необходимымъ ходомъ однажды заведенной машины. Эпопъ же законъ, заключивъ женщину въ золотой клѣпкъ домашняго быта, поставилъ въ предѣлы, кошорые имъ не возможно пересупить, не подвергнувъ себя общему и ничѣмъ невыкупаемому

презрѣнію. Тупъ нѣтъ середины между виной и добродѣтелью; это *быть, или не быть* Гамлета. Это положеніе, со врожденной ей гордостью, дѣлаешь изъ Англичанки существо совсѣмъ особеннаго рода, добродѣтельное по принужденію, осужденное на постоянный обманъ, но прелестное по наружности, потому что этою народъ всѣмъ жертвуетъ наружности. Опять того происходитъ отличный характеръ ихъ красавицъ: горячность ихъ въ любви, которая для нихъ составляетъ всю жизнь; чрезмѣрное ихъ попеченіе о себѣ; эта упонченная нѣжность въ спраши, которую такъ мило очерпилъ Шекспиръ въ извѣстной сценѣ Ромео и Юліи. Въ душѣ ихъ есть только одна струна; голосъ ихъ издаетъ одинъ звукъ; это цѣлый океанъ любви; кто не переплылъ его, не пойметъ этой поэзіи чувствъ. Такъ, на лиръ поэта, который не видалъ моря, все будетъ не доставать нѣсколькихъ струнъ. Я былъ предсавленъ Маркизѣ Додлей по ея просьбѣ, и имѣлъ твердость пропившись ея обольщеніямъ. Эта вѣрность надѣлала мнѣ шуму и приобрѣла мнѣ благоволеніе леди

Арабеллы. Холоднось моя полько чшо раздражила ея спрасшь; подобно многимъ изъ своихъ соопечественницъ, она желала полько необыкновеннаго, чшо бы надѣлало много шума. Безпреспанное повпореніе одного и шого же въ ихъ жизни возбуждаешъ въ нихъ спрасшь къ шрудному, романическому. Я не умѣлъ шогда разгадашь эшого харакшера. Чѣмъ болѣе я оказывалъ ей пренебреженія, шѣмъ она спановилась спрасшнѣе. А я вѣрно былъ бы спасень, еслибы кто-нибудь изъ друзей моихъ повпорилъ мнѣ адское слово, кошорое у нее вырвалось о Г-жѣ де Морсофъ и обо мнѣ.

— Мнѣ надоѣло эшо воркованье горлицъ, сказала она.

Когда посреди бала, на кошоромъ она была царицею, леди Арабелла клала къ ногамъ моимъ богашую дань удивленія и похвалъ, кошорую она собирала; когда она подсперегала мой взглядъ, чшобы узнашь, по вкусу ли была мнѣ ея одежда, и препетала опъ удовольствія, когда мнѣ нравилась, я не могъ оспавашься совершенно нечувспвипельнымъ. Къ шому же невозмож-

но было избѣжатьъ въспрѣчи съ нею; свѣшскія приличія поспавляли меня въ обязанность принимая нѣкоторыя приглашенія, и леди Арабелла, со всею хитростію, кощору употребляютъ женщины, чтобы получить, что имъ нравилса, имѣла доступъ вездѣ, гдѣ могла найши меня, и упрашивала хозяйку дома сажать ее за столомъ возлѣ меня; попомъ шепшала мнѣ на ухо. Наконецъ она замыслила обратишь къ моей гибели самую гордость своего характера, и однажды послѣ бала, гдѣ она явилась передо мною во всемъ блескѣ своихъ прелестей, я нашель ее у себя дома. Разумѣшся, эта безразсудность скоро спала извѣстною всей Англїи; аристократія ея пришла въ волненіе, какъ небо при паденїи своего прекраснѣйшаго Ангела. Спросишь ея была въ совершенномъ опношенїи съ ея сложенїемъ и шемпераментомъ, пламенная какъ Африканское небо, безпредѣльная какъ ея шепи, копорыхъ зной горитъ въ ея глазахъ. Эта леди, стройная и нѣжная, бѣлизною подобная снѣгу, съ челомъ, убраннымъ шонкими пепельными волосами, созда-

ніе столь крошкое, столь деликатное, что, кажешся, каждую минушу можешъ разбиться, окруженное какимъ-шо фосфорнымъ, перелешнымъ блескомъ, имѣешъ необыкновенно крѣпкое тѣлосложеніе. Самая пылкая лошадь не можешъ прошивишься ея могучей рукѣ, по наружности столь мягкой. Маленькая ножка ея тонка и сильна, какъ нога серны; она на бѣгу спрѣляешъ ланей и оленей. Сполько же способна переносишь зной, какъ и спужу. Какая прошивуположность съ Клошгурдомъ! Эшо воспокъ и западъ.

Я не знаю, размышляли ли вы когда-нибудь объ общемъ значеніи Англійскихъ нравовъ? Не находите ли вы, что эшо предпочтеніе дѣйствительности естъ опредѣленный, разложенный и искусно принаровленный эпикуреизмъ? Какъ бы шо ни было, но Англичане, можешъ бышь, сами того не зная, материалисты. Леди Арабелла обладала въ высшей степени наукою жизни, копорая все употребляешъ въ пользу. Въ слѣдствіе эшого вещи, копорыя служащъ къ вашему употребленію, превосходной ошдѣлки, бѣлье

ваше понко и раздушено, комоды обишы кедромъ; въ извѣстное время вамъ подаюшь пахучій чай, сложенный особенно искуснымъ образомъ; пыль изгнана изъ вашего жилища, съ первой сшупени до самыхъ ошдаленныхъ комнашь; полъ ушланъ ковромъ, молошокъ у двери вычищенъ, подушки въ карешѣ на пружинахъ; однимъ словомъ, все въ природѣ упошребляешся въ дѣло и сосшавляешъ около души блестящую, мягкую, роскошную оболочку, въ кошорой она изнемогаешъ опъ наслажденія. Человѣкъ сосшопишь изъ шѣла и души; опъ эшого происходишь въ немъ борьба между предчувствіемъ его будущаго назначенія и земныхъ наклонностей; опъ эшого происпекаюшь и два рода любви: духовная и вещеспвенная. Леди Арабелла совершенно удовлешворяла побужденіямъ земнаго человѣка, Г-жа де Морсофъ была возлюбленная души. Наклонность перваго рода подвержена измѣненіямъ: она преходяца. Возлѣ леди Додлей я чувспшоваль какую-шо пущопу въ душѣ. Любовь была безпредѣльна въ Клошгурдѣ, пошому что область души неограниченна. Я спрасшно любилъ леди Арабеллу;

она была также остроумна, также превосходна дарованиями, какъ и красою, но Генриету я обожалъ. Женщины, которыя перешли за тридцать лѣтъ, умѣютъ искусно скрывать ревность подъ личиною ангельской доброты; онѣ тогда вмѣстѣ чувствуютъ и расчипываютъ, пользуясь настоящимъ и помышляютъ о будущемъ; онѣ заглушаютъ часто основательную горестъ, съ мужествомъ героя, который въ жару сраженія не замѣчаетъ своихъ ранъ. Арабелла не говорила со мной ни слова о Г-жѣ де Морсофъ, но она безпрестанно находила ее въ душѣ моей и хотѣла убить это живое воспоминаніе, которое придавало новую силу ея спраси. Чтобы возродить въ умѣ моемъ выгодное для себя сравненіе, она умѣла выказать себя неподозрительною, нелюбопытною, не спленицею, какъ большая часть молодыхъ женщинъ. Я при ней писалъ къ Генриетѣ, и она никогда не чипала ни спрочки изъ моихъ писемъ, никогда даже не спаралась узнать ихъ адреса. Я былъ совершенно свободенъ. Она опиралась только на свою любовь, споль преданную, что она не по-

жалѣла бы для меня жизни. Она увѣрила меня, что убьетъ себя, если я ее покину. При этомъ случаѣ она выхваляла обычай Индѣйскихъ женщинъ сжигать себя на кострѣ ихъ мужей.

Вы видите, что она старалась овладѣть мною, льстя моей гордости, ставя меня шакъ высоко, что ей самой можно было только сползть передо мною на колѣнахъ, въ положеніи невольницы и съ совершенною покорностію. Часпо она проводила цѣлый день у ногъ моихъ, не сводя съ меня глазъ и забавляя меня своими ласками.

Часпо также она пользовалась упоеніемъ страха, и хотѣла обязать меня клятвою и силою своихъ ласкашельствъ; ей удавалось иногда испоргнуть у меня ропотъ на моего ангела. Ставъ невольнымъ измѣнникомъ, я выучился и обманывашъ. Я продолжалъ писать къ Г-жѣ де Морсофъ, какъ будто бы я всё еще былъ пошъ же мальчикъ въ поношенномъ голубомъ камзолчикѣ, котораго она шакъ любила; но признаюсь, ея даръ впововидѣнія (*seconde vue*) успрашалъ меня; я думалъ тогда, сколько бѣдъ могло надѣлать

одно неоспорожное слово. Часто, посреди моихъ воспорговъ, ужась пробѣгалъ по моему тѣлу и обдавалъ меня холодомъ.

Письма мои оспались безъ отвѣта. Спрашное безпокойство овладѣло мною; я хопѣлъ, во чшобы то ни спало, ѣхалъ въ Клошгурдъ; Арабелла не прошивилась этому; она хопѣла только непремѣнно провожать меня въ Турень. Препятствія и неизвѣстность въ будущемъ преврапили ея фантазіи въ истинную любовь; ея женскій умъ показывалъ ей въ этомъ путешествіи способъ навсегда отвлечь меня отъ Г-жи де Морсофъ; ослѣпленный моею любовію, я не замѣтилъ хипропси. Леди Додлей соглашалась жить близъ Тура въ деревнѣ переодѣшою и скривалась отъ всѣхъ взоровъ.

Чшобы быспроша путешествія соотвѣтствовала моему намѣренію, я поѣхалъ изъ Тура верхомъ на Арабской лошади, копорую подарила Маркизъ ея родственница, знаменитая леди Стангопъ. Остановясь подъ орѣшникомъ, я увидѣлъ на террасѣ Г-жу де Морсофъ въ бѣломъ плащѣ. Пошомъ я пушился къ ней прямымъ путемъ и съ

быспроптою молніи. Она услышала необычайные прыжки сшепной ласпочки, и когда я разомъ ошановиль ее у шеррасы, она сказала: А, вопшь вы!

Эпи слова поразили меня, какъ громомъ. Такъ ей было все извѣстно? Кшо же могъ увѣдомить ее? Машь ея. Въ послѣдствіи она показала мнѣ ея опврашипельное письмо. Слабый голосъ, прежде полный жизни, дышалъ холодноспію; машовая блѣдность лица опкрывала глубоко запавшую гореспь, издавала запахъ подобно цвѣшамъ, срѣзаннымъ ко сою поселянина. Я ввелъ лошадь чрезъ калипку; по моему знаку, она легла на праву. Графиня медленно подошла ко мнѣ, сложила креспобразно руки, чптобы я не могъ взять ихъ, и сказала: Пойду, увѣдомлю Г. де Морсофъ о вашемъ пріѣздѣ.

Я споялъ на одномъ мѣспѣ, какъ окаменѣлый, и смопрѣлъ, какъ она удалялась шюю же благородною, медленною походкою, все шакже горда и еще болѣе прекрасна: но на челѣ ея видна была печашь самой глубокой горести; она склоняла голову, какъ лилія, ошягченная росюю.

— Генрієша! закричалъ я ей въ слѣдъ съ изсупленіемъ челоуѣка, у котораго опнимаюшь жизнь.

Она не оборопилась, не оспановилась, не удоспоила даже сказать мнѣ, что не будетъ опвѣчать на призваніе и продолжала ипши. Никакое сравненіе не можетъ выразить, сколь чувспвовалъ малымъ я себя предъ эшимъ сущеспвомъ въ бѣлой одеждѣ, удалявшимсв опъ меня къ своему зѣмку, который былъ ея слава и мученіе, вѣнецъ и мученической косперъ. Я проклялъ Арабеллу, и мое проклятіе убило бы ее, если бы она мало могла слышать. Я упопалъ въ морѣ мыслей и со всѣхъ споронъ видѣлъ одно бесполезное спраданіе. Скоро всѣ показались изъ зѣмка. Жакъ бѣжалъ съ живоспію его возраста, Магдалина, съ помными глазами какъ у серны, шла возлѣ мапери. Я прижалъ Жака къ сердцу, осыпалъ его ласками и обливалъ слезами, котороря опвергала его мапъ. Г. де Морсофъ пропянулъ ко мнѣ руки, прижалъ меня къ груди и поцѣловалъ въ обѣ щеки, говоря: «Феликсъ! я узналъ, что вамъ одолженъ жизнию.»

Во время этой сцены Г-жа де Морсофъ опошла въ спорону подь предлогомъ, что хочепть показать лошадь Магдалинъ. «Вопъ женщины!» вскричалъ разсердясь Графъ. «Онъ занимаються лошадыю!»

Магдалина подошла ко мнѣ; я поцѣловаль ея руку, смопря на Графиню, копорая вся покраснѣла.

— Кажешся, шеперь ей лучше? сказалъ я.

— Бѣдняжка! отвѣчала Графиня, цѣлуя ее въ лобъ.

— Да, шеперь они, слава Богу, всѣ здоровы. Я одинъ, любезный Феликсъ, похожь на развалившуюся башню.

— Кажешся, Генераль подь вліяніемъ своей хандры? говорилъ я, смопря на Графиню.

— У насъ наши blue devils, отвѣчала она. Вѣдь эшо такъ называется по-Англійски?

— А лошадь ваша? сказалъ Графъ, когда мы сошли съ шеррасы.

— Я сей часъ пойду къ ней. Опа меня шолько слушаешся и опъ меня одного принимаешъ попеченіе. Groom мой пріѣдепъ

съ Шинонскимъ дилижансомъ и вычиспипть ее.

— Вашъ groot шакже изъ Англии? сказала она.

— Они полько въ Англии и дѣлающся, опвѣчалъ Г. де Морсофъ, кошорый развеселился, видя жену свою печальною. Холодность ея давала ему поводъ ей прошиворѣчипть, и онъ осыпалъ меня ласками.

— Любезный Феликсъ! говорилъ онъ, взявъ мои руки и сжимая ихъ въ своихъ, просипше моей женѣ; женщины имѣющъ право бытъ вздорными; ихъ слабосъ служипшь имъ доспапочнымъ извиненіемъ; онѣ неспособны къ равенспву нрава, кошорое у насъ происходишь опъ душевной силы. Она васъ очень любишь, я эшо знаю; но...

Между шѣмъ какъ онъ говорилъ, Графиня удалилась и оспавила насъ однихъ.

— Феликсъ! говорилъ онъ мнѣ шихо, смопря на жену, кошорая съ дѣшми подходила къ зѣмку, я не знаю, чшо происходишь въ душѣ Г-жи де Морсофъ; но вошь уже шесъ недѣль, какъ харакшеръ ея совершенно измѣнился. Она, прежде споль кропкая,

споль преданная, спала шеперь совершенно несносна.

Минеша, горничная Графини, сообщила мнѣ послѣ, что она предалась мрачному унынію, копорое дѣлало ее совершенно нечувствительною къ нападеніямъ Г-на де Морсофъ. Не находя въ ней никакого сопротивленія, Графъ спалъ безпокоишься, какъ дитя, когда оно видипъ, что насѣкомое, копорое онъ мучиль, лежишь безъ движенія. Въ эту минушу онъ чувствоваль необходимость въ повѣренномъ.

— Попробуйте, продолжалъ онъ, пораспросить Г-жу де Морсофъ. Женщины всегда шаяшся опъ мужей; вамъ, можешь бышь, она повѣришь причину своей горести. Я опдалъ бы половину моей жизни, половину моего имѣнія, пожертвоваль бы всѣмъ, полько бы она была счастлива. Она шакъ необходима для меня! Если въ старости не будешъ возлѣ меня этого ангела, я буду несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Я желаль бы умереть спокойно. Скажите ей, что ужъ не долго ей переносишь мои причуды.

Да, Феликсъ, мой бѣдный другъ, мнѣ не много остаеяся жипъ: я это чувствую. Я скрываю опъ своихъ роковую испину. Зачѣмъ огорчапъ ихъ прежде времени? Наконецъ я узналъ причину моей болѣзни. Излишняя чувствивпельность убиваетъ меня. Не смѣйпесь, Феликсъ: ничто не можетъ быть справедливѣе. Посмотрите на мое желшое лице, на мои сухіе и блестящіе глаза, на худобу. Я сохну. Чшо дѣлапъ! Я принесъ изъ эмиграціи первый зародышъ болѣзни. Бракъ мой довершилъ мое распройсво. Чшо я нашель въ немъ? Вѣчныя безпокойсва о здоровѣ дѣпей, семейныя огорченія, заботы объ улучшеніи соспоянія, необходимость ограничить домашніе расходы и осудить жену на тысячу лишеній; а мнѣ это было больнѣе, чѣмъ ей. Наконецъ я однимъ вамъ полько могу повѣрипъ самую пайную гѣрестъ: Бланка ангель, но она не понимаепъ меня. Прибавыше къ этому людей моихъ, кошорые глупы какъ ослы и никогда не заботяпся о томъ, чшобы угодипъ мнѣ. Когда мое соспояніе поправилося, тогда у меня стало меньше заботъ; но дѣло было уже

сдѣлано; все существо мое распроилось; потомъ пришла эта болѣзнь, копорую докторъ лечиль совсѣмъ наизворопгь. Словомъ, мнѣ оспаешся жишь много шесть мѣсяцевъ.

Я слушалъ Графа съ ужасомъ. При первомъ взглядѣ на его жену меня поразиль сухой блескъ ея глазъ и блѣдно-желтый цвѣтъ лба. Дѣлая видъ, что слушаю Графа съ возможнымъ участіемъ, я увель его къ дому, чтобы видѣть Генріешу и наблюдать за нею.

Она сидѣла въ залѣ, слушала урокъ изъ Матемашики, копорый бралъ Жакъ у Аббаша Доминика, и показывала Магдалинѣ узоръ на канвѣ. Прежде, въ день моего пріѣзда, она умѣла опкладывать всѣ свои заняшя, чтобы бышь со мной; но печаль моя йсчезла передъ сильнымъ безпокойствомъ, при видѣ перемѣны, копорая произошла на ея небесномъ лицѣ. Мнѣ казалось, на меня подуло могильное дыханіе смерти. Пошомъ, когда глаза ея, прежде блестящяе, а шеперь совершенно лишенные своего огня, обратились на меня, я содрогнулся. Морщины, копорыя въ послѣдній мой прі-

ѣздъ едва были замѣшны, шеперь покрыли все чело; синія вѣки впади и горѣли; глаза вдавились подъ брови и обозначались чернымъ кругомъ; она походила на плодъ, копорый почишь внупренній червь. И я, копорого все честолубіе соспояло въ шомъ, чшобы проливашь счастье на ея жизнь, я возмушилъ, опправилъ эшомъ чистый испочникъ. Я сѣлъ возлѣ нее и сказалъ: «Довольны ли вы вашимъ здоровьемъ?» Въ голосъ моему звучало раскаяніе.

— Да, опшвѣчала она, успремивъ на меня свой взоръ. Вопшь мое здоровье, опшвѣчала она, указывая на дѣшей. Магдалина счастливо заплашила послѣдній долгъ природѣ; она совершенно развилась, выросла; на смуглыхъ щекахъ ея цвѣли розы; она потеряла беззаботную веселость дѣшества; ея движенія сдѣлались медленны и рѣдки, какъ у маперы; черные волосы ея были щачапельно приглажены на лбу. Она походила на шѣхъ хорошенькихъ спашуй среднихъ вѣковъ, копорыхъ форма такъ нѣжна, чшо, любуясь ими, боишься, чшобы онѣ не изломались. Да, она будепть жишь. Богъ опредѣлилъ жишь эшому

роскошному плоду прелестнѣйшаго цвѣтка. Это хорошенькая брюнетка, спройная какъ шополь, предсавляла разительную прошивоположность съ Жакомъ, которому было уже семнадцатъ лѣтъ. Голова его была несо-размѣрно велика, лобъ успрашалъ своимъ быспрымъ развиіемъ, глаза его были мушны, пламенѣли какъ въ горячкѣ; голосъ имѣлъ странннй звукъ; онъ былъ слишкомъ полонъ мыслей души; умъ Генріешы подавилъ въ немъ слишкомъ слабое шѣло; цвѣтъ лица его, бѣ-лый, какъ молоко, съ пламеннымъ обманчи-вымъ румянцемъ, показывалъ жершву, обре-ченную въ опредѣленное время чахошкѣ. По-смошрѣвъ на Жака, которнй черпилъ гео-мешрическія фигуры возлѣ Аббапа, я со-дрогнулся, видя на немъ смерть, сокрышую подъ цвѣтами; но, уважая заблужденіе мате-ри, скрылъ свое смущеніе.

— Когда я смотрю на эшихъ дѣшей, радость заглушаетъ мои спраданія. Подоб-нымъ образомъ я не чувшвую собшвеннаго горя, когда онѣ бываюшъ больны. Другъ мой! говорила мнѣ Генріеша со взоромъ, въ

кошоромъ блиспала материнская любовь, если всякая земная привязанность обманывается насъ, шо по крайней мѣрѣ обязанности, кошорыя мы выполнили, и наклоности позволенные всегда съ избыткомъ вознаграждаются. Жакъ будешъ подобно вамъ, человекомъ опличной образованности, высокихъ правилъ; подочно вамъ, онъ сдѣлаешъ честь своему опечеству; можешъ быть, онъ будешъ управлять имъ съ вашей помощію; шолько я постараюсь, чшобы онъ осшался вѣренъ своей первой привязанности. Магдалина, милое созданіе, показываешъ уже высокую душу. Она чиста, какъ снѣгъ Альпійскихъ горъ; она будешъ соединяшъ преданность женщины съ ея милымъ остроуміемъ; она горда и будешъ доспойна имени Ленокуровъ. Мать, прежде шполь доспойная сожалѣнія, шеперь невыразимо счастлива, и счастье ея безпредѣльно, чисто, совершенно. Да, жизнь моя полна, жизнь моя богата. Вы видите, Богъ благословилъ мои законныя привязанности и исполнилъ горечи сердце, кошорое спремилось къ пагубной спрасши.

— Прекрасно! вскричалъ обрадованный Аббашъ. Прекрасно! Г. Виконшъ знаешь шакъ хорошо, какъ я желалъ того....

Доканчивая изъясненіе, Жакъ шихо кашлянулъ.

— Довольно, любезный Аббашъ, сказала вспревоженной машь, довольно, и особливо сегодня не нужно ему давашь урока изъ Химіи. Поди, Жакъ, прогуляйся верхомъ, говорила она, обнимая сына съ ласковостію и достоинствомъ матери; поди, душенька, и будь оспорожень.

— Но, сказалъ я, между пѣмъ какъ она провожала взорами сына, вы еще не опвѣчали мнѣ, чувствуеете ли вы какую-нибудь боль?

— Да, иногда въ желудкѣ.

— Маленька очень страдаетъ и часто, сказала Магдалина.

— Какъ! вскричала Генріета, васъ занимаешъ мое здоровье?

Магдалина, удивленная глубокою ироніею, съ копорою были произнесены эпи слова, смотрѣла на насъ попеременно; я

считалъ глазами цвѣшки на сѣрой мебели залы.

— Это невыносимо, шепнулъ я ей.

— Я ли виновата въ этомъ? спросила она меня. Другъ мой! прибавила она громко, съ жесткою веселостью, подъ которой женщины умѣютъ скрывать свое мщеніе, развѣ вы не знаете новѣйшей Исторіи? Франція и Англія въ вѣчной, непримиримой враждѣ. Магдалина знаешь это; она знаетъ, что ихъ раздѣляетъ необозримое, вѣчно-бурное, холодное море.

Мой человекъ пріѣхалъ тогда съ нѣскопырыми вещами, и я, не отвѣчая ей, пошелъ въ мою комнату.

— Феликсъ! сказала мнѣ въ слѣдъ Генріета, не ошибитесь. Комнату пестушки занимаетъ теперь Магдалина, а ваша надъ комнатою Г. де Морсофа.

Я былъ виноватъ конечно; но должно было не имѣть сердца, чтобы не быть чувствительнымъ къ словамъ, которыя поражали меня, подобно кинжалу.

Нравственные страданія всегда соразмѣрны съ нѣжностію души; Графиня испытала

ихъ во всей силѣ; по этой же причинѣ лучшая изъ женщинъ оказывалась шѣмъ болѣе жестокою, чѣмъ она была добрѣе. И посмотрилъ на нее; она опустила голову. Я пошелъ въ свою новую комнату. Она была зеленая и очень красива. Тамъ я бросился на спудь и горько плакалъ. Генриета услышала мои слезы и принесла мнѣ букетъ цвѣтовъ.

— Генриета! сказалъ я, неужели вы никогда не простите меня?

— Не называйте меня Генриетою, сказала она. Бѣдной Генриеты нѣтъ на свѣтѣ. Вамъ оспалась Г-жа де Морсофъ—вашъ вѣрный, преданный другъ, Феликсъ! Но мы будемъ говорить послѣ. Если вы еще меня любите, дайте мнѣ привыкнуть васъ видѣть. Когда ваши слова будутъ менѣе превозносить мое сердце, когда я соберусь нѣсколько съ силами, тогда, тогда... Посмотрите на нашу долину, сказала она; мнѣ больно смотреть на нее, но я все люблю ее.

— Проклятіе на Англію и ея женщинъ Я подаю въ опспавку, и умру здѣсь, или получу прощеніе.

— Нѣтъ! любите эту женщину. Генриетта болѣе нѣтъ; это не шушки; вы скоро это узнаете.

Это слово показывало глубину ея сраданій. Она пошла, но я остановилъ ее и сказалъ: «И такъ вы меня болѣе не любите?»

— Вы мнѣ сдѣлали болѣе зла, нежели всѣ люди вмѣстѣ. Теперь я не такъ спрадаю; поэтому я менѣе люблю. Будьте благо-разумны, не умножайте моей горести.

Она опняла свою руку, кошорая лежала въ моей, и исчезла съ быспропою спрѣлы въ корридорѣ. Во время обѣда Графъ заснавилъ меня вытерпѣшь наспоющую пышку.

— Маркиза Додлей не въ Парижѣ? спросилъ онъ.

Я весь покраснѣлъ и отвѣчалъ ему: Нѣтъ.

— Ее нѣтъ также и въ Турѣ, продолжалъ Графъ.

— Она не въ разводѣ съ мужемъ; она можетъ возвратиться въ Англию. Ея мужъ

былъ бы очень счастливъ, если бы она эпо сдѣлала.

— Есть ли у нее дѣти? спросила Г-жа де Морсофъ дрожащимъ голосомъ.

— Да, два сына.

— Гдѣ же они?

— Въ Англии, съ опцемъ.

— Ну, Феликсъ, будьте опкровенны: шакъ ли она хороша, какъ говоряшь?

— Можете ли вы объ эпомъ спрашивать? вскричала Графиня.

— А, Феликсъ! вы пресчастливый плушь Въ молодости я, Богъ знаетъ, какъ бы гордился шакою побѣдою....

— Довольно, сказала Графиня де Морсофъ, показывая взглядомъ на Магдалину.

— И, полно, душенька, вѣдь я не ребенокъ, сказалъ Графъ, копорый находилъ удовольствіе въ воспоминаніи о своей молодости.

Когда мы вышли изъ-за спола, Графиня увела меня на перрасу.

— Какъ! неужели есть женщины, сказала она, копорья могутъ оставить дѣтей своихъ для чего бы то ни было? Богашество,

свѣпшь, все—я понимаю эпо. Но дѣпей! покинуть дѣпей!

— Да, и онѣ желали бы имѣть еще болѣе, чшобы еще болѣе жерпивовашь.

Эпо была минупа, въ которую всѣ поняпшя Графини смѣшались. Пораженная возможностью пакой необыкновенной жерпшвы, не понимая, чшобъ можно было вознаградишь ее, она стояла какъ осполбенѣлая. Спрапшное сомнѣнше закралось въ ея душу, но эпо было минупное паденше; она вспала, споль же высокая, споль же чиспая, какъ прежде; чело ея сшало болѣе прежняго.

— Любише же ее, Феликсъ! говорила она со слезами на глазахъ; она будетъ моею счашпливою сеспрою. Я прощаю ей все, чшо она мнѣ сдѣлала, если она сдѣлаешъ васъ счашпливѣе, нежели я. Вы правы; я никогда не говорила вамъ, чшо я васъ любила и никогда не любила васъ пакаимъ образомъ. Но можно ли, чшобы она была способна къ какой-нибудь привязанности, если она не любитъ дѣпей своихъ?

— Чиспая, ангельская душа! Если бы я былъ спокойнѣе, я бы изъяснилъ тебѣ, чшо

ты споль же превышаешь ее, какъ небо превышаетъ землю; что она дочь земли, падшаго племени, а ты дщерь неба, ангель, доспойный обожанія. Она знаетъ это, она опъ этого въ опчаніи; чтобы бышь на швоемъ мѣспѣ, она вышерпѣла бы всѣ возможныя мученія. Но это не возможно. Тебѣ я посвятилъ мою душу, мысли, свяшую любовь, всю жизнь; ей воспорги и упоеніе скоропреходящей спрасни; тебѣ вѣчное, живое воспоминаніе; ей—глубокое, вѣчное забвеніе.

— Скажите, скажите, повпорите мнѣ это еще разъ, другъ мой! Она сѣла на лавку и горько зарыдала. И такъ добродѣтель, Феликсъ, чистота жизни, машеринская любовь не мечша. О, пролейте этошъ бальзамъ на мое сердце! Повпорите слова, которыя восхищаютъ меня до небесъ, куда бы я желала лепѣшь вмѣстѣ съ вами! Благословите меня взоромъ, свяшымъ взоромъ, и я прощу вамъ все, что шерпѣла въ эти два мѣсяца.

— Генріета! сказалъ я, ты одна любимица души моей. Она это знаетъ; я никогда

не обѣщаль ей ничего, и имѣю всѣ права ее оставишь.

— И тогда...

— Она сказала мнѣ, что убьешь себя, ошвѣчалъ я, думая, что это удивитъ Генріешу; но она улыбнулась съ такимъ презрительнымъ видомъ, что никакое слово не могло бы быть выразительнѣе этой улыбки.

— Да, я слишкомъ много надѣялась на васъ, ошвѣчала она. Все кончено. Я много обязана вамъ, другъ мой; вы отвлекли мысли мои отъ этой бременной, земной жизни. Самая трудная часть пути совершена; лѣта проходятъ; вотъ я уже спановлюсь больна и спара; тогда уже я не буду для васъ блестящей волшебницей, которая проливали радости на жизнь вашу. Будьте вѣрны леди Арабеллѣ. А Магдалина, которую я съ такимъ стараніемъ для васъ восхваляла, кому она доспанется? Бѣдная Магдалина, бѣдная Магдалина! Если бы вы слышали, когда она мнѣ говорила: «Маменька! вы не хорошо поступаете съ Феликсомъ.» Милочка!

Она обратила на меня свои взоры, проникнувшая жалоспїю къ нашему разбитому счастїю, углубилась въ нашу чистую прошедшую любовь и опять соединилась со мною въ мечтахъ. Мы перебирали по одному воспоминанїя; взоры наши переходили опть долины къ виноградникамъ, опть Клошгурда къ Фрапелю. Эта минуша, великая для обоихъ, погрузила насъ въ глубокую меланхолїю. Она повѣрила словамъ моимъ и увидѣла себя тамъ, куда я ее спавиль, въ небесахъ.

— Другъ мой! говорила она, я выполняю шолько волю Бога.

Послѣ я понялъ глубокое значенїе этихъ словъ. Мы медленно пошли на шеррассу; она оперлась на мою руку. Нашъ разговоръ раскрылъ раны ея сердца и вмѣспѣ принесь облегченїе.

— Такова человѣческая жизнь, говорила она. Чѣмъ заслужилъ Г. де Морсофъ судьбу свою? Не есть ли это доказательство лучшей жизни? Горе шѣмъ, которые жалѣюшь, что ходили по прямой спезѣ!

Тогда она спала шакъ вѣрно оцѣняшь жизнь, разсмапривашъ ее шакъ глубоко въ

ея различныхъ видахъ, что я понялъ, почему она внушала ей отвращеніе. На крыльцѣ она оставила мою руку, и уходя, говорила: Богъ вложилъ въ насъ чувство и желаніе счастья; Онъ вознаградитъ ихъ, которые нашли однѣ горести въ жизни. Это должно быть такъ, это есть.

Когда пришелъ Г. де Морсофъ, она, которая никогда не говорила о своихъ болѣзняхъ, жаловалась на нездоровье. Я умолялъ ее сказать мнѣ, чѣмъ она страдаетъ; но она не захотѣла объяснять, и ушла въ спальню, оставя меня въ жертву угрызеніямъ.

Магдалина сказала мнѣ на другой день, что потрясенія того дня произвели въ Графинѣ сильную рвоту.

И такъ я, который съ воспоргомъ опдалъ бы ей свою жизнь, я убивалъ ее. Въ продолженіе цѣлой недѣли я терпѣлъ опъ всего страшное мученіе; все поражало мое сердце и самолюбіе. Должно испытать счастье—быть средопочіемъ всего, чтобы постигнуть ужасъ пуспоты и ничтожества. Все оставалось по прежнему; но духъ, оживлявшій

всѣ предметы, угасъ. Я понялъ ужасную необходимость разлуки для любившихся, когда исчезнетъ любовь. Обратитесь въ ничто тамъ, гдѣ прежде царствовалъ! Найши могильное молчаніе тамъ, гдѣ блисшали радоспные лучи жизни! Эпо убійсшвенно! Скоро я спалъ жалѣшь о груспныхъ дняхъ моего дѣшсшва, когда я не имѣлъ поняшїа о счаспїи. Опчаяніе мое было шаѣь сильно, чпо сама Графиня была пронута.

Однажды мы прогуливались всѣ по берегу рѣки; я сдѣлалъ послѣднее усиліе, чшобы получишь прощеніе. Жакъ, по моей просьбѣ, увелъ сеспру впередъ; я подошелъ къ Госпожѣ де Морсофъ. Генріена! скажите, ради самага неба, одно слово, или я брошусь въ Индру. Я виновашъ, эпо правда; но не похожъ ли на вѣрную собаку, подобно которой я возвращаюсь къ своему господину? Ее наказываютъ, и она ликишь руку, копорая ее бьешъ. Накажите меня, но возвратите мнѣ ваше сердце.

— Бѣдняжка! вы всегда останешесь моимъ сыномъ.

Она взяла мою руку, догнала дѣшей и возврапилась въ Клошгурдь, оставя меня съ Г. де Морсофъ.

— Пойдемте и мы домой, сказалъ я. У васъ голова не покрыва; а холодная вечерняя роса можешъ повредитъ вашему здоровью.

— Вы жалѣете обо мнѣ, любезный Феликсъ! опвѣчалъ онъ, не подозрѣвая настоящей причины моихъ словъ.

Мы пришли въ залу. Графиня полковала Жаку правила прикпрака.

— Вопшь, сказалъ Графъ, копорый завидовалъ дѣшамъ въ любви Графини, вопшь 'для кого меня всегда покидаюшь. Мужья всегда заброшены, Феликсъ! Самая добродѣтельная женщина найдешъ какой-нибудь предлогъ уменьшитъ ихъ законную частъ.

Она продолжала молча ласкать Жака.

— Жакъ! сказалъ онъ, поди ко мнѣ.

Жакъ оставался въ нерѣшимости.

— Опець зовешъ тебя, сынъ мой! Поди къ нему, сказала мать.

— Они любяшь меня шолько по приказанію, подхвапиль спарикъ, копорый иногда хорошо понималъ свое положеніе.

— Сударь! говорила Графиня, глядя по головѣ Магдалину, будыше справедливы къ бѣднымъ женщинамъ. Жизнь для нихъ бываетъ часпо очень шяжела; можешъ бышь, дѣши сосшавляющъ добродѣшель ихъ мапери.

— Ты хочешъ сказашь, милая, чпо если бы у нихъ не было дѣшей, такъ онѣ не были бы хорошими женами и оставили бы мужей, опвѣчалъ Графъ, кошорый въ первый разъ въ жизни вздумалъ разсуждашь по правиламъ Логики. . . .

Графиня быспро вспала и увела Маргариту на перрасу.

— Вопъ бракъ, Феликсъ! говорилъ Графъ. Не думаете ли вы, чпо я говорю вздоръ? вскричалъ онъ, схвапивъ за руки Жака. Выходя на лѣспницу, гдѣ стояла жена, онъ бросалъ на нее яросшные взгляды.

— Напрошивъ, сударь, вы испугали меня. Ваше разсужденіе для меня невыразимо больно, говорила она глухимъ голосомъ, бросивъ на меня взглядъ пресшупницы. Если добродѣшель не значипъ жертвовашъ собой для дѣшей и мужа, чпо же такое добродѣшель?

— Жертвоваться! подхватилъ Г. де Морсофъ, ударяя каждымъ словомъ въ сердце своей жертвы. Чѣмъ же вы жертвуете дѣшьямъ? Чѣмъ же вы жертвуете мнѣ? Что такое здѣсь происходитъ? Чпо это значить?

— Сударь! отвѣчала она, развѣ вамъ лучше быть любимымъ изъ любви къ Богу, или считатьъ жену вашу добродѣтельною изъ любви къ добродѣтели?

— Графиня права, подхватилъ я дрожащимъ голосомъ, который пошрясь всѣмъ струны эпихъ двухъ сердець, передъ которыми я бросилъ мои, навсегда потерянные надежды, который я успокоилъ выраженіемъ жесточайшей скорби. Глухой вопль моего сердца упустилъ ссору, подобно какъ все умолкаетъ, когда раздастся ревъ льва. Да, прекраснѣйшее преимущество нашего разсудка состоитъ въ томъ, что мы можемъ относить наши добродѣтели къ существамъ, которыхъ счастье есть наше дѣло и которыхъ мы дѣлаемъ счастливыми не по расчёту, не по обязанности, но по безконечной произвольной привязанности. Тупъ въ глазахъ Генриеты блеснула слеза.

— Любезный Графъ! если бы женщина неволью находилась подъ властію какого-нибудь чувства, различнаго отъ шѣхъ, копорья вмѣняешь ей въ обязанность обществу, согласишься, что чѣмъ сильнѣе это чувство, тѣмъ добродѣтельнѣе она поступаетъ, жертвуя собой дѣляясь, мужу. Это не можетъ относиться ни ко мнѣ, копорый, къ несчастію, предспавляетъ примѣръ совсѣмъ пропивнаго, ни къ вамъ...

Графиня положила ко мнѣ на руку свою влажную и вмѣспѣ горячую руку, и тихо сжала ее въ молчаніи.

— Вы имѣете прекрасную душу, Феликсъ! сказала Г. де Морсофъ, копорый обвинилъ рукою спанъ жены своей и припащилъ ее къ себѣ, говоря: Проспи, милая, бѣдному больному, копорый конечно бы желалъ бытъ болѣе любимымъ, нежели онъ заслуживаетъ.

— Еспѣ сердца, копорья преисполнены великодушія, отвѣчала она, кладя голову на плечо мужа, копорый принялъ это на свой счетъ. Эта ошибка произвела какой-то препеть въ Графинѣ; гребень выпалъ у нее изъ головы, волосы расшрепались по плечамъ

она поблѣднѣла. Графъ де Морсофъ, копорый ее поддерживалъ, видя ее безъ чувствъ, испустилъ вопль, похожій на ревъ звѣря. Онъ схватилъ ее, какъ ребенка, и положилъ на каначе въ залъ; тамъ мы всѣ ее окружили. Генриета оставила свою руку въ моей, какъ бы желая тѣмъ показать, что одни мы только имѣли ключъ къ этой сценѣ, споль проспой по наружности и раздирающей сердца тѣхъ, кто постигалъ ея тайныя причины.

Г. де Морсофъ пошелъ за спаканомъ по меранцевой воды. Тогда Графиня мнѣ сказала: «Я много виновата передъ вами. Въспомо того, чтобы огорчать, я должна бы благодарить васъ. Милый! вы добры, такъ добры, что я одна только могу оцѣнить это вполне. Да, я знаю, есть доброта, которая бываетъ внушена намъ спраспю. Одни добры отъ презрѣнiя къ другимъ, другiе по расчетамъ, по уваженiю, по безопасности характера; но вы, другъ мой, вы добры совершенно.

— Въ такомъ случаѣ вы должны знать, что все 'доброе во мнѣ происходитъ отъ

вась. Развѣ вы забыли, что я ваше созданіе?

— Этого слова достапочно для счастья женщины, опвѣчала она. Въ эту минупу вошелъ Г. де Морсофъ. Мнѣ лучше, сказала она, вспавая; мнѣ нуженъ воздухъ.

Мы вышли на перрасу, гдѣ цвѣтуція акаціи разливали благоуханіе. Она взяла мою правую руку и прижимала ее къ сердцу, выражая эшимъ пысячу груспныхъ мыслей; но она любила грусть, говорила она. Она хопѣла оспаться одна со мною, но ея воображеніе, неприученное къ женскимъ хипроспямъ, не предспавляло ей никакого предлога опослать мужа и дѣшей. Мы разговаривали о различныхъ предметахъ; между шѣмъ она выискивала минупу, чтобы излить душу свою въ мою.

— Я шакъ давно не ѣздила, сказала она, плѣненная красопою вечера. Прикажише, сударь, пожалуйспа заложинь коляску.

Два удара колокола возвѣспили часть молитвы. Графиня вздрогнула.

— Что съ вами, милая Генріета?

— Генріета болѣе не существуетъ, отвѣчала она. Не оживляйте ее; она была своеправная, взыскашельная; теперь вы имѣете друга крошкаго, спокойнаго. Добродѣтель ея утверждена словами, которыя внушило вамъ само Небо. Послѣ мы поговоримъ объ эпомъ. Не забудьте присутствовать при моливѣ. Сегодня моя очередь ее читать. Произнося слова, въ которыхъ она испрашивала опъ Бога помощи противъ искушеній міра, она придала имъ выраженіе, которое поразило не одного меня. Казалось, въ эту минуту она предвидѣла, посредствомъ своего дара, страшное потрясеніе, которое произвела въ ней моя забывчивость и неоспорожность.

— Мы успѣемъ еще сыграть партію до шѣхъ поръ, пока заложимъ лошадей, говорилъ Г. де Морсофъ, уводя меня въ залу. Вы поѣдете капаться съ женою, а я лягу спать.

По обыкновенію, наша партія была очень бурная. Изъ своей комнаты Графиня услышала голосъ мужа.

— Вы страннымъ образомъ употребляете во зло гостепрѣимство, сказала она Графу, возвращаясь въ залу.

Я посмотрилъ на нее, и былъ пораженъ удивленіемъ; я еще не привыкъ къ ея суровости; прежде она ни за что не спала бы защищать меня отъ деспотизма Графа. Ей нравилось, что я раздѣлялъ съ нею спраданія и переносилъ ихъ съ терпѣніемъ.

Я бы отдалъ жизнь мою за то, что бы вы еще разъ шепнули мнѣ: *Бѣдняжка, бѣдняжка!*

— Она вспомнила обспояшельствѣ, на которѣе я намекалъ, и опустила глаза; взоръ ея слѣдовалъ за мной и выражалъ радость женщины, которая видитъ, какъ предпочитаютъ самые легкіе звуки ея сердца глубокому упоенію другой страсти. И всякій разъ, когда она меня понимала, я прощалъ ей за это ея обиду. Г. де Мурсофъ все проигрывалъ, и пошому скоро оставилъ паршію, жалуясь на усталость. Лишь только онъ насъ оставилъ, радость шакъ живо изобразилась на лицѣ моемъ, что Графиня невольнѣно бросила на меня удивленный и вмѣспѣ испытующій взоръ.

— Генріета сущесвуешъ, сказалъ я; вы еще меня любите; вы огорчаете меня, съ намѣреніемъ сокрушить мое сердце; я могу еще быть счастливымъ.

Она испугалась.

Во мнѣ оставалась еще часть женщины, а вы теперь ее уносите. Слава Богу! онъ даетъ мнѣ силу перенести заслуженное спраданіе. Да, я люблю васъ еще слишкомъ много; я была на шагъ опъ гибели. Участь Англичанки озарила разверстую передо мною пропасть.

Мы съли въ карету.

— Поѣзжай по дорогѣ въ Шипонъ, сказала она кучеру; ты ворошишься чрезъ Карломановы степи и дорогу Саше.

— Какой день у насъ нынче? спросилъ я ее съ живоспію.

— Суббота.

— Не ѣздите шамъ въ субботу вечеромъ, сударыня; въ эпопъ день дорога бываетъ вся загорожена шелъгами продавцевъ живности; мы встрѣшимъ ихъ на дорогѣ.

— Дѣлай, что я тебѣ приказываю, сказала она кучеру. Мы слишкомъ хорошо знали

звуки нашего голоса, чпобъ скрыть одинъ опъ другаго малѣйшее волненіе. Генріепа все поняла.

— Вы не думали о продавцахъ живности, сказала она съ легкимъ оппѣнкомъ насмѣшки. Леди Додлей въ Турѣ. Не знаете, она ждетъ васъ не далеко опсюда. Дѣлали ли вы прежде подобные вопросы, когда мы ѣздили?

— Это доказываешь, что я все забывалъ въ Клошгурдѣ.

— Она ждетъ васъ?

Да.

Въ какомъ часу?

Въ одиннадцать.

Гдѣ?

Въ спепи.

Не обманывайте меня: подъ орѣшникомъ.

— Въ спепи.

Мы поѣдемъ туда. Я ее увижу.

Слыша эти слова, я считалъ участь свою совершенно рѣшеною. Я рѣшался жениться на Леди Додлей, и окончивъ такимъ образомъ пляжку борьбу, которая угрожала мнѣ совершеннымъ испощеніемъ силъ и чувствительности. Мое мрачное молчаніе огорчало Графи-

ню. Я еще не понимала тогда всей высоты ее души.

— Не сердись на меня, говорила она мне своим золотым голосом; это, милый, мое наказание. Вы никому не будете так любимы, как вы любимы здесь, говорила она, кладя руку на сердце. Я призналась вам в этом. Маркиза Додлей спасла меня. Ей—заблужденія, я не завидую ей; мне—чистая любовь. Я пропекла неизмеримое пространство с вашего приезда. Я оцѣнила жизнь по достоинству. Чѣмъ возвышеннѣе душа, тѣмъ болѣе ей суждено спряться; чѣмъ болѣе вы приближаетесь къ совершенству, тѣмъ менѣе находите сочувствія. Вместо того, чтобы переплѣсть на землѣ, вы спрываете, возносясь къ небу, какъ орелъ, который паритъ подъ солнцемъ, унося спирѣлу, пущенную ему рукою пастуха. Я понимаю теперь, что земля и небо несовмѣстны. Да, кто хочетъ жить съ Богомъ и для Бога, долженъ отвергнуться земнаго, долженъ любить друзей, какъ любящъ дѣшей своихъ для нихъ, а не для себя: самолюбіе бываетъ всегда источникомъ спряться

нѣй и несчастій. Сердце мое вознесется выше орлинаго полета; памъ естъ любовь, копорая не обманетъ его. Что до земной жизни, она слишкомъ унижаетъ насъ, позволяя брашь верхъ чувственности надъ духовною природою Ангела. Наслажденія спраспи невыразимо бурны, влекутъ за собой изнуряющее безпокойство, копорое разрываетъ всѣ пружины души. Я дошла до берега эпого бурнаго моря, я видѣла его слишкомъ близко; часно шуманъ его спускался надо мною; его волны разбивались у ногъ моихъ; я чувствовала возлѣ самага сердца ихъ суровый холодъ; я должна была удалиться на высоту для того, чшобы близость необозримаго моря не погубила меня. Вы и всѣ, которые огорчили меня, тогда показались мнѣ хранищелями моей добродѣтели. Жизнь моя была исполнена огорченій и несчастій, соразмѣрныхъ съ моими силами; и такимъ образомъ сохранилась чистою опть спраспей, опть губительнаго покоя. Она всегда была готова на жершву Богу. Привязанность наша была безразсудная попышка двухъ просподушныхъ дѣшей, копорыя желали удовле-

шворить и своему сердцу, и людей, и Бога. Безумная мысль, Феликс!... Какъ она называетъ васъ? сказала она, помолчавъ.

— Амеевъ, отвѣчалъ я. Феликсъ есть существо совсѣмъ особеннаго рода, которое принадлежитъ вамъ однѣмъ.

— Генриетъ прудно умираешь, сказала она съ крошкою улыбкою. Но она умрешь при первомъ усилии смиренной Христіанки, гордой матери, женщины, сегодня слабой, завтра твердой. Вся жизнь моя была одинакова. Сердце, къ кошорому должны были привиться первые корни моей любви, сердце матери моей закрылось для меня, не смотря на всѣ мои усилія. Я родилась по смерти прехъ мальчиковъ, и напрасно покушалась занять ихъ мѣсто въ сердцѣ родителей; я не излечила раны, нанесенной фамильной гордости. Смерть рано похитила у меня мою неосѣненную пепушку. Г. де Морсофъ, кошорому я посвятила жизнь свою, безпрестанно поражалъ меня, самъ того не понимая. Бѣдняжка, я всегда прощала ему. Дѣти мои, мои милыя дѣти, моя плоть, душа моя, самыя дѣти, кажешся, даны мнѣ были для того,

чтобы показать, сколько силы, терпѣнія заключаетъ сердце матери. Вы знаете, какъ я спрдала за нихъ. Славъ матерью, я купила право на вѣчное спрданіе. Когда Агарь возопила въ пустынь, Ангелъ указалъ ей чистый источникъ; но источникъ, къ которому вы обѣщали привести меня, напоилъ меня горечью. Да, вы заставили меня преспѣшь невыразимыя спрданія. Конечно, Богъ преспѣшпой, которая узнала только однѣ спрданія любви. Онъ справедливъ. Да, Феликсъ, можетъ быть, поцѣлуй, который я нѣкогда напечатлѣла на челѣ вашемъ, былъ уже преступленіе. Можетъ быть, слѣдуетъ плашить дорогою цѣною за шаги, которые, прогуливаясь вечеромъ, я дѣлала впередъ дѣшей и мужа, чтобы предаваться на свободѣ мечтамъ и мыслямъ, которые не имъ принадлежали. Когда женщина наклоняется, чтобы поцѣлуй мужа коснулся волосъ, а не чела, на которомъ еще горитъ другой поцѣлуй, это уже преступленіе. Преступленіе созидать себѣ будущее на смерти другаго; преступленіе воображать себѣ въ будущемъ семейное блаженство, прекрасныхъ дѣшей, играющихъ

вечеромъ съ обожаемымъ опцемъ передъ глазами счастливой матери. Да, я согрѣшила, я много согрѣшила. Мнѣ было пріятно покаяніе, возлагаемое на меня церковью, но оно не выкупило эпихъ грѣховъ; для меня священникъ былъ слишкомъ снисходителенъ. Богъ опредѣлилъ наказаніе въ самыхъ пресуупленіяхъ, поручая мщеніе тому, для кого ихъ совершали. Дать свои волосы, не значило ли обручиться съ вами? Для чего я шакъ любила надѣвать бѣлое платье? Мнѣ казалось, что погда я почно была вашей лиліею. Въ первый разъ вы увидѣли меня въ бѣломъ платьѣ. Увы! я менѣе любила дѣшей моихъ. Всякая живая привязанность опнимаешь что-нибудь у привязанностей законныхъ. Вы видите, Феликсъ, всякое спрданіе имѣетъ свою значительность. Поражайте, поражайте меня еще сильнѣе, еще чувствительнѣе, нежели Г. де Морсофъ и мои дѣти. Эша женщина есть орудіе Божескаго гнѣва; я подойду къ ней безъ ненависпи; я спану улыбаюсь ей, какъ Христіанка, супруга, мать; я должна любить ее. И она не должна ненавидѣть меня.

Женщина любить мать возлюбленного; а я разве не мать ваша? Что хопѣла я имѣть въ вашемъ сердцѣ? Мѣсто, оставленное Г-жею де Ванденесъ. Простите мнѣ упреки, копорыми я васъ встрѣшила: мать должна радоваться, видя сына такъ любимымъ.

Сказавъ это, она положила голову ко мнѣ на грудь и глухо повпоряла: Простите, простите! Тогда я услышала новые для меня звуки. Эти звуки не были ни радостный голосъ молодой дѣвушки, ни повелительный голосъ женщины; но вздохи спраждающей матери. Это былъ новый голосъ для новый горести.

— Что касается до васъ, Феликсъ, продолжала она, оживляясь болѣе и болѣе, вы, мой другъ, вы не могли поступать худо. Ахъ! вы ничего не потеряли въ моемъ сердцѣ, вы не должны ни въ чемъ себя упрекать. Я навсегда останусь вашей нѣжнѣйшею сестрою. Только, Феликсъ, сдѣлайте и вы, чтобы я не одна любила своего избраннаго брата. Любите и вы меня. Любовь сестры не имѣетъ ни дурныхъ дней, ни трудныхъ минутъ. Вамъ не нужно будетъ лгать снисходительной сестрѣ, которая будетъ жить

вашей прекрасной жизнию, будетъ раздѣлять ваши горести, радоваться вашей радости, любить женщинъ, которыхъ васъ сдѣлаюшь счастливымъ, и негодовать на измѣну. У меня нѣтъ брата, котораго бы я могла любить такъ. Будьте столько велики, чтобы отбросить самолюбіе и перемѣнить нашу невѣрную и бурную привязанность въ эту свящую и тихую любовь. Такъ, я могу еще жить. Я первая подамъ руку леди Додлей.

Произнося эти слова, полныя горькаго опыта, срывая послѣдній покровъ, который скрывалъ ея душу и ея горести, она показывала мнѣ, какъ крѣпко она была ко мнѣ привязана и какіе твердые узлы я разрывалъ. Мы были въ такомъ волненіи, что не замѣчали, какъ лился на насъ дождь.

Въ половинѣ дороги къ степямъ, я услышала лай любимой собаки Арабеллы. Въ ту же минуту лошадь перескочила однимъ разомъ дорогу и ровъ, и леди Додлей остановилась у дороги, ожидая коляску.

— Какъ пріятно ждешь такъ любезнаго, когда можно это сдѣлать безъ пресупленія! сказала Генриета.

Лай собаки даль знашь Арабеллѣ, что я былъ въ каретѣ; она думала, что я прѣхалъ за ней. Когда коляска подѣхала къ мѣсту, гдѣ находилась Маркиза, она примчалась на край дороги съ свойспвеннымъ ей искусствомъ, которое удивило Гевриету. Изъ ребячества, Арабелла произносила только послѣдній слогъ моего имени, выговаривая его Англійскимъ произношеніемъ, что въ ушахъ ея имѣло какую-то волшебную прелесть. Я одинъ могъ понять ее, когда она звала: *My Dee*.

— Это онъ, сударыня, отвѣчала Графиня, разсмапривая при свѣплыхъ лучахъ луны странное созданіе, котораго неперпѣливое лице было полузакрыто распусившимися локонами.

Англичанка узнала свою соперницу, и славно поддержала честь своей націи; она бросила на насъ презрительный взоръ и исчезла въ степи съ быстрою стрѣлою.

— Скорѣе въ Клошгурдъ! закричала Графиня. Для нее эпитъ взглядъ былъ ударомъ кинжала въ сердце.

Тупѣ мы услышали галопъ Арабеллиной лошади и лай собаки. Она удаляется; вы навсегда потеряете ее, сказала Генриета.

— Пускай: я не буду сожалѣть объ ней.

— О, бѣдныя женщины! вскричала Графиня, выражая ужасъ, соединенный съ сожалѣніемъ. Но куда же она ѣдетъ?

— Въ Гренадьеру, маленькой домикъ возлѣ Сен-Сира. Когда мы въѣзжали въ аллею, ведущую къ Клошгурду, собака Арабеллы опять радостно залаяла, подбѣгая къ коляскѣ.

— Она насъ опередила, вскричала Графиня. Я никогда не видывала прекраснѣйшей женщины, продолжала она, помолчавъ. Какая рука! Какой станъ! Цвѣтъ лица ея можешь спорить съ лиліей, а глаза блестятъ какъ брилліанты. Но она слишкомъ хорошо ѣздитъ верхомъ. Она должна бытъ дѣятельна и самовластна. Какъ смѣло она показываетъ презрѣніе къ приличіямъ! Женщина, которая не признаетъ никакихъ законовъ, скоро будетъ повиноваться только своимъ прихотямъ. Кипо шакъ любитъ движеніе, блескъ, неспособенъ въ постоянству. По моимъ

поняшямъ, для любви нужно болѣе спокойствія. Но, можешъ бышь, она измѣняется по различію характеровъ. Каждая душа любитъ по своему. Маркиза есть женщина съ душою швердою, копорая помышляетъ и дѣйшвуешъ какъ мущина, копорая способна освободить своего любезнаго изъ неволи, убишь спражей и палачей, тогда какъ другія умѣютъ только любить всею душою, а въ минушу опасносипи спановятся на колѣна, моляпся и умираютъ. Копорая изъ эпихъ двухъ женщинъ вамъ болѣе нравилпся? Но Маркиза васъ любитъ! Она принесла вамъ шолько жерпвъ! Можешъ бышь, она-то и будешъ любитъ васъ, когда вы къ ней перемѣнитесь.

— Подите заключить миръ, сказала мнѣ Генріета съ улыбкой и безъ малѣйшаго признака огорченія. Скажите ей, что она ошиблась; что сердце мое заключаешъ только хорошія чувства къ ней и совершенно чуждо гнѣва или презрѣнія. Изъясните ей, что я сеспра ея, а не соперница.

— Я не пойду! вскричалъ я.

— Неужели вы не понимаете, опивчала она съ гордоспію, что щадить подобнымъ образомъ можно шѣхъ полько, кого презираешь? Подише, подише!

Я вскочилъ на лошадь, поскакалъ къ леди Додлей, желая узнать, въ какомъ она была расположеніи. Если бы она могла разсердиться и оспавить меня! Собака привела меня къ дубу, подъ копорымъ спояла Маркиза. Увидя меня, она пустилась скакашь, крича: Away, away! Я могъ полько за ней слѣдовашь. Такимъ образомъ мы пріѣхали въ Сен-Сиръ.

— Эпа дама совершенно здорова, сказала мнѣ Арабелла, сойдя съ лошади. Эпо значило: я бы на ея мѣспѣ умерла.

— Я запрещаю тебѣ, опивчалъ я, говорить, хопя-бѣ то было одно слово, прошивъ госпожи де Морсофъ.

— Я не знала, что замѣшипъ, что особа, споль драгоцѣнная вашему сердцу, находитья въ дробромъ здоровьѣ, значить подвергать себя гнѣву вашей милости. Говоряшь, что Француженки ненавидяшь даже собаку

ихъ возлюбленныхъ, а мы въ Англии любимъ все по, что они любящъ, и ненавидимъ, что они ненавидящъ. Позвольте же и мнѣ любить эту даму столько же, какъ вы сами. Только, милый другъ, говорила она, обнимая меня мокрыми опъ дождя руками, если бы ты измѣнилъ мнѣ, по не увидѣлъ бы меня ни въ коляскѣ, ни въ моей комнаѣ, ни на какой террасѣ въ свѣѣ, ни подъ кровлею опцевъ моихъ. Я бы умерла. Знаешь себя—и уступить! Я бы не уступила себя смерши, пошому что послѣдовала бы за тобою.

Она увела меня въ свою комнату, гдѣ собраны были всѣ произведенія роскоши.

— Люби ее, другъ мой, сказала я ей съ жаромъ; она любитъ тебя не въ шушку, но искренно.

— Въ самомъ дѣлѣ? отвѣчала она, сбрасывая Амазонское плащье.

Изъ самолюбія я хотѣлъ показать гордой леди всю высокосшь души Генриеты. Между шѣмъ какъ горничная убирала ей волосы, я сдѣлалъ ей крапкій очеркъ жизни Г-жи де Морсофъ; я повпорилъ великія мы-

сли, внушаемая ей несчастіемъ, которое всѣхъ женщинъ дѣлаешь мелкими и дурными.

Я очень рада, сказала она, когда мы оспались одни, узнавъ швою склонность къ Христіанскимъ разговорамъ въ эпозъ родѣ. У меня въ помѣспяхъ есть паспортъ, копорый превосходно сочиняешь проповѣди; даже мои крестьяне понимаютъ его. Завпра я напишу опцу моему, чпобы онъ прислалъ мнѣ его черезъ пакетботъ, и ты найдешь его въ Парижѣ. И если ты разъ его услышишь, не захочешь никого слышать, шѣмъ болѣе, что онъ шакже въ добромъ здоровѣ. Нравоученія его не принесуть тебѣ никакихъ опасныхъ потрясеній; онѣ шекуютъ шихо, подобно крошкзому ручью, и доспавляютъ покойный сонъ. Сдѣлай милость, обѣщай мнѣ выслушать моего пашора. Я только женщина, душа моя; я умѣю любить, могу умереть за себя, но я не училась ни въ Ишонѣ, ни въ Оксфордѣ; я не докторъ и не проповѣдникъ. И шакъ я не умѣю говорить тебѣ проповѣди. Я не упрекаю себя въ эшой спрасши; если бы она была еще спраннѣе, и шогда бы я пошпаралась съ ней сообразо-

вашься; хочу, чтобы возле меня ты нашела все, что тебе нравится: удовольствия сполна и наслаждения любви, проповеди, вино и Христианския добродетели. Право, она счастлива, что может чинить тебе нравучения! Въ какомъ Университетѣ получають Французскія женщины свои апшеспашы? Бѣдная! я умѣю только любить и повиноваться!

— Такъ зачѣмъ же ты скрылась? Я хотѣлъ видѣть васъ обѣихъ вмѣстѣ.

— Въ умѣ ли ты, душа! Я поѣду передѣшая изъ Парижа въ Римъ, надѣлаю для себя всевозможныя глупости. Но похоже ли на дѣло, чтобы я спала говорить на большой дорогѣ съ женщиною, которая не была мнѣ представлена и которая уже съ перваго слова начинала проповѣдь? Я вступаю въ разговоръ съ поселянами, я попрошу работника раздѣлить со мною свой хлѣбъ, когда я голодна; я брошу ему гинею, и все будетъ хорошо; но останавливать коляску на дорогѣ, какъ у насъ дѣлають *рыцари большихъ дорогъ*, это не водится. Къ тому же я еще не совсѣмъ на тебя похожа, ма-

люшка; я не люблю правоученій. Но изъ любви къ тебѣ я на все рѣшусь.

Такъ упопреляла она во зло власпъ свою надо мною, какъ скоро замѣчала въ глазахъ моихъ огонь, копорый ея плѣнипельныя очарованія возжигаль въ нихъ прошивъ моей воли.

Такъ она любитъ себя болѣе, нежели себя? продолжала она. Нѣтъ, я не пакъ думаю. Вы живише, гордые, великіе; мы спанемъ умирапъ за васъ. Солнце забошипъся ли о комарахъ, копорые шолпяпся въ лучахъ его и живупъ его свѣтомъ? Они пользуюпся имъ сколько могупъ, а когда оно скрывается, они умираюпъ.

— Или улешаюпъ.

— Или улешаюпъ, повпорила она весьма равнодушно.

Я спараюсъ припомнипъ эшо упоишельное болшанье, чшобы лучше предспавипъ вамъ харакперъ эшой женщины, споль отличный ошъ нашихъ соопечеспвенницъ. Шупки Француженки походяпъ на кружево, копорымъ она украшаетъ свое счаспие и шо,

копорое доставляетъ другимъ, копорымъ она придаетъ неизъяснимую прелестъ маленькимъ ссорамъ, заводимымъ ею же самой для перемѣны упомишельнаго однообразія жизни. Шутки Англичанки естъ кислопа, копорая съѣдаетъ все, на что падаетъ, и дѣлаетъ изъ людей скелетовъ. Языкъ умной Англичанки естъ языкъ шигра, копорый, играя, кусаетъ до костей. Это все разрушающее оружіе демона, копорый приходишь и говоришь, оскалясь: *Такъ только-то!* Насмѣшка ославляетъ смербельный ядъ въ ранахъ, ею наносимыхъ.

Но изобразить вамъ ласки Арабеллы, ея роскошную фаншазію, крошость, соединенную съ силою, ея помленіе, нѣжностъ—это сверхъ силъ моихъ. Она усиливалась порывами упоишельной спраспи уничтожить въ сердцѣ моемъ впечатлѣнія кропкой и чистой души Генриеты. Я могъ по этому судить объ ея страхѣ и шайномъ удивленіи къ соперницѣ. Поутру я нашелъ ее въ слезахъ. Она жаловалась, что провела ночь безъ сна.

Что съ тобою? спросилъ я.

— Я боюсь, отвѣчала она, чтобы чрезмѣрная любовь не повредила мнѣ. Если ты предпочитаешь мою счастливую и благоразумную соперницу, то не думай болѣе обо мнѣ; я не буду докучать тебѣ моею горестью, моими жалобами; нѣтъ, я пойду и умру, далеко, далеко отъ себя. Такъ изсыхаетъ распеніе, когда заходишь живошворившее его солнце.

Она умѣла вынудить у меня обѣщанія вѣчной любви, которыя исполнили ее радостию. Я великодушна, говорила она, упирая слезы. Возвратись къ ней; я хочу отъ тебя привязанности произвольной, а не вынужденной силою моей любви. Если ты возвратишься ко мнѣ, я повѣрю, что ты любишь меня столько же, сколько я себя, что до сихъ поръ казалось мнѣ невозможнымъ.

Она умѣла уговорить меня снова явиться въ Клошгурдѣ. Тогда я еще не понималъ, въ какое запруднительное положеніе себя поставилъ. Маркиза разочла все съ удивительною вѣрностію. Она призналась мнѣ послѣ, что если бы г-жа де Морсофъ не встрѣтила ее въ степяхъ, она хотѣла всю

ночь бродить около Клошгурда, чтобы вызвать меня волею или неволею. Но ишли въ замокъ, не значило ли это обидѣшь Генриешу?

Когда я подошелъ къ Г-жѣ де Морсофъ, блѣдность ея лица поразила и шронула меня. Казалось, будто она не спала цѣлую ночь. Въ эту минушу я походилъ на ребенка, кошорый, играя, срывая цвѣшны, сошелъ въ пропасть и со спрахомъ видить, что ему не возможно изъ нея выйши, видишь надъ собою шолько небо, чувспвуешь себя совершенно одинокимъ, между шѣмъ наступаетъ ночь и въ опдаленіи раздается вой дивихъ звѣрей. Такъ я въ одну минушу понялъ, что неизмѣримое проспранство раздѣляло насъ. Всѣ мечшы Генриешы были разрушены однимъ ударомъ.

— Вы рано вспааете, сказалъ мнѣ Графъ. Прогулка вѣрно возбудила вашъ апешить: вѣдь желудокъ вашъ, благодаря Бога, не испорченъ, какъ мой.

Эши слова, кошорыя даже не вызвали на ушпа Графици улыбку лукавой сеспры, показали мнѣ еще разипельнѣе спранность моего

положенія. Не возможно было раздѣлить себя между Клошгурдомъ и Сень-Сиромъ. Арабелла въ своихъ разсчетахъ справедливо полагалась на нѣжность моихъ чувствъ и великосць души Генріевиной. Въ печеніе дня (и никогда онъ не казался мнѣ такъ дологъ) я испыталъ, какъ прудно спать другомъ женщины, копорую пламенно любили. Эта перемѣна легка, когда время пригошовишь къ ней; въ молодости и въ пылу спраспи она несравненно пруднѣе перелома самой ужасной болѣзни. Я проклиналъ спрасъ свою; я желалъ чшобы Г-жа де Морсофъ пошребовала опъ меня жизни. Излишь жизнь на соперницу было не возможно. Генріета не произносила ея имени; къ шому же говоришь о ней худо было низко; такой поступокъ навлекъ бы на меня все презрѣніе Генріеты. Она была совершенно благородна, совершенно велика во всѣхъ своихъ чувствахъ. Послѣ пышилѣпней, восхипипельной довѣренности, мы не знали, о чемъ говоришь; мысли прошиворѣчили словамъ. Мы спарались скрышь другъ опъ друга наши спрданія, а до сихъ поръ онѣ-шо и были пер-

вымъ и крѣпчайшимъ узломъ нашей любви. Генріета казалась веселою, но изъ-подъ этой маски проглядывала глубокая печаль. Называя меня на каждомъ шагу брапомъ, она напрасно искала предмета для разговора, и большую часть времени мы провели въ принужденномъ молчаніи. Она удвоила мои спраданія, показывая, что считаешь одну себя жертвою Арабеллы.

— Я спрадаю болѣе васъ, сказалъ я ей, когда сесприца оппустила на мой счепъ испинно женскую колкость.

— Какъ это? спросила она съ обиженнымъ и надменнымъ видомъ женщины, у которой оспориваютъ способность сильно чувствовашь.

— Да, попому что вся вина на моей споронѣ.

Наконецъ она стала обходиться со мной съ холодноспію и равнодушіемъ, копорья разперзали мое сердце. Я рѣшилъ ѣхашь. Ввечеру, на террасѣ, я проспился со всѣмъ семейспвомъ. Они проводили меня до ограды, за копорой моя лошадь ржала и била

копытами землю. Я взялъ ее за узду. Графиня подошла ко мнѣ.

— Пойдемте одни черезъ аллею.

Я подаль ей руку, и мы прошли дворы тихимъ шагомъ, какъ будію наслаждаясь нашимъ взаимнымъ движеніемъ, до группы деревьевъ, которыя осѣняли другую стѣну ограды.

Тутъ она ошановилась. Проспите, другъ мой, говорила она, обнявъ меня и склонивъ голову на мою грудь, проспите; мы болѣе не увидимся. Богъ надѣлилъ меня грустною способностію чипашь въ будущемъ. Помните мой ужась, когда вы ворошились къ намъ во всемъ блескѣ юношеской красоты. Знайте же, что и въ эту ночь я еще разъ могла взглянуть на нашу будущую судьбу. Милый другъ! мы говоримъ шеперь въ послѣдній разъ. Смерть уже наложила на меня свою руку. Вы опняли мать у дѣшей, вы и должны имъ замѣнить меня. Это вамъ будетъ не трудно. Жакъ и Магдалина пакъ любяшъ васъ, какъ будшо они всегда опъ васъ спирадали.

— Умереть! вскричалъ я, смотря на нее съ ужасомъ. Тогда снова поразили меня ея

сухіе, пламенныя глаза, копорыя можно было уподобить блестящимъ оловяннымъ шарамъ. Умереть!... Генріета! я приказываю тебѣ жить. Нѣкогда ты пребывала отъ меня кляшвъ, теперь я заклинаю тебя: клянись мнѣ, Генріета, посовѣтываешься съ докторомъ и во всемъ ему повиноваться.

— Какъ! вы хотите прошивишься дѣйствію Божія милосердія? сказала она, прерывая мои слова воплемъ безнадежной души, копорая негодуешь, что ее не понимаютъ.

— Такъ вы не любите меня? Вы не хотите мнѣ во всемъ повиноваться, какъ эша презрѣнная леди Ар....

— Да, во всемъ, что тебѣ угодно, прошептала она. Ревность побудила ее пресупишь границы, копорыя до сихъ поръ она строго хранила.

— Я остаюсь здѣсь, сказалъ я, пошупивъ взоры.

Испуганная такой рѣшимостію, она вырвалась изъ моихъ объятій и прислонилась къ дереву; попомъ, не оборачиваясь назадъ, пошла домой быспрыми шагами. Я догналъ ее у группы деревьевъ, взялъ ее руку

и почтительно поцѣловаль. Эта неожиданная покорность пронула ее.

— Чшобы ни было, швой на всю жизнь: ибо я люблю шебя, какъ любила шебя шебушка. Она запрепепала и крѣпко сжала мою руку.

— Одинъ взглядъ, сказалъ я, еще одинъ изъ прежнихъ взглядовъ! Женцина, которая собою жершвуешъ, не можешъ дашь столько жизни и счастья, какъ ты! вскричалъ я, проникнушый до глубины души ея пламеннымъ взоромъ. Генріета! ты возлюбленная, ты одна любима.

— Я буду жить, опвѣчала она, но и вы должны излечитъся.

Взоръ ея совершенно изгладилъ впечатлѣніе, которое произвели на меня насмѣшки Арабеллы. И пакъ я былъ игрушкою двухъ противоположныхъ спраспей и испытываль попеременно ихъ вліяніе. Я любилъ ангела и демона, двухъ женщинъ, равно прекрасныхъ; но одна изъ нихъ была украшена всѣми добродѣтелями, кошорья мы изъ зависши оскорбляемъ, другая—всѣми пороками, которое эгоизмъ побуждаешъ насъ богошворишь. Проѣз-

жая аллею, я безпрестанно оборачивалъ голову, чптобы еще разъ увидѣть Г-жу де Морсофъ; она все спояла подъ деревомъ, гдѣ мы распались; дѣпи махали мнѣ плапками. Тогда невольное чувство гордоспи пробудилось во мнѣ. И такъ, думалъ я, судьба двухъ прекрасныхъ существъ находилса въ моей; я слава, я жизнь двухъ женщинъ, равно превосходныхъ, хотя совершенно въ разныхъ отношеніяхъ; спрасъ ихъ споль сильна, что ша, которую я оставлю, дѣлается добычею смерти. Это мимолетное движеніе щеславія было жестоко наказано, вѣрыше мнѣ. Я не знаю, какой демонъ побуждалъ меня ждапъ возлѣ Арабеллы, чптобы смерть Г. де Морсофъ соединила меня съ Генріешою; въ ея согласіи я и не сомнѣвался. Доѣхавъ до края аллеи и увидѣвъ Генріешу одну, я повернулъ лошадь и въ одинъ мигъ очутился возлѣ нея. Мнѣ хотѣлось спспиться съ нею въ послѣдній разъ и запечатлѣть мое прощанье слезами раскаянія, которымъ она не знала причины. Эти слезы были искренняя и невольная дань прекрасной, невозвратимой люб-

ви, двѣспвеннымъ воспоргамъ, цвѣшу жезла, копорый, увянувъ въ одинъ разъ, никогда не разцвѣтаешъ. Въ послѣдствіи человекъ любитъ всегда и во всемъ самага себя; онъ сообщаетъ свои наклонности, можетъ бышь, свои пороки женщинѣ, копорая его полюбишь; а на зарѣ жизни любимая женщина передаетъ намъ свою нѣжность, свои добродѣтели; она одной улыбкой возбуждаетъ насъ къ прекрасному и учить своимъ при, мѣромъ самоопроверженію. Горе пому, кпо не имѣлъ своей Генриетъ! Бѣденъ и пошъ-кпо не знавалъ какой-нибудь леди Додлей. Счастливъ, кпо нашель обѣихъ въ одной женщинѣ. Счастливъ, Напалія, пошъ, кого вы любите.

По возвращеніи въ Парижъ, связь моя съ Арабеллою спала еще короче. Нечувствительненько сбросили мы покровы приличій, забывъ, что только за ихъ строгое наблюденіе свѣшь прощаетъ подобныя заблужденія. Понятія Арабеллы о любви совершенно противорѣчили моимъ; въ началѣ она сообразовалась съ ними, чтобы вѣрнѣе завлечь меня; шеперь же, подобно палачу, копорый

заранѣе влеймишь обреченную жертву, она хотѣла утвердить свои права на меня передъ лицомъ всего Парижа. Тогда я увидѣлъ, что утверждалъ жизнь свою на основаніи, совершенно пропивномъ общепринятымъ правиламъ и наставленіямъ Генріетты. Тоска овладѣла мною; злобный геній преслѣдовалъ меня мыслями, на копорыхъ я не смѣлъ остановиться. Письма мои къ Генріеттѣ живо изображали мою нравственную болѣзнь и заставляли ее невыразимо справедать. «Цѣною сполькихъ упраченныхъ благъ я хотѣла, по крайней мѣрѣ, искупить ваше счастье!» писала она; но я не былъ счастливъ. Счастье, милая Напалія, не перепитъ сравненій. А я начиналъ уже сравнивать: первый пылъ спраспи прошелъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякая глубокая спраспь такъ сильно нами овладѣваетъ, что попчасть сглаживаееть всѣ неровности характера и разрушаееть самые слѣды привычекъ, копорыя сосавляютъ наши добрыя или худыя качества; но когда два человека уже нѣсколько приглядываясь одинъ къ другому, тогда появляющяся основныя черты нравствен-

ной фізіогноміі; они начинають судить другъ друга, и часпо во время этого обратнаго вліянія хакпера на спраспъ ошкрываюцца анпипаціі; онѣ-то пригошо-вляють перемѣну, копорую умы поверхноспные приписываютъ врожденному непоспоянспву челоѳческаго сердца. Для меня нача-лась эта эпоха. Не сполько уже ослѣплен-ный очарованіями леди Додлей, я началъ разбираеть ея харакперъ, и эпошъ разборъ обратился ко вреду ея.

Вопервыхъ, ей не доспавало этого ума, копорый опличаетъ Француженку между всѣми женщинами и придаеть ей сполько прелеспи. Любовь совершенно измѣняетъ ее: она отбрасываетъ кокепспво и щеще-славіе, и живеть одною любовію. Выгоды, удовольствія, печаль, привязанности и нена-виспъ любимаго челоѳка спановяцца ея собспвенными; для него она въ одинъ день привыкаетъ къ пруднымъ заняціямъ дѣло-выхъ людей; обыкновенно вѣпреная и рас-спочисельная, тогда она не сдѣлаеть ни одной ошибки и не испрапитъ лишней ко-пѣйки. Она бываетъ въ одно время машерью,

наспавницею, управителемъ и докторомъ, и во всѣхъ эпихъ превращеніяхъ облакаешся такимъ блескомъ счастія, который показываетъ силу ея привязанности; умъ ея связываетъ эци различныя свойства, оживляетъ раздвѣчаетъ, уничтожаетъ однообразіе любви. Между тѣмъ она любитъ всегда и безпрестанно, дома и въ свѣтѣ, среди общества. Она умѣетъ говорить языкомъ, одному *ему* понятнымъ, и найдетъ средство сморгнуть на него съ опущенными глазами. За недошпаккомъ возможности выразить мысль свою словомъ, или движеніемъ, она начертитъ ее на песокъ.

Англичанка, напрошивъ, охотно подчиняетъ любовь свою всѣмъ требованіямъ свѣта. Воспитаніе пріучаетъ ее сохранять во всѣхъ случаяхъ одинакую, холодную наружность; она отворяетъ и закрываетъ свое сердце, какъ коробочку. У ней есть маска, которую она надѣваетъ и бросаетъ по произволу; наединѣ пылкая, спраспная, какъ Испаліанка, она принимаетъ холодный видъ при появленіи посторонняго. Тогда самый горячо любимый ею невольно усомни-

ся въ своей власпи, видя неподвижность ея лица, спокойствіе голоса, совершенную свободу движеній. Невольно подумаешь, что женщина, которая бросаетъ опть себя въ спорону всѣ признаки любви, какъ канву, можетъ пакъ же скоро перемѣнить и самую склонность.

Конечно, живущіе въ обществѣ должны повиноваться его законамъ; но человеку спраспному свѣспъ спановишся не-сноснымъ; онъ бѣжитъ его. Легко можно понять, какъ обидно было для моего самолюбія, что леди Додлей не могла жить безъ общества; въ залѣ она совершенно забывала меня; она не отвѣчала тогда ни на одинъ взоръ, ни на одну улыбку; она выводила изъ терпѣнія своей холодноспію и раздражала сердце неподвижною наружноспію. Въ условленный же часъ, когда ей нечего было бояться пронцапельныхъ взоровъ свѣста, любовь ея вспыхивала, какъ зажженный порохъ. Которой изъ этихъ двухъ женщинъ я долженъ былъ вѣрись?

Тысяча маловажныхъ обспояшельствъ показали мнѣ неизмѣримое проспранство, которое отдѣляло Арабеллу опть Генриетты.

Когда Г-жа де Морсофъ уходила отъ меня, она, казалось, поручала зефирамъ шепшашъ мнѣ ея имя; по возвращеніи ея, шумъ ея шаговъ, шелестъ плащя достигали радоспными звуками до моего сердца: такъ много нѣжности было въ ея опущенномъ или поднятномъ взорѣ. Гармоническій ея голосъ былъ уже ласкою; всѣ слова ея обличали присущіе постоянной мысли; она всегда была подобна себѣ; она не раздѣляла души своей на двѣ атмосферы: огненную и ледяную; наконецъ умъ свой и лучшія свои мысли она берегла для выраженія чувствъ; она была кокеткою съ дѣшыми и со мною. Напрощивъ умъ Арабеллы ни сколько не способствовалъ къ украшенію домашней жизни и не служилъ для моего удовольствія. Свѣтъ возбуждалъ его и она разсыпала его въ свѣтъ. А если случалось, что со мною она увлекалась своимъ насмѣшливымъ характеромъ, это по тому только, что она любила укусить и уничтожить кого-нибудь; она не имѣла намѣренія развеселить меня, а слѣдовала только влеченію своей склонности. Г-жа де Морсофъ скрыла бы свое счастье отъ

цѣлаго свѣта, Арабелла напрошивъ желала имъ хвалишься передъ цѣлымъ городомъ. Это смѣшеніе тщеславія, гордосши, любви и холодности шерзало мою душу; я не могъ переходить такъ быспро изъ одной шемперапуры въ другую, и, разумѣтся, что характеръ мой непременно носилъ оппечашокъ чувства.

Когда я рѣшился жаловаться, она оборонила свое жало прошивъ меня, забавлялась моимъ мученіемъ и любила выказывать превосходство своего ума. Не смотря на пылкость спраши, я не находилъ въ ней ничего глубокаго, сосредоточеннаго, какъ въ Генриеттѣ. Ничто ее не могло удовлетворить; ее можно было сравнить съ песчаной почвой, которая вбираетъ въ себя воду. Г-жа де Морсофъ была увѣрена въ моей любви; она умѣла видѣть ее въ одномъ звукѣ, въ одномъ взглядѣ. Маркиза никогда не понимала пожатія руки; ее не прогали ни взоръ, ни нѣжное слово. Волненіе, шумъ, перемѣны были ей необходимы. Письмо Г-жи де Морсофъ, этошъ лучъ, который еще блистала надъ моей головою, показало вамъ,

какъ много ее занимали мои выгоды, мои политическія отношенія; съ жаромъ она участвовала, сколько могла, въ моей жизни. Леди Додлей напрошивъ изъясляла совершенное равнодушіе ко всему, что касалось до моихъ занятій, моего состоянія и всѣхъ трудностей жизни. Если бы со мной случилось несчастіе, какъ это часто бываетъ съ самыми богатыми, я поспѣшь бы посоветовался съ Генриетой; но скорѣй позволилъ бы вести себя въ пиорьму, нежели сказать одно слово леди Додлей.

До сихъ поръ вы видѣли противоположность въ чувствахъ; она находилась также и въ вещахъ. То, что въ Клошгурдѣ означало самую милую внимательность со стороны Генриеты, было въ домѣ Арабеллы дѣломъ слугъ. Она не привязывалась къ своимъ людямъ; смерть лучшаго изъ нихъ ни сколько бы ее не пронула. Никогда я не видалъ въ глазахъ ея слезы, пролитой о несчастіи ближняго. Г-жа де Морсофъ проникнула ее однимъ взглядомъ, и всѣ ея предсказанія сбылись: любовь Арабеллы спала мнѣ несносна. Въ то время, когда я началъ

чувствовать всю тяжесть своего ига, когда душа и плоть были равно утомлены, когда я спалъ понималъ, сколько святоши придаетъ любви истинное чувство, когда я былъ подавленъ воспоминаніями Клошгурда и, не взирая на разстройство, вдыхалъ запахъ его розъ, теплый воздухъ перрассъ и слышалъ пѣніе его соловьевъ: тогда я получилъ ударъ, который еще и теперь опзывается въ моей жизни. Однажды я работалъ въ кабинетѣ Короля; Герцогъ Ленонкуръ былъ дежурнымъ. Когда онъ вошелъ, Король спросилъ у него о здоровьи дочери. Я поднялъ голову быспрымъ движеніемъ, которое весьма не понравилось Королю; онъ бросилъ на меня строгій взглядъ.

— Государь! моя бѣдная дочь при смерти.

— Ваше Величество! будете ли сколько снисходительны, чтобы дозволилъ мнѣ оплучиться? прошепталъ я сквозь слезы, подвергая себя его гнѣву.

— Лешите, милордъ, отвѣчалъ онъ, довольный, что въ каждомъ словѣ умѣлъ выразить эпиграмму.

Герцогъ не просилъ отпуска и поѣхалъ провожать Короля. Я же простился съ леди Арабеллою запискою, въ которой уведомлялъ ее, что ѣду съ порученіемъ Короля. На дорогѣ я встрѣпилъ Его Величество. Онъ удостоилъ принять отъ меня букетъ цвѣтовъ и взглянулъ на меня съ глубоко насмѣшливымъ видомъ, который, казалось, говорилъ мнѣ: «Если ты хочешь что-нибудь значить въ свѣтѣ, возвращайся скорѣе, не шеряй времени съ мершвыми.» Герцогъ сдѣлалъ мнѣ печальный знакъ рукою. Великолѣпныя коляски съ пышною свислою быстро промчались при восклицаніяхъ народа. Мнѣ казалось, что дворъ переѣхалъ черезъ шло Г-жи де Морсофъ съ своимъ обыкновеннымъ равнодушіемъ.

Недалеко отъ Клошгурда я встрѣпилъ докшора; мы велѣли кучерамъ остановиться и вышли изъ каретъ.

— Ну что, каково здоровье Г-жи де Морсофъ?

— Я сомнѣваюсь, чтобы вы заспали ее еще въ живыхъ, опвѣчалъ онъ. Когда она прислала за мной—это было въ прошедшемъ

мѣсяцъ—никакое искусство уже не могло спасти ее. Она умираетъ страшною смертію. Причина болѣзни, полагаю я, должна заключаться въ какомъ-нибудь сильномъ огорченіи.

— Вамъ не извѣстно оно? Дѣши ее не были больны?

— Нѣтъ, возразилъ онъ, смотря на меня съ значительнымъ видомъ, съ шѣхъ поръ, какъ она сильно занемогла, Г-нъ де Морсофъ ее болѣе не мучилъ. Моя помощь теперь не нужна; никакое лекарство ей не поможетъ; а спраданія ее превосходящъ всякое описаніе. Богатая, молодая, прекрасная, она умираетъ отъ голода! Да, вошь уже сорокъ дней, какъ ее желудокъ отвергаетъ всякую пищу, въ какомъ бы видѣ ей ее ни предлагали.

Тутъ онъ пожалъ мою руку. Не унывайте, Г-нъ Виконшъ, говорилъ онъ, поднимая глаза къ небу.

Онъ не подозрѣвалъ, какъ жестоко поражали меня его слова. Я поспѣшно вскочилъ въ карету, обѣщая почтальону тройную награду, если онъ успеетъ пріѣхать во время.

Не смотря на неперпѣніе, дорога показалась мнѣ очень коропкою; я былъ углубленъ въ тяжелья размышленія; страшныя мысли, какъ привидѣнія, полпились въ душѣ моей. Она умираеть съ горя, а дѣши ея здоровы. Спало бышь, она умираеть опъ меня? Совѣсть изрекла погда мнѣ спрашннй приговоръ, кошораго слѣдствія проспиряюпся на всю жизнь, а, можешь бышь, и далѣе. Какая слабосъ, какое ослѣпленіе въ человѣческомъ правосудіи! Оно осуждаеть на смерть и безславіе убійцу, кошорый лишаеть жизни однимъ ударомъ, и тѣмъ освобождаетъ свою жертву опъ смертной муки; а счастье доспается въ удѣль убійцѣ, кошорый проливаеть по каплѣ ядъ въ душу и медленно убиваетъ тѣло! Какое снисхожденіе къ пороку, прикрытому богатой одеждой! Какое равнодушіе къ нравспвеннымъ убійспвамъ!

Слезы капились по щекамъ моимъ, когда я въѣхаль въ аллею, кошорая вела къ Клощгурду. Это было въ сырую, осеннюю погоду; въсперь обрываль сухіе листья съ пополей, насаженныхъ подъ при-

смопромъ Генріешы. Жива ли еще она? Можеть ли еще она положишь свои бѣлыя руки на голову, копорую я преклоню передь ней во прахѣ? Въ эпу минушу я поклялся не видашься съ Арабеллою и въ лицѣ ея возненавидѣлъ всю Англію.

Въ Клошгурдѣ новый ударъ ожидалъ меня. Жакъ, Магдалина и Аббашъ Доминикъ спояли на колѣняхъ возлѣ деревяннаго креспа, копорый находился на холмѣ, захваченномъ въ новую ограду замка. Ни Графъ, ни жена не соглашались его срышь. Я выскочилъ изъ карешы и пошелъ къ нимъ со слезами на глазахъ. Сердце мое было разперзано эпимъ зрѣлищемъ. Старый спременный споялъ въ нѣкопоромъ ошдаленіи съ опкрышою головою.

— Чшо, сударь? сказалъ я Аббашу, цѣлуя въ лобъ дѣшей, копорыя бросили на меня холодный взглядъ, не переспавая молишься.

Аббашъ вспаль. Я оперся на его руку и спросилъ: Жива ли она?

Онъ пихо склонилъ голову.

— Говорите, я заклинаю васъ именемъ Вышняго! Зачѣмъ молишь вы у эшого

креста? Зачѣмъ вы не при ней? Опъ чего дѣши на дворѣ въ такую холодную погоду?

— Уже нѣсколько дней Графиня изъявила желаніе видѣть дѣшей только въ положенные часы. Государь мой! прибавиль онъ въ полголоса, я думаю, должно будешь пригото-вить Г-жу де Морсофъ къ этому свиданію: она такъ перемѣнилась. Вы можете уси-лить ея спраданія. Чпо же до смерти, это было бы для нее благодаріемъ. Мы моли-лись за нее, продолжалъ онъ, попому чпо она, споль покорная Провидѣнію, споль свя-тая, такъ давно гошовая умереть, съ нѣ-которыхъ поръ показывается непреодолимое отвращеніе къ смерти, и въ первый разъ сморптъ съ мрачной зависью на шѣхъ, въ которыхъ она предполагаетъ избытокъ жи-зни. Да, злой духъ оспориваетъ эту пре-красную душу у Ангеловъ! Погодите, не по-казывайшесь ей; она увидѣла бы на лицѣ вашемъ отблескъ придворныхъ пиршесшвъ, и удвоила бы свои жалобы. Позвольте, чпо-бы Аббашъ Биропо или я приготоовили ее къ свиданію, копорое пробудишь въ ней тысячу воспоминаній.

Онъ разсказаль мнѣ тогда съ умилипельнымъ краснорѣчіемъ, которое подобно росѣ падало на мое сердце, что тому шесть мѣсяцевъ, какъ Графиня спралада все болѣе и болѣе. Докпоръ ѣздиль каждый день. Онъ непременно хопѣль исхипить эту добычу у смерти, попому что Графиня сказала ему: «Спасите меня, спасите, во чтобы то ни спало.» Но, чтобы спасти шѣло, вскричалъ однажды почпенный докпоръ, должно прежде изцѣлить душу.

Съ усиленіемъ болѣзни, слова кропкой женщины спановились полными горечи. Она проситъ землю сохранить ее, вмѣсно того, чтобы умолять небо взять ее; попомъ она раскаявается въ ропошѣ на Провидѣніе. Спрашныя спраданія! Спрашная борьба души и шѣла! Иногда послѣднее одерживаетъ верхъ. «Вы мнѣ дорого спойте!» говорила она однажды Жаку и Магдалинѣ, опшалкивая ихъ опъ постели. Но когда мое присуствіе напомнило ей о Богѣ, она оборотилась къ Магдалинѣ и произнесла эти ангельскія слова: «Гѣ, копорымъ не оспалось никакой надежды, могушь еще бышь счастливый

счастіемъ другихъ.» Голосъ ея раздираль сердце. Глаза мои наполнились слезами. Она падаетъ, это правда, но при каждомъ паденіи поднимается выше къ небу.

— И шакъ, вы думаете, что только въ небѣ разцвѣтеть эта прекрасная лилія?

— Вы оставили ее еще цвѣткомъ, освѣчалъ онъ; шеперь найдете ее исплѣвшую, очищенную огнемъ спраданій, свѣшлую, какъ алмазь. Да, эта чисная душа, эта ясная звѣзда выйдетъ въ новомъ блескѣ изъ облаковъ, копорыя покрываютъ ее, чтобы перейти въ царство свѣша.

Когда я сжималъ руку доспойнаго человека, Графъ вышелъ изъ дому. Голова его совершенно поблѣла. Увидѣвъ меня, онъ удивился.

— Такъ она сказала правду? Вопъ онъ. «Феликсъ! Феликсъ! Вопъ идетъ Феликсъ!» вскричала Г-жа де Морсофъ. Другъ мой! говорилъ онъ, озираясь въ какомъ-то испупленіи, здѣсь смершь. Зачѣмъ не пришла она взять спараго дурака, какъ я, на копораго она уже наложила свою руку?

Я пошелъ въ замокъ, собравъ все свое мужество. На порогъ передней Аббашъ Би-рошо остановилъ меня.

— Графиня проситъ васъ подождать.

Посмотрѣвъ вокругъ себя, я увидѣлъ, что люди ходили взадъ и впередъ и слушали съ удивленіемъ приказанія, которыя передавала имъ Минепа. Горестъ была написана на ихъ лицахъ.

— Что тушь дѣлается? спросилъ Графъ, испуганный эпимъ необычнымъ движеніемъ.

— Ничего, отвѣчалъ Аббашъ. Это фанпазія больной. Графиня хочетъ одѣться, чтобы принять Г. Виконта. Зачѣмъ прошиворѣчишь ей?

Минепа позвала Магдалину, и черезъ нѣсколько минушь она опять вышла изъ комнаты своей мапери. Жакъ, отецъ его, два Аббаша прохаживались молча вдоль фасада дома. Я смотрѣлъ на долину, которой поблекшіе опшѣнки теперь, какъ и всегда, согласовались съ моими чувствами. Вдругъ я снова увидѣлъ милую дѣвушку; она собирала послѣдніе осенніе цвѣшны и дѣлала изъ нихъ

букеты. При эпомъ видѣ, копорый пакъ живо напоминалъ мнѣ мои занятія въ счастливые дни любви, я почувсвовалъ странное попрысеніе во всемъ существѣ; свѣшь пошемиѣлъ въ моихъ глазахъ, и я бы вѣрно упалъ, если бы Аббаты не поддержали меня и не опвели на дерновую скамью.

— Бѣдный Феликсъ! сказалъ Графъ; она не даромъ запрепила мнѣ писашъ вамъ; она знала, какъ вы ее любите.

Все было мертво въ замкѣ, прежде наполненномъ движенія и жизни; все представляло видъ опустѣнія; всѣ плакали и предавались опчаянію. Алеи были только до половины расчищены, всегдашнія работы оставлены, работники спояли и смотрѣли на замокъ. Было время, собираія винограда, но въ виноградникахъ не слышно было пѣсенъ и веселыхъ разговоровъ; ни одинъ звукъ не напоминалъ о присуспствіи человека. Мы прохаживались молча; одинъ Графъ говорилъ. Послѣ словъ, внушенныхъ ему привязанностію къ существу, необходимому для его жизни, онъ начиналъ жаловашься, что она не хотѣла беречь себя, ни принимашь

опъ него хорошихъ совѣтовъ. Не смотря на всѣ предсавленія, она взяла доктора, который не умѣлъ ее вылечить, и теперь убиваетъ ее. Если причиною ея болѣзни было сильное огорченіе, то ему всего скорѣе должно было умереть. А у ней какія могли быть огорченія? Она была счастлива: никто ей не прошиворѣчилъ; соспоянiе ихъ приходило часъ опъ часа въ лучшее устройство; дѣти были здоровы. Откуда же могла происшекашь грусть, которая ее подшочила, какъ злой червь? Такъ разсуждалъ онъ, спорилъ и примѣшивалъ къ воплю опчаянiя безумныя обвиненія. Потомъ, когда какое-нибудь воспоминаніе невольнo пробуждало въ немъ удивленіе къ превосходнымъ качествамъ благороднаго созданiя, слезы градомъ капились изъ глазъ его.

Магдалина пришла сказать, что мать ея зоветь меня. Аббашъ Биропо пошелъ со мной; сама она оспалась съ опцемъ, говоря, что мать желаетъ видѣться со мной безъ свидѣтелей.

— Г. Виконтъ! сказалъ мнѣ Аббашъ, одинъ изъ избранныхъ Богомъ служишелей, копо-

рыхъ онъ надѣлилъ крошоспью и проспю, шерпѣнїемъ и милосердїемъ — знайше, чшо я упопрѣбилъ всѣ спаранїя, чшобы воспрѣпшспвовашь вашему свиданїю: спасенїе праведницы эшого прѣбовало. Теперь я останусь съ вами, чшобы защипшп ее опшь вась, а можепть быпть, и опшь самой себя. Уважайше ея слабоспъ. Съ самага упра она находшся въ соспоянїи раздраженїя, копорое прѣдшеспвуемпъ голодной смерпш; мнѣ не возможно скрыпть опшь вась, какъ ей спяжко разпавашься съ жшзнїю. Аббапъ Домшникъ и я взяли на себя спрудную обпязанноспъ скрыпашь ея мученїя опшь семейспва, копорое не узнаемпъ болѣе свою упренную и вечернюю звѣзду. Мужь, дѣпшп, домашнїе спрашшваюпть: гдѣ она? Такъ она прѣремѣншлась. Когда она увидшпшь вась, шп конечно удвошпшь свои жалобы. И спакъ, опброспше мїрскїя помышленїя, забудпше о чувспвахъ сердца, будпше посрѣдшникомъ неба, а не землш съ ея суешю. Да не умрѣпть она въ мшнушу опчаянїя, съ ропомомъ на успахъ....

Я не могъ ншчего опвѣчашь; эшо молчанїе удшвило и огорчшло бѣднаго Аббапа. Чшо

касаешься до меня, я смотрѣлъ, слушалъ, ходилъ, но въ самомъ дѣлѣ ничего не чувствовалъ. Одна ужасная, поминательная мысль занимала меня: Что такое случилось? думалъ я. Къ чему всѣ эти предосторожности? Аббашъ отворилъ мнѣ дверь ея комнаты. Генриета, въ бѣломъ платьѣ, сидѣла на своемъ маленькомъ диванѣ, передъ каминомъ; на немъ стояли вазы съ цвѣтами, на окнахъ также были разставлены цвѣты. Удивленіе Аббата при видѣ цвѣтовъ и убранства Генриеты дало мнѣ понятіе, что умирающая собрала послѣднія силы, чтобы изгладить слѣды болѣзни, привести комнату въ порядокъ и достойнымъ образомъ встрѣтить того, кто тогда былъ для нея дороже всего на свѣтѣ. Худое лице ея, покрытое зеленою блѣдностію, выказывалось изъ-подъ густой кружевной оборки, какъ первый очеркъ милой головки, брошенный мѣломъ на желтоватомъ полотнѣ картины. Только впадые, но полные жизни глаза казались совершенно dokonчанными художникомъ и горѣли сверхъестественнымъ блескомъ въ мертвомъ лицѣ. Уже не было въ ней спокойнаго величія, которое ей

сообщала поспоянная побѣда надъ спраданіями. Лобъ ея, копорый одинъ сохранилъ свою прекрасную форму, шеперь выражалъ порывы спрасшей и безсильныя угрозы. Лице обпянулось, виски впали, на блѣдныхъ устахъ являлась улыбка, напоминавшая голову скелета. Выраженіе ея лица ясно показывало, что она знала свою перемъну и была въ опчаяніи. Нѣпъ, эпо уже не была моя Генріеша, ни высокая, свяшая Г-жа де Морсофъ; эпо было сущеспво безъ имени, копорое голодь и обманушыя желанія подспрекали къ борбѣ со смертію.

Я сѣлъ возлѣ нея и поцѣловалъ ея изсохшую ѣ пламенную руку. Она угадала мое удивленіе изъ усилія, копорое я дѣлалъ, чшобы скрышь его. Блѣдныя губы ея раздвинулась принужденной улыбкой, копорой мы выражаемъ равно и ожиданіе наслажденій, и насмѣшку мценія, упоеніе души и ярость опчаянія.

— Ахъ! во мнѣ смершь, мой бѣдный Феликсъ, а вы не любите смерти. Смерть, ужасная, опвращишельная, на копорую ни

одно существо не можешь взирать без пренебрежения. Тупый конец любви, *вѣчной* любви, которую возбуждает одна красота. Я знала это. Ваша Арабелла права. Она наслаждается жизнью и молодостью. Ах! зачемъ я такъ желала васъ видѣть, Феликсъ! Вы оставили ее; она васъ не любитъ, я знаю это; она любитъ васъ только для себя. Но вы пріѣхали, а я, въ награду за вашу преданность, представляю вамъ такое отвратительное зрѣлище. А я такъ желала оспаться въ вашей памяти прекрасною и великою, бытъ для васъ вѣчно лилією; я опнимаю у васъ ваши прекрасныя мечты. Но не убѣгайте меня, оспаньтесь! Докторъ нашель меня нынче гораздо лучше; я выздоровлю, я оживу въ глазахъ вашихъ. А съ силами возвратился и красота. Мнѣ едва минуло тридцать пять лѣтъ. Я могу еще бытъ счастлива. Къ тому же опъ счастья молодѣю. Я хочу узнать радость. Да, я долго объ этомъ думала. У меня прелесныя планы. Мы оставимъ ихъ въ Клошгурдѣ, а сами уѣдемъ въ Испанію....

У меня выступили слезы. Я оборотился къ окну, какъ будто разсмащивалъ цвѣтны. Аббатъ Биропо подошелъ ко мнѣ, и, наклонившись надъ букетомъ, шепнулъ мнѣ на ухо: Ради Неба, удержите ваши слезы!

— Какъ прежде, вы возвратите мнѣ здоровье, Феликсъ! Можно ли не ѣсть того, что вы будете подносить мнѣ? Вы такъ хорошо умѣете ходить за больными. Да, вы такъ богаты здоровьемъ и силою, что возлѣ васъ жизнь прилипчива. Другъ мой! докажете же мнѣ, что я не могу умереть, умереть, не зная счастья. Они думаютъ, что я умираю отъ жажды! Нѣтъ, я спрадала отъ того, что меня со мной не было. Она произнесла эти слова мнѣ на ухо и сжала мои руки своими горячими руками.—Вѣдь ты велѣлъ мнѣ жить; я хочу жить. И я хочу ѣздить верхомъ, я хочу видѣть Парижъ, узнать праздники, удовольствія....

Тутъ она вспала съ неперѣніемъ ребенка, которому отказываютъ въ игрушкѣ. Аббатъ, увидѣвъ ее въ такомъ положеніи, сталъ на колѣна и читалъ молитвы.

— Да, жишь хочу я! вскричала она, заспавляя меня вспасть и опершись на мою руку — жишь не обманомъ, не мечпою! До сихъ поръ все было обманъ въ моей жизни; я перечла ихъ съ перваго дня до послѣдняго. Возможно ли, чшобы я умерла? Я, копорая не жила! Зачѣмъ же дали мнѣ душу, копорая можешъ жишь одной любовью? И за какое преступленіе я до сихъ поръ была лишена ея? Развѣ счастье мое кому повредило? Ахъ, если бы я была счастлива, я жила бы, я могла бы забопиться о счастья дѣшей моихъ, успроить ихъ, руководить ихъ въ жизни. Умерепь, не зная любви, любви радоспной, копорая восхищаетъ душу до небесъ! Вы хорошо сдѣлали, что покинули меня, чшобы насладишься жизнью въ обьяшяхъ другой. Любовь, это вся жизнь! А меня ушѣшаютъ, говоряшъ мнѣ о другой жизни. Я знаю, я люблю эту, я не хочу умирашъ...

Она умолкла, спала прислушивашься.

— Феликсъ! работники идушъ обѣдашъ, а я?... Я! вскричала она дѣпскимъ голосомъ, я

госпожа, и голодна! Такъ почно, они счастливы любовію. А я? . . .

— *Kyrie eleison!* говорилъ бѣдный Аббапъ, и молился, поднявъ руки и глаза къ небу. Она услышала, обернулась къ нему и засмѣялась.

— Никпо не имѣешь ко мнѣ жалости, отвѣчала она. Вы говорите мнѣ о раѣ, а будешь ли онъ тамъ? Нѣпъ, шеперь насъ не разлучашъ, продолжала она, обхвативъ руками мою шею. Я не хочу болѣе носить бѣлаго плашья. Я хочу веселиться, какъ леди Додлей; выучусь по-Англійски, чпобы хорошо произносить: *tu dee*. Я поѣду ко двору, къ Герцогинѣ Беррійской, буду восхипительно одѣваться. Вы будете гордиться мною. Мать предлагала мнѣ эту роскошную, блестящую жизнь; если бы я ее послушалась, шо сохранила бы ваше сердце и не умерла бы опъ горя. Умерешь, когда любяпъ жизнь!

— Нѣпъ, нѣпъ! сказалъ я.

Наконецъ она услышала меня, и сдѣлала знакъ головой, что шопчасъ ворошишся.

— Мы будемъ вмѣстѣ обѣдать, сказала она; пойду, скажу Минешѣ.

Ей сдѣлалось дурно. Я положилъ ее на постель.

Она была легка, какъ пухъ; все шло ея горѣло. Въ эту минуту вошелъ докторъ; онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на убранство комнаты, но мое присутствіе ему-все объяснило.

— Какъ жестоко спираются для того, чтобы умереть! прошептала она слабымъ голосомъ.

Докторъ сѣлъ возлѣ нея, взялъ ея пульсъ, но потомъ поспѣшно вспалъ, поговорилъ на ухо Аббапу и вышелъ изъ комнаты—я занимаю.

— Что вы хотите дѣлать? спросилъ я.

— Избавишь ее отъ ужаснѣйшаго мученія, сказалъ онъ. Я самъ не вѣрю ея силѣ. Мы не понимаемъ, какъ еще она жива. Вопъ уже сорокъ два дня, какъ она не спала, не пила и не принимала никакой пищи. Г-нъ Деландъ спросилъ ея горничную; меня Аббашъ Биропо увелъ въ садъ.

— Оставимъ съ ней доктора, сказалъ онъ; онъ обложитъ ее опиумомъ. Ну, теперь вы

слышали ее? Впрочемъ она не причастна своему безумію.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, попому что уже это не она.

Я едва не сошелъ съ ума опъ гореспи. Я вышелъ изъ сада чрезъ калипку и сѣлъ въ самомъ уединенномъ мѣстѣ, чпобы на свободѣ предаваться мучительнымъ мыслямъ. Опчаяніе внушало мнѣ самыя спранныя намѣренія. Я хопѣлъ по умереть съ ней, по заключиться въ Карпезіанскомъ монастырѣ. Я спрашивалъ себя: опкуда придетъ шеперь ко мнѣ свѣтъ и надежда? Чпо будетъ привязывать меня къ жизни? Тупъ легкой шумъ заставиль меня обернуться. Магдалина совершенно одна прохаживалась медленными шагами по террасѣ. Желая спросить ее о причинѣ холоднаго взгляда, копорымъ она вспрѣпила меня, я подошелъ къ ней; но она, какъ будпо меня не замѣшивъ, поспѣшно удалилась. Она ненавидѣла меня, она убѣгала убійцы своей мапери. Обойдя около балкона, я опяпъ увидѣлъ ее. Она спюяла неподвижная, какъ спашуя, и прислушивалась къ шуму моихъ шаговъ. Жакъ

сидѣль на ступеняхъ лѣспницы; положеніе его выражало совершенную безчувстввенность, какъ эшо бываетъ со всѣми молодыми людьми, кошорые чувспвуютъ въ себѣ зародышь смерши. Я хошѣль вопросить эту мрачную душу. Хранила ли Магдалина свои мысли при себѣ, или она передала свою ненависть и брашу?

— Ты знаешь, сказалъ я, чптобы завязашь разговоръ, чпто имѣешь во мнѣ самага нѣжнаго, преданнаго брата.

— Мнѣ не нужна ваша дружба. Я скоро послѣдую за маперью, опвѣчалъ онъ, бросивъ на меня горестный и мрачный взглядъ.

— Жакъ! вскричалъ я, и шы?...

Онъ закашлялся, опошелъ опъ меня, потомъ обернулся и показалъ мнѣ свой плашокъ. Онъ былъ весь въ крови.

— Понимаете? сказалъ онъ.

И такъ каждый изъ нихъ имѣль свою шайну. Братъ и сесшра избѣгали другъ друга. Съ паденіемъ Генриеты все пришло въ разспройство въ Клошгурдѣ.

— Графиня заснула, пришла сказать намъ Минеша, радуясь за нее этой минутой спокойствія. Г. Деландъ велѣлъ принять цвѣты, пошому что они слишкомъ сильно дѣйствовали на ея нервы.

И такъ цвѣты были причиной ея испуга; она ни въ чемъ не участвовала.

— Подите, Г. Феликсъ, говорила она, подите, посмотрите на Графиню; она хороша, какъ ангель.

Я возвратился къ больной въ шестъ часовъ, когда вечернее солнце золотило кровли соседнихъ замковъ. Все дышало спокойствіемъ и прохладою. Тихій свѣтъ окружалъ поспель Генриешы. Тѣло въ эту минуту было, такъ сказать, совершенно уничтожено; одна душа господствовала на ея прекрасномъ лицѣ, чистомъ, какъ небо послѣ грозы. Бланка и Генриеша, два высокія существа въ одной и той же женщинѣ, оживали шѣмъ прекраснѣе въ моемъ воспоминаніи, что воображеніе помогало природѣ и возснаноляло въ прежнемъ видѣ каждую черту, въ которой теперь побѣдоносная душа сіяла яркимъ блескомъ. Два Аббата сидѣли возлѣ

кровати. Г-нь де Морсофъ споялъ какъ пораженный громомъ и съ выраженіемъ безумія сморфлъ на знамя смерти, которое развѣвалось уже надъ главой обожаемаго созданія. Я занялъ ея мѣсто на диванѣ. Потомъ мы сморфли другъ на друга, выражая взорами удивленіе къ ея небесной красотѣ и горесть объ ея пошерѣ. Да! Ангелы охраняли ее. Ихъ мечи блиспали надъ благороднымъ челомъ, куда возврапилось высокое выраженіе добродѣтели, которой она всегда сіяла. Всѣ линіи спали по прежнему чисты. Все принимало великій и превосходный характеръ. Зеленые оппѣнки болѣзни уступили мѣсто маповой бѣлизнѣ смерти. Какой шаинственнѣй часъ!

Жакъ и Магдалина вошли. Мы не могли удержашъ невольнаго препенша, когда Магдалина бросилась на колѣна передъ кроватью, съ благоговѣніемъ сложила руки и вскричала: «Наконецъ! вопъ мать моя!» Жакъ улыбался. Онъ былъ увѣренъ въ своей смерти.

— Она пришекла въ приспанъ спасенія, сказалъ Аббашъ Бирото.

Г. Доминикъ посмопрѣлъ на меня, какъ бы желая повпорить: « Не говорилъ ли я вамъ, что звѣзда снова взойдетъ съ своимъ обычнымъ сіяніемъ? »

Магдалина успремила глаза на мапъ; дышала вмѣстѣ съ нею, подражая ея легкому дыханію; это была послѣдняя нить, копорая привязывала ея къ жизни, и мы съ безпокойствомъ къ нему прислушивались, боясь, чтобы она попчасть не прервалась. Какъ Ангель у дверей свяшилаца, молодая дѣвушка спояла вмѣстѣ пламенная и спокойная, величественная и преклоненная. Въ эту минуу раздался вечерній звонъ; теплый воздухъ доносилъ къ намъ звуки, копорые возбъщали, что въ это время всѣ Христіане повторяли слова, произнесенныя Ангеломъ Дѣвѣ. Ave Maria показалось намъ въ этопъ вечеръ глаголомъ Небесъ. Мы громко заплакали. Шопотъ вѣпра, копорый шевелилъ лиспами; послѣднее чирикание ппиць, жужжаніе насѣкомыхъ, журчанье водъ, печальный крикъ иволги — вся природа прощалась съ прекраснѣйшею лиліею долины, съ ея просшою, уединенною жизнію. Эта поэзія

природы, въ соединеніи съ поэзією религіи, такъ хорошо выражала прощальный гимнъ, что рыданія наши невольно повпорились. Дверь была опворена; но эпо ужасное и крошкое зрѣлище такъ приковало наше вниманіе, что мы не замѣтили домашнихъ, копорые въ ближней комнаѣ спояли на колѣнахъ и усердно молились. Бѣдные люди, привыкшіе обманывать себя надеждою, думали сохранить свою госпожу; эпо ясное предвѣщаніе поразило ихъ.

По знаку Аббата Бирото старый спременный пошелъ за приходскимъ священникомъ изъ Саше; докпоръ, копорый споялъ возлѣ спящей, держа ея руку, знакомъ показалъ Аббашу, что шо послѣдній спокойный часъ, копорый оставался ошлепающему Ангелу. Въ девять часовъ она шихо проснулась, посмошрѣла на насъ съ крошкимъ удивленіемъ, и мы увидѣли звѣзду нашу во всемъ блескѣ ея прекраснѣйшихъ дней.

— Маменька! шы слишкомъ прекрасна, чтобы умереть! вскричала Магдалина. На лицѣ швоемъ цвѣтущъ здоровье и жизнь.

— Милая дочь! ошвѣчала она съ улыбкой, я буду жишь, но въ шебѣ.

Тогда началось раздирающее душу прощаніе машери съ дѣтьми, дѣшей съ машерью. Г. де Морсофъ съ благоговѣніемъ поцѣловаль жену свою въ лобъ. Увидя меня, она покраснѣла.

— Любезный Феликсъ! вопъ, кажешся, въ первый разъ, чшо я васъ огорчила. Но забудыше, чшо я могла сказапъ вамъ въ безпамятшсшвѣ. Она пропянула мнѣ руку, и когда я поднесъ ее къ губамъ, она сказала съ своей милой улыбкой добродѣтели: Какъ прежде, Феликсъ!

Мы вышли въ залу, пока она исповѣдывалась. Я спаль возлѣ Магдалины, копорая не могла, не нарушая приличій, убѣгапъ меня при всѣхъ, но подобно машери она ни на кого не смопрѣла и молчала, ни разу не поднявъ на меня глазъ.

— Милая Магдалина! сказалъ я ей шихо, чшо я вамъ сдѣлалъ? Зачѣмъ эша холодносшъ, когда присутствіе смерти должно бы всѣхъ примирить?

— Я слушаю, что говоритъ шеперь моя мать.

— И осуждаете меня, когда она оправдала, если я и былъ въ чемъ виновенъ?

— *Вы* всегда и во всемъ *вы!*

Голосъ ея выражалъ глубокую ненависть Корсиканца, непримиримую, неизмѣнную. Таковы обыкновенно бывающъ сужденія пѣхъ, которые не испытали, не изучили жизни и не принимаютъ никакихъ извиненій въ обидахъ сердечныхъ. Часъ прошелъ въ глубокомъ молчаніи. Когда кончилась исповѣдь, мы опять вошли въ комнату Генриеты. Она надѣла длинное бѣлое платье, которое должно было служить ей саваномъ. Въ каминѣ лежали мои исплѣвшія письма. Она улыбнулась намъ своей прежней улыбкой; полные слезъ глаза показывали, что небесный свѣтъ озарилъ ее; что она видѣла уже обѣщанное блаженство праведникамъ.

— Любезный Феликсъ! говорила она, протягивая мнѣ руку и сжимая мою, остань-тесь. Вы должны присутствовать при одномъ изъ грустныхъ явленій моей жизни, потому что много въ немъ участвуете.

По знаку ея двери зашворили. Графъ сѣлъ, Аббашъ Биропо и я спояли. Съ помощію Минепы Графиня вспала, преклонила колѣна передъ удивленнымъ Графомъ и оспѣлась въ эпомъ положеніи. Когда Минепа опошла, она подняла голову.

— Хопя я всегда имѣла въ мысляхъ бышь вѣрной и доброй супругою, говорила она прерывавшимся голосомъ; можешъ спашься, сударь, я въ чемъ-нибудь не исполнила моихъ обязанностей; но я молила Бога дашь мнѣ силы выпросишь у васъ прощеніе. Да, я могла иногда оказывашъ друзьямъ, кошорые не принадлежали къ моему семейству, болѣе вниманія, болѣе нѣжности, нежели вамъ. А эпо могло васъ раздражишь. Я имѣла, прибавила она шихо, споль сильную дружбу, чшо шопъ самый, кпо мнѣ внушилъ ее, не зналъ никогда совершенно, какъ она была велика. Хопя я оспалась добродѣтельной и безпорочною супругою, но могло спашься, чшо невольныя мысли смущали иногда мою душу. Теперь я боюсь опвѣчать за нихъ. Но какъ я васъ нѣжно любила, и облака прошли по небу, не зашмивъ его чистоты, я

шеперь съ спокойнымъ челомъ прошу вашего благословенія. Я умру безъ горести, если услышу опъ васъ нѣжное слово къ вашей Бланкѣ, къ мапери вашихъ дѣшей; если вы простите ей по, что она сама просила себѣ, только получивъ оппущеніе грѣховъ опъ священнаго судьяща вѣры.

— Бланка, Бланка! вскричалъ спарикъ, обливаясь слезами, кошорья падали на голову жены, ты хочешь уморить меня! Онъ поднялъ ее съ необыкновенною силою и поцѣловалъ въ лобъ.

— Не я ли долженъ просить у тебя прощенія? Не увеличиваешь ли пвоя нѣжность дѣшскіе проступки?

— Можешь бышь, другъ мой, но будьше снисходительны къ умирающей и успокойше меня. Когда паспупишь и вашъ часъ, вспомнише, что я умерла, благословляя васъ. Позвольше мнѣ оставить нашему другу залогъ неизмѣннаго, глубокаго чувства, говорила она, указывая на письмо, лежащее на каминѣ. Онъ г. перъ мой названный сынъ — вопъ все. Сердце, любезный Графъ, шакже чувствуешь необходимость сдѣлать завѣща-

ніе. Въ моей послѣдней волѣ я отказываю нашему любезному Феликсу исполненіе священныя обязанности; онъ докажетъ, я въ этомъ увѣрена, что я имѣла полную причину на него положиться; докажете и вы, что не слишкомъ многого отъ васъ требую. Вы увидите, что я еще все женщина, и пошчасъ послѣ прощенія прошу о милости.

— Прочтите послѣ моей смерти, говорила она, подавая мнѣ шансвенное письмо.

Она поблѣднѣла. Г-нъ де Морсофъ взялъ ее и отнесъ на постель, гдѣ мы ее окружили. Она сдѣлала рукою знакъ, чтобы позвали священника и людей. Попомъ повелительнымъ движеніемъ руки указала мнѣ на обезумѣвшаго Графа и дѣтей. Видъ отца, кошораго тайное помѣшательство было намъ однимъ извѣстно, внушилъ ей нѣмое моленіе, кошорое огненною струею проникло въ мою душу. Передъ елеосвященіемъ она просила прощенія у людей въ томъ, что бывала иногда своенравна и нешерѣлива, просила не забывать ее въ молитвахъ и каждого въ особенности поручала Г-ну де

Морсофъ. Попомъ съ благородною ошкровоенностію обвиняла себя въ ропощъ въ продолженіе послѣдняго мѣсяца, въ шомъ, что опдаляла дѣшей, извиняла себя полько несперпимыми спраданіями. Попомъ съ шрогашельнымъ изліяніемъ чувспвъ благодарила при всѣхъ Аббаша Бирошо, что онъ показалъ ей ничшожноспъ всего земнаго.

Когда она переспала говорішь, начались молишвы. Черезъ нѣсколько минушъ, по совершеніи шаинсшва, дыханіе ея спало шруднѣе; она опкрыла глаза, бросила на меня послѣдній взглядъ и опошла передъ глазами всѣхъ домашнихъ; рыданія наши, можетъ бышь, еще касались ея слуха. Въ эту минушу два соловья, что часшо случается въ деревнѣ, перекликались пѣснями, повшоря нѣсколько разъ свою единспвенную ноту, чисшую и пропяжную, какъ нѣжное призываніе. Когда раздался ея послѣдній вздохъ — послѣднее спраданіе жизни, кошорая вся была продолжительное спраданіе, я почувспвовалъ ударъ, кошорый однимъ разомъ пошрясъ всѣ мои способности.

Я съ Графомъ, два Аббапа и священникъ провели всю ночь у ея постели. Ослѣпленный снѣжною бѣлизною, чистымъ выраженіемъ лица, свободнаго отъ спраспей, я не сводилъ съ нея глазъ; мнѣ казалось, что прежнія привязанности еще одушевляли ее, но она уже не отвѣчала на мою любовь. Какое величіе въ эпомъ безмолвіи и въ эпой неподвижности! Сколько мыслей онѣ раждають въ душѣ! Какая красота въ эпомъ совершенномъ спокойствіи! Какая сила въ эпомъ безспраспій! Тутъ еще видно прошедшее и уже начинается будущее. Ахъ! я любилъ и мертвую столько же, какъ живую.

Поутру Г. де Морсофъ пошелъ спать; при упомленные священника также уснули въ эту особенно тяжелую минушу. Оставшись безъ свидѣтелей, я могъ напечатлѣть на хладномъ лицѣ прощальный поцѣлуй всею любовію, которой она никогда не позволяла мнѣ выразить. На претій день, въ свѣжее осеннее утро, мы проводили Графиню въ ея послѣднее жилище, на бѣдное кладбище прихода Саше, гдѣ изъ Христіанскаго смиренія

она велѣла положишь себя съ просшымъ кресшомъ изъ чернаго дерева на могилѣ.

Безчисленная шолпа слѣдовала за гробомъ; вся долина оплакивала шу, копорая подь покровомъ шайны наполнила ее добрыми дѣлами. Минеша одна въ нихъ учаспвовала, и рассказывала, что когда Графинѣ не доспавало сбереженной суммы, она удѣляла бѣднымъ часпъ изъ шой, копорая была опредѣлена на ея одежду. Сколько бѣднь дѣшей одѣшо ея спараніями! Сколько разъ посылала она маперямъ деньги и нужное бѣлье, слабымъ спарикамъ въ холодную зиму дрова и мѣшки съ мукою, бѣднымъ семейспвамъ иногда корову, иногда лошадь; наконецъ часпо давала она приданое молодымъ людямъ, копорые желали соединишься бракомъ—прогашельное приношеніе сущесшва, копорое было сама любовь, копорое говорило: счаспіе другихъ служишь успѣшеніемъ тому, кто самъ не можешъ быть счаспливъ.

Я шель съ Жакомъ и Аббащами за гробомъ; Графъ и Магдалина оспались по обыкновенію дома. Минеша непременно хошѣла бышь при погребеніи.

— Бѣдная, добрая моя госпожа! говорила она, громко рыдая, шеперь она счастлива. Когда шествіе поворопило къ церкви, въ полпѣ раздались громкіе вопли; казалось, что долина оплакивала душу, копорая ее оживляла.

Церковь была полна народа. Когда спали засыпашь гробъ землею, силы оставили меня; я упаль на руки двухъ человекъ, копорые возмѣнили меня спояли. Они опнесли меня въ замокъ Саше; тамъ госпепрїимные хозяева предложили мнѣ убѣжище. Я не хотѣлъ возвращишь въ Клошгурдъ, ни въ Фрапель, опкуда видно жилище Генріепы. Въ Саше я былъ возлѣ нея. Я провелъ нѣскольکو дней въ комнапѣ, копорой окна выходили на спокойную и уединенную долину, окруженную сполѣпными дубами. Тупѣ въ осеннюю дождливую погоду шечешь бурный пошокъ. Видѣ эпого мѣспна согласовался съ важными, поржеспвенными мыслями, копорья наполняли мою душу. Въ послѣдспвіи времени я имѣлъ множеспво случаевъ замѣшишь, какъ мое присушспвіе было бы непришно въ Клошгурдѣ. Ненависть Магдалины

мнѣ навсегда его зашворила; она конечно не имѣла желанія миришься со мной на гробѣ мапери. Положеніе мое было бы чрезвычай-но зашруднительно между Графомъ, ко-прый спалъ бы говоритъ мнѣ о себѣ, и его дочерью, копорая изъясляла бы мнѣ непреодолимое опвращеніе. Бышь ненависпнымъ шамъ, гдѣ прежде все меня любило, гдѣ самыя цвѣшпы, казалось, ласкали меня; гдѣ всѣ предметы говорили мнѣ краснорѣчиво; гдѣ балконы, шеррасы и рѣшешки, деревья и виды были облечены поэзіею—несперпимая мысль! Увы! шакъ ли должна была кончипься сильнѣйшая любовь, копорую когда-либо испыпалъ человекъ? И шакъ кончающія пре-краснѣйшія чувспва, важнѣйшіе переворопы въ жизни! Мы всѣ опправляемся на зарѣ нашихъ дней, какъ я изъ Тура въ Клош-гурдъ; умъ нашъ, кажешся, гоповъ завла-дѣшь вселенной; сердце полно желанія любви. Попомъ, когда мы узнаемъ нѣсколько людей и жизнь, когда богатспва наши перешли черезъ горнило, мы находимъ шолько немного золоша подъ кучею пепла. Вотъ дѣйспви-тельная жизнь! Необъяшныя шребованія, не-

ограниченныя надежды; а на дѣль ничего. Я долго размышляль, чшò мнѣ шеперь дѣлашь послѣ удара, копорый разомъ подкосиль всѣ мой цвѣшы. Я рѣшился опдаться полишкѣ и наукамъ, пуститься по шрудной дорогѣ честолубія, сдѣлашься государспвеннымъ человекомъ, холоднымъ и безспраспнымъ, и оспаться вѣрнымъ шой, копорую любиль. Наконецъ, въ одинъ изъ прекрасныхъ осеннихъ дней, копорые можно назвашь послѣднею улыбкою природы, я прочель ея письмо. Судите о впечатлѣннй, кошорое оно должно было произвесши на меня.

**ПИСЬМО Г-ЖИ ДЕ МОРСОЪ КЪ ВИКОНТУ
ФЕЛИКСУ ДЕ ВАНДЕНЕСЬ.**

Феликсъ, другъ, копораго я слишкомъ много любила! я должна открытъ вамъ мое сердце, должна для того болѣе, чшобы показашь вамъ, какъ велики, какъ глубоки были рапы, копорыя вы ему нанесли. Теперь, когда на краю пужи я падаю опъ усталости и борьбы, испощившей мои силы, теперь женщина не существуетъ во мнѣ; только мать пережила ее. Вы увидите, другъ мой, какъ вы были первой причиной моихъ страданій, какъ теперь я умираю опъ послѣдняго удара вашей руки; но сладко умирашъ опъ руки любимаго человѣка. Скоро болѣзнь совсѣмъ лишитъ меня силъ; поэтому я хочу воспользовашься послѣдними искрами разума, и умоляю васъ замѣнить дѣшьямъ моимъ сердце, копораго вы ихъ лишите. Если бы я васъ менѣе знала, я поспави-

ла бы вамъ эшо въ обязанность, но я лучше желаю, чшобы вы сами ее на себя возложили, въ слѣдствіе свяшаго раскаянія. Ваша ошибка была мнѣ пагубна, не сполько черезъ васъ самихъ, сколько по дѣйствію, которое она должна была на меня произвести. Ушѣшьтесь однако жъ, и помните, чшо церковь, усшами чисшѣйшихъ своихъ служителей, обѣщаетъ именемъ Бога прощеніе тѣмъ, которые пожертвовали склонностію долгу. Другъ мой! я хочу, чшобы вы узнали все до самой послѣдней изъ моихъ мыслей. Помните ли вы эшопъ праздникъ, которъй давали Герцогу Ангулемскому, единственнъй балъ, на которомъ я была? До тѣхъ поръ душа моя сохраняла чистоту и спокойствіе. Я была уже машерью. Но эша минуша произвела во мнѣ внезапную и непосшижимую перемѣну. Когда я всшала съ такимъ гордымъ видомъ, во мнѣ происходили ощущенія, для которыхъ я напрасно спала бы искашь словъ. Эшо было ошраженіе звука громкимъ эхомъ, свѣшъ, внезапно озарившій мракъ, движеніе, подобное шому, которое было сообщено вселенной; по крайней мѣрѣ, оно было шакже

быспро. По возвращеніи въ Клошгурдъ, весна, первые листья, запахъ цвѣтовъ, прозрачныя облака, рѣка, небо, все заговорило мнѣ языкомъ, до того непонятнымъ.

Съ перваго дня вы пріобрѣтали надъ сердцемъ моимъ полную власть, которая усилилась до безконечности, когда мнѣ можно было чисташъ въ вашемъ сердцѣ. Какой восторгъ наполнялъ мою душу, когда я увидѣла васъ споль чистымъ, споль правдивымъ, одареннымъ множествомъ прекрасныхъ качествъ, способнымъ ко всему великому, споль юнымъ и уже пакъ много испытавшимъ!

Вы были мужъ и дия, робкій и мужественный вмѣстѣ. Я узнала, что оба мы были испытаны одинакимъ несчастіемъ и мужественно обрєкла себя на цѣлую жизнь спраданій; онѣ были мнѣ пріяпны, истому что вы ихъ раздѣляли. Спирасъ моя къ вамъ опразилась въ моихъ поступкахъ. Мученія, которыя заспалялъ меня шерпѣшь Г. де Морсофъ, казались мнѣ шогда справедливымъ наказаніемъ. Прежде я склонна была къ ропосу; ваше присушствіе пробудило во мнѣ веселоспъ, которая была пріяшна Г. де

Морсофъ. Безъ вашей помощи давно бы я была подавлена шяжекою домашнею жизнію; никогда бы довольно не вознаградила дѣшей попеченіями за то, что уменьшила ихъ часть любви. Жизнь моя была продолжительное спраданіе, но я полюбила это спраданіе. Въ безпрестанномъ опасеніи не выполнить долга, я всегда спаралась дѣлать болѣе, нежели сколько должна была.

Поспавивъ между нами преградою Магдалину, я вынесла спрашную борьбу; я говорила себѣ, что мнѣ было только двадцать восемь лѣтъ, когда я васъ встрѣтила, а вамъ двадцать два; я сближала распоянія, предавалась обманчивымъ надеждамъ.

Болезнь дѣшей показала мнѣ угрозою Бога, Который звалъ къ себѣ заблудшуюся овцу. Попомъ спрасть ваша къ Англичанкѣ открыла мнѣ, что я любила васъ болѣе, нежели воображала. Безпрестанныя попрясенія бурной жизни, усилія мои побѣдиль спрасть, все пригоповило болѣзнь, опъ которой я умираю. Я спрадала и молчала, пошому что желала смерпи; она казалась мнѣ единспвенной, возможной развязкою эшой

ужасной драмы. Два мѣсяца, копорые прошли между письмомъ моей мапери и вашимъ прїѣдомъ, были для меня цѣлою жизнію, полной ревности и спрашной борьбы; я испыывала жесточайшія мученія, но и посреди эшихъ мученій умѣла казаться спокойною. Когда же я увѣрилась, что вы еще любите меня, какъ прежде, я опяшь желала жить. Но уже было поздно. Богъ взялъ меня подъ свой покровъ. Онъ умилосердился надъ бѣднымъ созданиемъ, копорое въ минушу скорби падало ниць передъ Распятиемъ. Другъ мой! и Г. де Морсофъ проспилъ меня; но будеш ли вы повиноваться моему голосу? Загладите ли вы несчастія, въ копорыхъ мы оба виновны? Будьше Г-ну де Морсофъ шѣмъ, чѣмъ бываешъ сеспра милосердія для больнаго; любите его, пошому что его никшо уже не будешъ любить. Будьше посредникомъ между имъ и дѣшми. Эшо продолжился не долго: Жакъ скоро поѣдешъ въ Парижъ къ дѣдушкѣ. Вы обѣщали мнѣ бышь его руководиселемъ въ бурномъ вихрѣ свѣпской жизни. Магдалина выйдешъ замужъ. Дай Богъ, чшобы вы ей понравились. Она другая я, и

сверхъ того обладаешь силою воли, копорой мнѣ не доспавало и копорая необходима подругѣ государспвеннаго человѣка; она ловка и проицашельна.

Если вы не хошите женишься на Магдалинѣ, по крайней мѣрѣ позабожьшесь о счастіи Г. де Морсофъ, сколько опъ васъ будешъ зависѣть. Проспите, сынъ моего сердца! Эпо прощанье еще полно жизни, эпо прощанье души. Не жалѣйте обо мнѣ: я достигла приспани успокоенія, я умираю оплаканная. Конечно, я часпо колебалась, но не упала, и передъ Творца моего предстану съ такимъ же препешомъ, какъ бы я не удержалась на краю гибели. Еще разъ проспи, еще одно проспи, подобное шому, копорое я сказала вчера нашей долинь, гдѣ я скоро почию въ мирѣ.

Генриета.

Я носился въ вихрѣ размышлений, пробѣгая сокровеннѣйшіе предѣлы ея души, озаренной эшимъ послѣднимъ пламенемъ. И такъ она спрадала сполько же, какъ и я, болѣе меня, пошому что она умерла. Она

думала, что и другіе будутъ любить меня, какъ она; она такъ была ослѣплена любовью, что и не подозрѣвала ненависти, копорую я внушилъ Магдалинѣ. Это послѣднее доказательство ея нѣжності глубоко меня пронуло. Бѣдная Генріета! Она хотѣла отдать мнѣ Клошгурдъ и свою дочь!

Съ того дня, Напалія, когда я проводилъ на кладбище бранные оспалки моей благородной Генріеты, съ того дня солнце не сіяло для меня съ такимъ блескомъ, съ такою теплошю, какъ прежде; ночь спала мрачнѣе, движеніе медленнѣе, мысль тяжелѣе. Есть существа, копорыхъ мы хоронимъ не въ землѣ, а въ сердцѣ нашемъ; о копорыхъ воспоминаніе не разлучно съ нашею жизнью; думаешь объ нихъ для насъ споль же необходимо, какъ дышаешь воздухомъ. Другая душа живетъ въ душѣ моей; когда я скажу что полезное, когда я сдѣлаю доброе дѣло, это она говоритъ и дѣйствуетъ. Все, что есть во мнѣ хорошаго, испекается изъ ея могилы, какъ изъ лиліи благовоніе, копорое наполняетъ воздухъ. Насмѣшливостьъ, всякое зло, копорое вы во мнѣ порицаете, проис-

ходить опъ меня. Теперь, когда взоръ мой омрачился, и, долго успрямленный на землю, обратился къ небу, когда уста мои не опвѣчаютъ на ваши слова и ласки, не спрашивайте меня: *о чѣмъ вы думаете?*

Милая Напалія! я долженъ былъ оставить на нѣсколько времени мой рассказъ, потому что онъ слишкомъ чувствительно распроголъ мои раны. Теперь я въ нѣсколькихъ словахъ перескажу происшествія, копорыя слѣдовали за моимъ несчастіемъ. Письмо Генріеты манило меня еще одной лестной надеждой. Оно указывало мнѣ островъ, къ копорому я могъ приспашь послѣ бури. Жить въ Клошгурдѣ, посвятивъ дни мои Магдалинѣ—эша судьба согласовалась съ желаніями моего сердца; но сперва необходимо было узнать чувства дѣвушки.

Я пошелъ въ Клошгурдъ проспитъся съ Графомъ. Онъ встрѣшилъ меня на шеррасѣ и долго говорилъ о незамѣняемой для него попери; потомъ еще долѣе о себѣ и о будущемъ, копорое его сильно заботило. Онъ боялся дочери: она не имѣла кротости своей матери и показывала пвердый характеръ

и непреклонную волю. Одна увѣренность скорого соединенія съ женой утѣшала его. Впрочемъ, говоря о смерти, онъ еще болѣе спрашился окончишь дни въ одиночествѣ, безъ участія. Какъ уѣдешь, дочь его выйдешь замужъ; кто знаетъ, каковъ будешь его зять. И онъ упрашивалъ меня именемъ жены сохранить ему мою дружбу. По наружности онъ казался слабымъ и хилымъ, но въ самомъ дѣлѣ умѣренная жизнь и сельскія занятія удивительно укрѣпили его, и шеперь, когда я пишу это, онъ еще живъ.

Магдалина давно видѣла насъ изъ оконъ; она даже нѣсколько разъ выходила на балконъ, но, чпобы показать мнѣ свое презрѣнiе, не приближалась къ намъ. Наконецъ я просилъ ее выйти ко мнѣ, говоря, что имѣю сообщить ей послѣднюю волю Графини.

— Милая Магдалина! я знаю ваши мысли, сказалъ я ей; но не осудили ли вы меня, не зная моей вины? Жизнь моя и счастье шѣсно связаны съ этими мѣстами; вы знаете это, и изгоняете меня своею холодностію. Она заступила мѣсто брапской привязанности, копорую смерть должна была

связаць новымы крѣпчайшымы узами. Милая Магдалина! я сей часъ бы опдалъ за васъ жизнь мою, безъ надежды малѣйшей награды: шакъ мы любимъ дѣшей шѣхъ, копорыхъ любовь охраняла насъ въ жизни. Одного прошу я у васъ: не опнимайте у меня права приходить иногда дышать воздухомъ на этой террасѣ и ждаць, чшобы время измѣнило ваши поняшїя. Вы не знаете, какой планъ составила для насъ па, копорая теперь почила въ мирѣ; какъ онъ радовалъ ее сердце въ продолженіе семи лѣтъ; но, не смопря на опвращеніе, копорое вы мнѣ оказываете, я слишкомъ люблю васъ, чшобы сообщить его Г. де Морсофъ. Онъ пламенно бы принялся за него. Будьте свободны. Но въ послѣдствїи вспомните, что вы никого не будете знать лучше меня, что никто не можетъ быть вамъ шакъ преданъ.

До сихъ поръ Магдалина слушала съ опущенными взорами; шупъ она остановила меня движеніемъ руки.

— Государь мой! говорила она дрожащимъ опъ волненїя голосомъ, мнѣ шакже извѣспны всѣ ваши мысли; но чувспва къ

вамъ мои никогда не измѣнятся. Я лучше соглашусь броситься въ Индру, нежели соединиться съ вами. Я не буду говорить вамъ о себѣ; но если имя матери сохраняетъ надъ вами какую-нибудь власть, я именемъ ее прошу васъ не приходите въ Клошгурдъ, пока я здѣсь буду. Одинъ видъ вашъ рождаетъ во мнѣ волненіе, котораго я не умѣю выразить и котораго никогда не преодолѣю.

Она поклонилась мнѣ съ гордымъ движеніемъ и пошла къ Клошгурду, не оборачиваясь, непреклонная и неподвижная, подобно Генріетъ. Проницательный взоръ дѣвушки разгадалъ все, хотя поздно, въ сердцѣ матери; она обвиняла меня въ ея смерти, не давая себѣ труда размыслить, что свое нравный характеръ, тяжелое обращеніе Г. де Морсофа, безпокойство о здоровьи дѣшей давно уже приготовили ея ужасную болѣзнь. И такъ все прекрасное зданіе моего счастья было разрушено; одинъ я зналъ вполне жизнь, чувства, душу этой женщины. Ни дѣши, ни мужъ, ни отецъ не понимали ее. Странная судьба! Сколько семействъ

имѣешь своихъ Генріетъ! Сколько существъ оставляющъ міръ, и никшо не подозрѣвалъ глубины и великости ихъ чувствъ! Такова жизнь человѣческая! Часто дѣти не знаютъ родителей и родители дѣтей. То же бываетъ съ братьями, супругами, любовниками.

Когда Магдалина исчезла, я возвратился въ Парижъ съ разшерзаннымъ сердцемъ. Съ горестью въ душѣ я проѣзжалъ мѣспа, по копорымъ проходилъ въ 1814 году бѣднымъ, успалымъ пѣшеходомъ. Теперь я былъ богашъ, имѣлъ прекраснѣйшую дорогу по службѣ; но глаза мои были полны слезъ, жизнь казалась пустыней; я былъ еще молодъ, но сердце мое уже опцвѣло. Семь лѣтъ лишили эти мѣспа ихъ очаровательной прелести и внушили мнѣ отвращеніе къ жизни. Подавленный горестью, я самъ не замѣпилъ, какъ пріѣхалъ на дворъ леди Додлей, копорая была шакъ далека опъ моихъ мыслей. Но дѣло было сдѣлано. Я былъ у ней, какъ дома; подумалъ о скукѣ разрыва и пошелъ вверхъ. Представъше себѣ мое удивленіе, когда ея дворецкой ввелъ меня въ дорожномъ плашѣ въ залу, гдѣ я нашель леди Додлей въ ве-

ликолѣпной одеждѣ и съ ней пяшь или шесшь человекъ. Лордъ Додлей, одинъ изъ самыхъ значительныхъ лицъ въ Англии, стоялъ возлѣ камина съ надменнымъ, холоднымъ и насмѣшливымъ взглядомъ. Услышавъ мое имя, онъ улыбнулся. Леди Додлей приняла также гордый видъ, посмопрѣла приспально на мое дорожное плашье, какъ бы желала спросить: какъ я имѣлъ дерзость такъ явиться къ ней? и окидывала меня глазами съ головы до ногъ, какъ деревенскаго дворянина, копорый ей только что представился. А наша связь, ея вѣчная спрасъ, кляшвы умереть, если я перестану любить ее и вся фанпазмагорія Армиды исчезла! Я былъ для нее чужой; она меня не узнала. Не смотря на мое дипломатическое хладнокровіе, я удивился. Одинъ изъ ея собесѣдниковъ съ особеннымъ вниманіемъ и улыбкою разсмапривалъ мои сапоги. Но я скоро рѣшился пропивопоставить дерзость дерзости.

— Прошу васъ извинить мое неучпивое посѣщеніе, сказалъ я; сей часъ только я пріѣхалъ изъ Турени, и леди Бранпомъ дала мнѣ порученіе, копорое не перпишь

оплагашельспа. Я боялся, что вы уже уѣхали, но теперь буду ждать вашихъ приказаній.

Она наклонила голову, и я вышелъ. Съ тѣхъ поръ я встрѣчалъ ее только въ свѣтѣ, гдѣ мы мѣняемся дружескими взглядами и иногда эпитафмою. И такъ несчастіе мое было совершенно. Тогда я рѣшился слѣдовать плану, копорый начерталъ во время моего уединенія въ Саше. Я предался ученію, словесности и полипикѣ. Съ тѣхъ поръ я не спалъ обращая вниманія ни на одну женщину, какъ бы ни казалась она хороша, остроумна и способна любить. Это мнѣ удалось. Я приобрѣлъ удивительное спокойствіе духа, большую способность къ работѣ, и тогда понялъ, какъ много жизни мы переемъ для женщинъ, копорья плашяпъ намъ нѣсколькими ласковыми словами. Но вы знаете также, какимъ образомъ разспроились мои намѣренія.

Милая Пашалія! раскрывая передъ вами жизнь мою безъ обмана, съ совершенной откровенностію; говоря вамъ о чувсвахъ,

внушенныхъ не вами, можетъ быть, я пронуль ваше нѣжное и ревнивое сердце; но я знаю, что раздражило бы женщину обыкновенную, будетъ для васъ новою причиною любить меня. Обязанность женщины къ душамъ больнымъ, раненымъ священна и высока; это обязанность сестры милосердія, матери, которая, любя, прощаетъ сыну. Поэты, художники, ученые не одни страдаютъ; люди, которые живутъ для опечесства, часто осуждены на горькое одиночество. Имъ нужно имѣть возлѣ себя чистую, преданную, любящую душу, и вѣрьте, что онѣ умѣютъ постигнуть ихъ высоту, цѣнить ихъ любовь. Завтра узнаю, обманулся ли я въ моей надеждѣ.

ОТВѢТЪ ГРАФУ ФЕЛИКСУ ДЕ ВАНДЕНЕСЪ.

Любезный Графъ! вы получили, говорите вы, опть Графини де Морсофъ письмо, копорое научило васъ, какъ вести себя въ свѣшѣ, письмо, копорому вы обязаны вашимъ быспрымъ возвышеніемъ: я хочу докончить ваше воспитаніе. Ради Бога, оспавьте одну чрезвычайно дурную привычку: не подражайте неупѣшнымъ вдовамъ, которыя говорятъ о первомъ мужѣ и всегда упрекаюпть живаго добродѣтелями покойника. Прочипавъ рассказъ вашъ съ должнымъ вниманіемъ (а вы знаете, какъ велико участіе, копорое я въ васъ принимаю), мнѣ показалось, что вы смерпельно наскучили леди Додлей, говоря ей о совершенствахъ Г-жи де Морсофъ, и сдѣлали много зла послѣдней, выхваляя ей очаровашельную любовь Англичанки. Въ добавокъ, вы поступили совершенно неловко со мной, бѣдной, копорая не имѣетъ другихъ

достоинствъ, кромѣ счастья вамъ нравиться; вы дали мнѣ почувствовать, что я не любила васъ, какъ Арабелла и какъ Генриета. Я знаю мои недостатки и сознаюсь въ нихъ; но зачѣмъ же такъ жестоко давали мнѣ ихъ чувствовать? Знаете ли, кто кажется мнѣ ошмѣнно достойнымъ сожалѣнія? Четвертая женщина, которую вы полюбите. Она будешь должна по неволѣ бороться съ временемъ. Для избѣжанія этого, я хочу предупредить эту опасность опять слишкомъ живой памяти, сколько же для вашей пользы, сколько и для ея: я отказываюсь опять труднаго подвига любить васъ.

Другъ мой! ибо вы всегда останетесь моимъ другомъ, берегитесь начинать съ кѣмъ-нибудь подобную исповѣдь, которая показываетъ во всей наготѣ ваше разочарованіе, опнимаешь бодрость и заставляетъ женщину сомнѣваться въ самой себѣ. Любовь, любезный Графъ, живетъ довѣренностію; женщина, которая не скажетъ слова и не сядетъ на лошадь, не сирсивъ себя: не лучше ли говорила небесная Генриета, или

съ какою ловкостью управляла лошадыю прелестная Арабелла? эта женщина по неволѣ будетъ дрожать всѣмъ тѣломъ. Мнѣ страхъ какъ хотѣлось получить опъ васъ одинъ изъ эгихъ очаровательныхъ букетовъ; но вы болѣе ни для кого ихъ не собираете. Такимъ образомъ есть тысяча вещей, копорыхъ вы не смѣете дѣлать, тысяча чувствъ и мыслей, копорыя для васъ не возвращаются. Вы просите меня любить васъ изъ состраданія. Признаюсь вамъ, я сдѣлаю много изъ состраданія, милосердія; но любить такъ невозможно. Вы иногда скучаете и докучаете другимъ; вы называете вашу печаль меланхоліею—пожалуй, только тогда вы нестерпимы, и мучите жестоко ту, копорая васъ любитъ. Я слишкомъ часто находила между нами могилу свяшой; я знаю себя, и не хотѣла бы умереть, какъ она. Можетъ быть, вы наскучили бы мнѣ еще скорѣе, чѣмъ леди Додлей. И такъ будемте друзьями, исключимте любовь изъ нашихъ сношеній.

Какъ, любезный Графъ! при самомъ вступленіи въ свѣтъ, вы имѣли счастье быть любимымъ женщиной совершенной, предан-

ной, которая составила ваше счастье, доставила вамъ богатство, Графское достоинство, любила васъ пламенно и въ замѣнъ всего желала только, чтобы вы были ей вѣрны; а вы уморили ее съ горя! Да, вѣдь это ужасно! Возьмите любаго изъ несчастныхъ молодыхъ людей, которые носятъ честолюбіе свое по улицамъ Парижа. Кто изъ нихъ не согласился бы съ радостію оспаться цѣлую жизнь вѣрнымъ за половину милостей, которыхъ вы не умѣли цѣнить? Я не понимаю, чего вы могли еще желать. Бѣдняжка! она много поперѣла! А вы сказали нѣсколько чувствительныхъ фразъ надъ ея гробомъ, и думаете, что уже все завлажено! Любезный Графъ! Я не хочу ни живой, ни мершвой соперницы. Когда имѣютъ на совѣсти такіе грѣхи, то по крайней мѣрѣ не объявляютъ ихъ. Требованіе мое было безразсудно. Я поступила, какъ женщина, какъ Еввина правнучка. Вамъ должно было размыслить о слѣдствіяхъ вашего отвѣта. Зачѣмъ вы не обманули меня? Я была бы вамъ очень благодарна. Ваши требованія неосновательны. Быть вмѣстѣ Генриетой и леди Додлей

пакже не возможно, какъ соединить огонь и воду, вы не знаете женщинъ. Каждая изъ нихъ имѣетъ свои недостатки и свои качества. Вы слишкомъ рано встрѣтили леди Додлей, чтобы умѣть оцѣнить ее, и оскорбленное тщеславіе заставило васъ порицать ее болѣе, нежели она заслуживала. Вы слишкомъ поздно поняли Г-жу де Морсофъ; вы наказали каждую изъ нихъ за то, что одна не походила на другую. Что же будетъ со мною, которая не похожа ни на одну изъ нихъ? Я довольно люблю васъ, чтобы думать о вашемъ будущемъ; а право я васъ много люблю. Ваше сходство съ рыцаремъ печальнаго образа всегда меня сильно прогало; я вѣрила поспоянству меланхоликовъ и не подозрѣвала, что при самомъ вступленіи въ свѣтъ вы уморили прекраснѣйшую и добродѣтельнѣйшую женщину. Тогда я спросила себя: что же вамъ дѣлать? И вопъ что я придумала послѣ глубокаго размышленія.

Я думаю, любезный другъ, что всего лучше для васъ будетъ сочетаться бракомъ съ какой-нибудь Г-жею Шанди, которая не имѣла бы понятія о спрасяхъ и любви.

Она не будетъ заботиться ни о леди Додлей, ни о Генриетѣ; не обратитъ вниманія на минуны скуки, которыя вы называете меланхоліею, и въ продолженіе которыхъ вы бываете занимательны, какъ дождливая погода, и будетъ для васъ опмѣнной сестрой милосердія, какую вамъ надобно. Что же касается до любви, которая шрепещетъ опъ одного слова, ждетъ счастья, даетъ его и получаетъ; что касается до тысячи бурь страсти, до безчисленныхъ требованій женскаго шщеславія: любезный Графъ, это не ваше дѣло. Вы очень хорошо выполнили обязанности вашего ангела-хранителя въ опношеніи къ молодымъ женщинамъ; вы ихъ шакъ шщательпо избѣгали, что совсѣмъ ихъ не знаете. Г-жа де Морсофъ сдѣлала очень хорошо, что съ перваго раза поспавила васъ шакъ высоко, потому что всѣ женщины прошивъ васъ вооружились, и вы ничего бы не достигли. Теперь слишкомъ поздно переначинать ваше воспитаніе, учить васъ говорить намъ то, что мы любимъ слышать, быть великимъ князи и умѣть принаравливать ся къ нашимъ слабостямъ, когда намъ угод-

по бытъ мелочными. Мы не шакъ глупы, какъ вы воображаете. Человѣка, котораго избрало наше сердце, спавимъ мы выше всего; но мы также пребуемъ, чтобы и онъ насъ всему предпочиталъ. То, что колеблетъ вѣру въ наше превосходство, разрушаетъ также и любовь нашу; льстя намъ, вы льстите самимъ себѣ. Если вы желаете остаться въ свѣтѣ и наслаждаться обществомъ женщинъ, я совѣшую вамъ скрывать опъ нихъ то, что вы мнѣ сказали: онъ не любящъ сѣять цвѣты своей любви на утесѣ, ни распочащ ласкъ для облегченія больныхъ сердець. Каждая замѣтивъ безплодность вашей души, и вы всегда будете несчастны. Между нѣмъ весьма немногія изъ нихъ будутъ сполько опкровены, чтобы говорить вамъ, какъ говорю я, и сполько добросердечны, чтобы расстащся съ вами безъ сердца, попріашельски, какъ ваша преданная

Наталія де Манервиль.

К О Н Е Ц Ъ.